

ШКОЛЬНАЯ

БИБЛИОТЕКА

ПОЭЗИЯ
ПЕРИОДА ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
И ПЕРВЫХ
ПОСЛЕВОЕННЫХ ЛЕТ

ШКОЛЬНАЯ

БИБЛИОТЕКА

ПОЭЗИЯ
ПЕРИОДА ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
И ПЕРВЫХ
ПОСЛЕВОЕННЫХ
ЛЕТ

Художник А. Ременник

Москва
«Советская Россия»
1983

С62
П67

Составитель *В. М. Курганова*

Вступительная статья *Е. М. Винокурова*

Под общей редакцией *Е. М. Винокурова*

Рецензент *Н. К. Старшинов*

П $\frac{4803010102-269}{М-105(03)83}$ 213-83

© Издательство «Советская Россия», 1983 г.
составление, вступительная статья.

ПОЭЗИЯ МУЖЕСТВА

Поэзия Великой Отечественной войны. Явление почти необозримое. Небывалое в истории человечества напряжение родило поэзию — этот интеллектуальный и эмоциональный документ переживания всего многонационального советского народа, — и в первую очередь русского народа. Экстремальные условия создали такой душевный напор, который тотчас смог выразиться только в таком непосредственном жанре, как стихи.

Потрясение, которое пережил народ, отлилось в бронзу; эта бронза — высокая стихотворная мощь, поэзия, полная пафоса и боли, ненависти и грусти. Война родила многих поэтов — одни из них погибли в боях, другие вернулись живыми, но недолго прожили, ибо ранения сократили им жизнь, другие живут до сих пор — их осталось мало.

Сколько матерей не дождались своих сыновей. Мои сверстники ушли после девятого класса — не успели закончить среднюю школу.

У каждого солдата была заветная тетрадка — там были переписанные стихи. Наш старшина Сердюк в избытке лирического пафоса всякую попавшуюся поэтическую книжку прочитывал по нескольку раз и многие стихи, раскачиваясь, пел на какой-то свой мотив. Поэзия была в воздухе. Вздохнуть человека было стихотворным словом не так уж сложно, — тронь только чуть-чуть, и человек вмиг очаровывается, так натянуты были его нервы, так остро было его ощущение жизни. Степень ранимости, чувство пафоса, тоска по близким была высока, а что как не это располагает человека к поэтическому слову.

Помню, как произносил наш вспоминающий о своей жене комбат Гришанов строчки Уткина: «Если я не вернусь, дорогая, нежным письмам твоим не внемля, ты не думай, что это другая, это просто сырая земля...» Он сидел, подперев голову, в землянке, и слезы текли по его лицу. Солдаты переписывали друг у друга стихи, делились ими, как махоркой. Ритмические строки приобретали силу почти материальную, почти физическую. Мне думается, все писали тайком, по крайней мере многие. Наивная песенка под со-

провожение баяна трогала, переворачивала душу, которая искала слов каких-то простых, чтоб высказаться самой до конца.

Хотелось исповеди, жалобы и мужества. Подлинность — вот что ставилось выше всего.

Николай Тихонов с книгами «Орда» и «Брага», Владимир Луговской — они как бы передали эстафеты начинающим поэтам.

Их поэтика, их мироощущение питали молодую военную поэзию. «Курсантская венгерка» Вл. Луговского волновала нас, нам было близко это ощущение тревожного быта. Особенно дорог молодым поэтам был Николай Тихонов. Сдержанное мужество, привязанность к простым земным радостям, культ преданности и чести, ощущение долга, — это мироощущение стало священным. Слишком все, что мы пережили, было всерьез, слишком многое было оплачено кровью.

У Николая Асеева есть одно стихотворение, где он восхищается военным: «Ах, какого парня я видел в сентябре, шинель кавалерийская и шашка в серебре!» Восхищение военным, его выправкой, его мужеством передалось нам от старшего поколения.

Мы зажгли свои огоньки от их огня, они подсказали, они «поставили нам голос». Мы были чутки, и подчас одна лишь интонация, одна фраза запоминалась нами и возбуждала нас. Помню многие строфы Виссариона Саянова, отдельные строки В. Гусева, такие, как: «В какой я школе сидел на парте, какой из меня командир полка, но мне в ревком сказали: — Шпарьте! — И я ответил тогда: — Пока!» («Матрос Охрименко»).

Романтика согревала наши сердца, питала нас, давала нам жизненные силы, поддерживала. Неозаренная молодость, молодость, не согретая романтизмом, без света, мерцающего где-то впереди, что это за молодость?! Мы были горды за себя, мы высоко ставили фронтовое товарищество, мы верили в людей, и люди доверяли нам. Что может быть выше в юности? Без этого, выражаясь словами Гёте, человек только «темный гость на темной земле».

Мало осталось фронтовых поэтов, многие умерли «не от старости, а от старых ран», как сказал Семен Гудзенко.

Нас раскидало время, но бывшее фронтовое братство дает себя знать, и мы, уже пожилые, встречаясь случайно, ощущаем, хоть прошли десятилетия, — какие десятилетия! — какую-то близость, родственность.

Нет, этого нельзя забыть!

Во время войны стала явственной связь с землей, со своей землей, где ты родился, с историей России, с исторической преемственностью, с предками, — мы вдруг поняли, что связь кровная, связь между сменяющимися поколениями — вещь не простая, а глубинная, еще во многом непонятная, но страшно важная.

Потому так много у фронтовых поэтов стихов об истории, о России, о ее героях, о ее людях. В стихах Сергея Наровчатова тема русской истории зазвучала в полную силу,— и это было тоже новое, что внесло наше поколение. Война вернула к органичности, к пониманию неразрывности всех процессов, к глубине и мудрости. В каждой строке стихов чувствуется та выстрадавшая подлинность, без которой стихи бездейственны.

Если музыку делает тон, то тем более тон делает поэзию. Тон стиха многое решает, и тон стихов Михаила Луконина, создающий ощущение трепетности и нервности, стал созвучен нашей эпохе, эпохе войны, той тревоге и напряженности, которая была разлита в воздухе. Но и сами старые мастера заговорили по-новому. Они как бы зажили новой жизнью.

Николай Тихонов, старый солдат еще первой мировой войны, Михаил Светлов, чоновец гражданской войны,— вдруг обрели новые интонации, новый тембр голоса.

Павел Антокольский создал поэму, посвященную человеку нашего поколения, своему сыну, погибшему в боях, который был почти мой сверстник,— лишь на два года он был меня старше.

Прощай. Поезда не приходят оттуда.
Прощай. Самолеты туда не летают.
Прощай. Никакого не сбудется чуда.
А сны только снятся нам. Снятся и тают.

Мне снится, что ты еще малый ребенок
И счастлив, и ножками топчешь босыми
Ту землю, где столько лежит погребенных.
На этом кончается повесть о сыне.

Александр Твардовский развернул поэтические широкие полотна. Его Василий Теркин был как бы главным героем войны, ее главным персонажем. И были такие стихи:

Две строчки

Из записной потертой книжки
Две строчки о бойце-парнишке,
Что был в сороковом году
Убит в Финляндии на льду.

Лежало как-то неумело
По-детски маленькое тело.
Шинель ко льду мороз прижал,
Далеко шапка отлетела,

Казалось, мальчик не лежал,
А все еще бегом бежал,
Да лед за полу придержал...

Среди большой войны жестокой,
С чего — ума не приложу, —
Мне жалко той судьбы далекой,
Как будто мертвый, одинокий,
Как будто это я лежу,
Примерзший, маленький, убитый,
На той войне незначимой,
Забытый, маленький, лежу.

И по-своему откликнулась Анна Ахматова, так же неистово проникновенно, как в своей лирике, она заговорила о войне.

Поэзия Великой Отечественной войны и ближайших к ней лет — это хор. Как в полифоническом хоре звучат голоса разных и все же в чем-то близких друг другу поэтов. Интимный голос Ахматовой сочетается с могучим эпохальным голосом Твардовского, они как бы дополняют друг друга, — таких разных в своей индивидуальности, их объединяет искренность и потрясение.

Помню, как один знакомый прислал мне вырезку из фронтовой газеты с текстом песенки «Давай, закурим!». Брат отца прислал вырезку стихов из своей фронтовой газеты. Люди делились радостью, им хотелось, чтобы радость от восприятия поэзии пережили и другой, близкий человек.

«Жди меня» К. Симонова потрясло со страниц газеты всю Россию. Стихотворение, звучавшее как заклинание, переписывалось, читалось с эстрады, звучало по радио.

Одной из любимых песен была «Махорочка», написанная еще до войны, но пришедшаяся по душе именно в войну, — ее текст, такой простой и такой незамысловатый, когда ее пели, идя в строю, ударял по сердцу: «Как получишь письма от любимой, вспомнишь далекие края и закуришь, и с колечком дыма улетает грусть твоя».

Поэт А. Лебедев, погибший на борту подводной лодки, незадолго до смерти написал пронзительные стихи, обращенные к потомку:

А если сын родится вскоре,
Ему одна стезя и цель,
Ему одна дорога — море —
Моя могила и купель.

Философское осмысление войны пришло потом. Победа над фашизмом, над немецким нацизмом стала темой философских раздумий, — спасение мира от чудовищной идеологии фашизма требовало осмысления, глубокого анализа. И поэзия бралась за решение этой задачи.

Сборник поэзии Отечественной войны и первых послевоенных лет — это энциклопедия жизни народа. Каждое стихотворение — фрагментно, собранные вместе, они создают величественную гигантскую фреску.

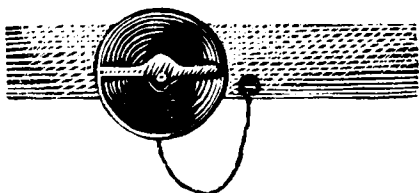
«Илиада» и «Одиссея» народной жизни создавались не сразу, а по деталям, по главам, постепенно, всеми вместе, соборно, как любили говорить в старину,— это труд коллективный, каким были в глубокой древности эпопеи, поражающие нас при обозрении изда-лека своим величием и грандиозностью. Какой-нибудь старинный собор говорит нам не столько о личности зодчего, сколько о духе народа, символом которого он является. Люди, победившие в себе инстинкт самосохранения, преодолевшие страх смерти,— вот что в основе почти всей лирики,— и это чувство, на мой взгляд, лучше всего передал поэт, тогда еще совсем молодой, Павел Шубин, в стихотворении «Полмига»:

Нет,
Не до седин,
Не до славы
Я век свой хотел бы продлить,
Мне б только
До той вон канавы
Полмига,
Полшага прожить:
Прижаться к земле
И в лазури
Июльского ясного дня
Увидеть оскал амбразуры
И острые вспышки огня.
Мне б только,
Вот эту гранату
Злорадно поставив на взвод,
Всадить ее,
Врезать, как надо,
В четырежды проклятый дзот,
Чтоб стало в нем пусто и тихо,
Чтоб пылью осел он в траву!
Прожить бы мне эти полмига,
А там я сто лет проживу!

Е. Винокурова

Бой идет святой и правый.
Смертный бой не ради славы,
Ради жизни на земле.

А. Твардовский

ВАСИЛИЙ ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ

СВЯЩЕННАЯ ВОЙНА

Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой
С фашистской силой темною,
С проклятою ордой!

Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна.
Идет война народная,
Священная война.

Дадим отпор душителям
Всех пламенных идей,
Насильникам, грабителям,
Мучителям людей.

Не смеют крылья черные
Над Родиной летать,
Поля ее просторные
Не смеет враг топтать!

Гнилой фашистской нечисти
Загоним пулю в лоб,
Отребью человечества
Сколотим крепкий гроб.

Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна,
Идет война народная,
Священная война.

АЛЕКСАНДР ТВАРДОВСКИЙ

О РОДИНЕ

Родиться бы мне по заказу
У теплого моря в Крыму,
А нет,— побережьем Кавказа
Ходить, как в родимом дому.

И славить бы море и сушу
В привычном соседстве простом,
И видеть и слышать их душу
Врожденным сыновним чутьем...

Родиться бы, что ли, на Волге,
Своими считать Жигули
И домик в рыбацьем поселке,
Что с палубы видишь вдали...

Родиться бы в сердце Урала,
Чья слава доньше скрытна,
Чтоб в песне моей прозвучала
С неожиданною силой она.

В Сибири, на Дальнем Востоке,
В краю молодых городов,
На некоей там новостройке,—
Везде я с охотой готов
Родиться.

Одно не годится:
Что где ни случилось бы мне,
Тогда бы не смог я родиться
В родимой моей стороне —

В недалней, отцами обжитой
И дедами с давних времен,

Совсем не такой знаменитой,
В одной из негромких сторон;

Где нет ни жары парниковой,
Ни знатных зимой холодов,
Ни моря вблизи никакого,
Ни горных, конечно, хребтов;

Ни рек полноты величавой,
А реки такие подряд,
Что мельницу на два постава,
Из сил выбиваясь, вертят.

Ничем сторона не богата,
А мне уже тем хороша,
Что там наудачу когда-то
Моя народилась душа.

Что в дальней дали зарубежной,
О многом забыв на войне,
С тоской и тревогою нежной
Я думал о той стороне:

Где счастьем великой, единой,
Священной, как правды закон,
Где таинству речи родимой
На собственный лад приобщен.

И с нею — из той незавидной
По многим статьям стороны
Мне всю мою Родину видно,
Как город с кремлевской стены.

Леса ее, горы, столицы,
На рейде ее корабли...
И всюду готов я родиться
Под знаменем этой земли.

А только и прежде и ныне
Милей мне моя сторона —
По той по одной лишь причине,
Что жизнь достается одна.

1946

Я УБИТ ПОДО РЖЕВОМ

Я убит подо Ржевом
В безыменном болоте,
В пятой роте, на левом,
При жестоком налете.

Я не слышал разрыва,
Я не видел той вспышки,—
Точно в пропасть с обрыва —
И ни дна ни покрышки.

И во всем этом мире,
До конца его дней,
Ни петлички, ни лычки
С гимнастерки моей.

Я — где корни слепые
Ищут корма во тьме;
Я — где с облачком пыли
Ходит рожь на холме;

Я — где крик петушиный
На заре по росе;
Я — где ваши машины
Воздух рвут на шоссе;

Где травинку к травинке
Речка травы прядет,—
Там, куда на поминки
Даже мать не придет.

Подсчитайте, живые,
Сколько сроку назад
Был на фронте впервые
Назван вдруг Сталинград.

Фронт горел, не стихая,
Как на теле рубец.
Я убит и не знаю,
Наш ли Ржев наконец?

Удержались ли наши
Там, на Среднем Дону?..

Этот месяц был страшен,
Было все на кону.

Неужели до осени
Был за ним уже Дон,
И хотя бы колесами
К Волге вырвался он?

Нет, неправда. Задачи
Той не выиграл враг!
Нет же нет! А иначе
Даже мертвому — как?

И у мертвых, безгласных,
Есть отрада одна:
Мы за Родину пали,
Но она — спасена.

Наши очи померкли,
Пламень сердца погас,
На земле на поверке
Выкликают не нас.

Нам свои боевые
Не носить ордена.
Вам — все это, живые.
Нам — отрада одна:

Что недаром боролись
Мы за Родину-мать.
Пусть не слышен наш голос,—
Вы должны его знать.

Вы должны были, братья,
Устоять, как стена,
Ибо мертвых проклятье —
Эта кара страшна.

Это грозное право
Нам навеки дано,—
И за нами оно —
Это горькое право.

Летом, в сорок **втором**,
Я зарыт без могилы.

Всем, что было потом,
Смерть меня обделила.

Всем, что, может, давно
Вам привычно и ясно,
Но да будет оно
С нашей верой согласно.

Братья, может быть, вы
И не Дон потеряли,
И в тылу у Москвы
За нее умирали.

И в заволжской дали
Спешно рыли окопы,
И с боями дошли
До предела Европы.

Нам достаточно знать,
Что была, несомненно,
Та последняя пядь
На дороге военной.

Та последняя пядь,
Что уж если оставить,
То шагнувшую вспять
Ногу некуда ставить.

Та черта глубины,
За которой вставало
Из-за вашей спины
Пламя кузниц Урала.

И врага обратили
Вы на запад, назад.
Может быть, побратимы,
И Смоленск уже взят?

И врага вы громите
На ином рубеже,
Может быть, вы к границе
Подступили уже!

Может быть... Да исполнится
Слово клятвы святой! —

Ведь Берлин, если помните,
Назван был под Москвой.

Братья, ныне поправшие
Крепость вражьей земли,
Если б мертвые, павшие
Хоть бы плакать могли!

Если б залпы победные
Нас, немых и глухих,
Нас, что вечности преданы,
Воскрешали на миг,—

О, товарищи верные,
Лишь тогда б на войне
Ваше счастье безмерное
Вы постигли вполне.

В нем, том счастье, бесспорная
Наша кровная часть,
Наша, смертью оборванная,
Вера, ненависть, страсть.

Наше все! Не слукавили
Мы в суровой борьбе,
Все отдав, не оставили
Ничего при себе.

Все на вас перечислено
Навсегда, не на срок.
И живым не в упрек
Этот голос наш мыслимый.

Братья, в этой войне
Мы различья не знали:
Те, что живы, что пали,—
Были мы наравне.

И никто перед нами
Из живых не в долгу,
Кто из рук наших зная
Подхватил на бегу,

Чтоб за дело святое,
За Советскую власть

Так же, может быть, точно
Шагом дальше упасть.

Я убит подо Ржевом,
Тот еще под Москвой,
Где-то, войны, где вы,
Кто остался живой?

В городах миллионных,
В селах, дома в семье?
В боевых гарнизонах
На не нашей земле?

Ах, своя ли, чужая,
Вся в цветах иль в снегу...
Я вам жить завещаю,—
Что я больше могу?

Завещаю в той жизни
Вам счастливыми быть
И родимой Отчизне
С честью дальше служить.

Горевать — горделиво,
Не клонясь головой,
Ликовать — не хвастливо
В час победы самой.

И беречь ее свято,
Братя, счастье свое —
В память воина-брата,
Что погиб за нее.

1945—1946

В ТОТ ДЕНЬ, КОГДА ОКОНЧИЛАСЬ ВОЙНА

В тот день, когда окончилась война
И все стволы палили в счет салюта,
В тот час на торжестве была одна
Особая для наших душ минута.

В конце пути, в далекой стороне,
Под гром пальбы прощались мы впервые
Со всеми, что погибли на войне,
Как с мертвыми прощаются живые.

До той поры в душевной глубине
Мы не прощались так бесповоротно.
Мы были с ними как бы наравне,
И разделял нас только лист учетный.

Мы с ними шли дорогою войны
В едином братстве воинском до срока,
Суровой славой их озарены,
От их судьбы всегда неподалеку.

И только здесь, в особый этот миг,
Исполненный величья и печали,
Мы отделялись навсегда от них:
Нас эти залпы с ними разлучали.

Внушала нам стволов ревуших сталь,
Что нам уже не числится в потерях.
И, кроясь дымкой, он уходит вдаль,
Заполненный товарищами берег.

И, чуя там сквозь толщу дней и лет,
Как нас уносят этих залпов волны,
Они рукой махнуть не смеют вслед,
Не смеют слова вымолвить. Безмолвны.

Вот так, судьбой своею смущены,
Прощались мы на празднике с друзьями
И с теми, что в последний день войны
Еще в строю стояли вместе с нами;

И с теми, что ее великий путь
Пройти смогли едва наполовину;
И с теми, чьи могилы где-нибудь
Еще у Волги обтекали глиной;

И с теми, что под самую Москвой,
В снегах глубоких заняли постели,
В ее предместьях на передовой
Зимой сорок первого; и с теми,

Что, умирая, даже не могли
Рассчитывать на святость их покоя
Последнего, под холмиком земли,
Насыпанном не чуждою рукою.

Со всеми — пусть не равен их удел,—
Кто перед смертью вышел в генералы,
А кто в сержанты выйти не успел:
Такой был срок ему отпущен малый.

Со всеми, отошедшими от нас,
Причастными одной великой сени
Знамен, склоненных, как велит приказ,—
Со всеми, до единого со всеми.

Простились мы. И смолкнул гул пальбы,
И время шло. И с той поры над ними
Березы, вербы, клены и дубы
В который раз листву свою сменили.

Но вновь и вновь появится листва,
И наши дети вырастут и внуки,
А гром пальбы в любые торжества
Напомнит нам о той большой разлуке.

И не затем, что уговор храним,
Что память полагается такая,
И не затем, нет, не затем одним,
Что ветры войн шумят, не утихая,

И нам уроки мужества даны
В бессмертье тех, что стали горсткой пыли.
Нет, даже если б жертвы той войны
Последними на этом свете были,—

Смогли б ли мы, оставив их вдали,
Прожить без них в своем отдельном счастье,
Глазами их не видеть их земли
И слухом их не слышать мир отчасти?

И, жизнь пройдя по выпавшей тропе,
В конце концов, у смертного порога,
В себе самих не угадать себе
Их одобренья или их упрека?

Что ж, мы — трава? Что ж, и они — трава?
Нет, не избыть нам связи обоюдной.
Не мертвых власть, а власть того родства,
Что даже смерти стало неподсудно.

К вам, павшие в той битве мировой
За наше счастье на земле суровой,
К вам, наравне с живыми, голос свой
Я обращаю в каждой песне новой.

Вам не услышать их и не прочесть.
Строка в строку они лежат немыми.
Но вы — мои, вы были с нами здесь,
Вы слышали меня и знали имя.

В безгласный край, в глухой покой земли,
Откуда нет пришедших из разведки,
Вы часть меня с собою унесли
С листка армейской маленькой газетки.

Я ваш, друзья, — и я у вас в долгу,
Как у живых, — я так же вам обязан.
И если я, по слабости, солгу,
Вступлю в тот след, который мне заказан,

Скажу слова без прежней веры в них,
То, не успев их выдать повсеместно,
Еще не зная отклика живых,
Я ваш укор услышу бессловесный.

Суда живых не меньше павших суд.
И пусть в душе до дней моих скончанья
Живет, гремит торжественный салют
Победы и великого прощанья.

1948

СВЕТ — ВСЕМУ СВЕТУ

Звонкой и жесткой
Осенью ранней
Видел я это
В лесном Предуралье.

Через отлогий
Увал каменистый
Просека вдаль
Уносилась, как выстрел.

И на далеком
Ее протяжение —
Дымы, дымки,
Копошенье, движенье.

Музыка, гомон,
Урчанье моторов.
Табор — не табор,
Город — не город.

Горное эхо
С гомоном слитно.
— Дай подойдем,
Поглядеть любопытно.

У котлованов —
Люди, повозки.
Черные, красные
С цифрами доски.

Радиорупор,
Сигнальные флаги.
Шумный рабочий
И праздничный лагерь.

Трактор и тачка,
Лом и лопата.
Бабий платок
И пилотка солдата.

Комбинезон
И треух деревенский.
Всяческий люд,
Но особенно женский.

Девушки в ватниках,
В обуви грубой.
Щеки пылают,
Обветрены губы.

С ними в ряду
За работой суровой
Мужние жены,
Солдатские вдовы.

Мерзлая глина
Звенит под киркою.
Дело нелегкое,
Дело мужское.

Но, погляди,
Управляются быстро
Искрами брызжется
Грунт каменистый.

Но погляди
На девчонок — не чудо ль?
Что за веселья
Дружная удалы!

Вот на минутку
Спины расправят,
Прядки волос
Под косынку заправят,

Лица утрут —
И опять за лопаты.
— Хватит курить,
Мужики и ребята!

Головы в яме —
Вровень с краями.
Столб, как орудие,
Движется к яме.

Глина нарытая —
Груда на груди.
— Здравствуйте!
— Здравствуйте,
Добрые люди.

Глазом окинь:
— Да откуда их столько?
— А из деревни,—
Народная стройка.

— Лихо копаете!
— Так и копаем.
Так и копаем,
Свет добываем.

Свет добываем,
Выводим на трассу.
Что-то мы вас
Не видали ни разу?

— Может, артисты?
Спойте!
Спляшите!
Ах, журналисты!
Ну, так пишите!

Вот и пишите,
Как мы копаем,
Лес прорубаем,
Свет добываем.

Все чтобы точно.
А мы почитаем,
Как мы копаем,
Свет добываем.

И, повторенное
Тысячеустно,
Слово гремит
По горам захолустным.

Слово звучит
Над разбуженным краем:
— Свет добываем!
— Свет добываем!

Селам, и школам,
И сельсовету.
И всему свету!
И всему свету!

1949

9 МАЯ

Салют и слава годовщине
Навеки памятного дня.
Салют победе, что в Берлине
Огнем попрала мощь огня.

Салют ее большим и малым
Творцам, что шли путем одним,
Ее бойцам и генералам,
Героям, павшим и живым,—
Салют!

И пусть его услышат
Те, что не рады торжеству,
Что кровью мира пакты пишут,
Войну поют, войною дышат,
Войною бредят наяву.

Два слова к ним по существу.

Я волен речь вести свободно,
Как тот солдат, с кем был в бою,
С кем пыль глотал в страде походной
И чьим поэтом состою.

Ему, творцу бессмертной были,
Что не уйдет во мглу времен,
Вы славу издали трубили,
Когда гроза брала разгон.

Когда вам ужас веял в души,
А он, солдат, свой начал путь
На море, воздухе, на суше,
Врага встречая грудь на грудь.

Вы полагали, он не ведал,
Покуда шла еще война,
Кому, зачем была победа
И по какой цене нужна?

Но вряд ли вы считали сами,
Рядясь под цвет его друзей,
Что вас считает он друзьями
В душе бесхитростной своей.

Еще тогда, играя в прятки
И грея руки близ войны,
Вы не ошиблись в той догадке,
Что он — солдат своей страны.

И не вложить вам миру в уши
Враньем речей, газет, витрин,
Что с моря, воздуха и суши
Грозит вам тот, кто брал Берлин.

Кто городов и сел руины
Вновь оживил в родном краю
И, как на штурм ходил Берлина,
На штурм стихий идет в строю.

И с неизменной отвагой
В труде, обязанном уму,
Творит свой день себе во благо
И человечеству всему.

Себе хозяйскою рукою
Он начертал свой план, свой путь,
И тем лишает вас покоя,
Что не боится вас ничуть.

Он столько вынес и изведal,
Таких больших исполнен сил,
Что страх душе его неведом,
Откуда кто бы ни грозил.

Вам стоит помнить:
День Победы
Он в честь нее провозгласил.

1950

22 ИЮНЯ 1941 ГОДА

Все, все у сердца на счету,
Все стало памятною метой.
Стояло юное, в цвету,
Едва с весной расставшись, лето;
Стояла утренняя тишь,
Был смешан с медом воздух сочный;

Стекала капельками с крыш
Роса по трубам водосточным;
И рог пастуший в этот час,
И первый ранний запах сена...
Все, все на памяти у нас,
Все до подробностей бесценно:

Как долго непросохший сад
Держал прохладный сумрак тени;
Как затевался хор скворчат —
Весны вчерашней поколенья;
Как где-то радио в дому
В июньский этот день вступало
Еще не с тем, о чем ему
Вещать России предстояло;
Как у столиц и деревень
Текло в труде начало суток;
Как мы теряли этот день
И мир — минуту за минутой;
Как мы вступали за черту,
Где труд иной нам был назначен,—
Все, все у мира на счету,
И счет доньше не оплачен.
Мы так простились с мирным днем,
И нам в огне страды убойной
От горькой памяти о нем
Четыре года было больно.
Нам так же больно и теперь,
Когда опять наш день в расцвете,
Всей болью горестных потерь,
Что не вернуть ничем на свете.
У нас в сердцах та боль жива,
И довоенной нашей были
Мы даже в пору торжества
Не разлюбили, не забыли.
Не отступили ни на пядь
От нашей заповеди мира:
Не даст солгать вдова иль мать,
Чьи души горе надломило...

Во имя счастья всех людей
Полны мы веры непреклонной —
В годах, в веках сберечь наш день,
Наш мирный день, июнь зеленый.

1950

ИХ ПАМЯТИ

1

Живым — живое в этой жизни краткой,
Но каждый в вечность уходящий час,
Но каждый камень нашей мирной кладки,
Но каждый колос, что растет для нас
И зреет на полях необозримых,
Но каждый отзвук радиоволны —
Все память о товарищах родимых,
Когда-то не вернувшихся с войны.
Расставшись, мы не стали им чужими
Среди забот и новых дел своих.
Но если б мы одной лишь скорбью жили,
Мы были б нынче недостойны их.

2

Он пал за мир — так сказано о нем,
Так мы тебя о сыне извещали.
Мы жизнью нашей, нашим светлым днем
Твоей святой обязаны печали.

И мы всегда в долгу перед тобой,—
Коль не страдаем памятью короткой,—
Перед тобой, перед его вдовой,
И перед каждой долею сиротской.

И мы тебя с волнением узнаем
На торжествах и в мирном свете буден.
Вот мать того, кто пал в бою с врагом
За жизнь, за нас. Снимите шапки, люди!

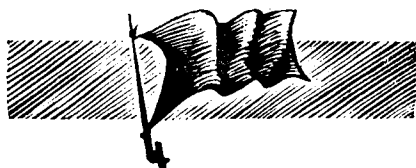
3

Проходит срок и боли и кручине,
И ты уже за жизнью трудовой,
За вдовой думой о семье, о сыне
Не ждешь вестей от почты полевой.

Но так же, как и в горькую годину,
Мы славим подвиг павшего в бою.
А подвиг тот — он твой наполовину,
Ты половину вынесла свою.

Ты рядом шла, сражалась вместе с нами,
И ныне с нами ты в строю, вдова.
Священная годов минувших память
Да будет в новом подвиге жива!

1949—1951

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ

Я ВЕРЮ В СВОЙ НАРОД

Пусть приняла борьба опасный оборот,
Пусть немцы тешатся фашистской химерой,
Мы отразим врагов. Я верю в свой народ
Несокрушимую тысячелетней верой.

Он много испытал. Был путь его тернист.
Но не затем зовет он Родину святою,
Чтоб попирали ее фашисты
Своею грязною пятою.

За всю историю суровую свою
Какую стойкую он выявил живучесть.
Какую в грозный час он показал могучесть,
Громя лихих врагов в решающем бою!
Остервенелую фашистскую змею
Ждет та же злая вражья участь!

Да, не легка борьба. Но мы ведь не одни.
Во вражеском тылу тревожные огни.
Борьба кипит. Она в разгаре.
Мы разгромим врагов. Не за горами дни,
Когда подвергнутся они
Заслуженной и неизбежной каре.

Она напишется отточенным штыком
Перед разгромленной фашистскою оравой:
«Покончить навсегда с проклятым
гнойником,
Мир отравляющим смертельною отравой!»

1941

РАД ОТЕЧЕСТВУ СЛУЖИТЬ

Генерал бойцов-героев
После боя награждал.
Автоматчик Новостроев
Награждения не ждал.

Вдруг он вызван! Дрогнув бровью,
Задышал он горячо.
Генерал его с любовью
Взял рукою за плечо,

И сказал при всем он строе:
«Честь герою и хвала
За отличие боевое,
За отважные дела!

Смерть неся фашисту-гаду,
Ты собой не дорожил
И высокую награду
За геройство заслужил!»

Гордый радостью такою,
Верный Родины солдат
Тронул ласково рукою
Свой надежный автомат

И ответил, сдвинув брови,
Все в слова стремясь вложить:
«До последней капли крови
Рад Отечеству служить!»

1943

ВСТРЕЧА

Бескрайной гладью снеговою,
Свершив последний свой обход
Увенчан славой боевою,
Уходит в вечность старый год.

Сверкая бранною кольчугой,
За ним, грозя врагам бедой,
Идет походкою упругой
Его преемник молодой.

В урочный миг, в какой ни звука
Не уловить, ни огонька,
Была их встреча и разлука
Неуловимо коротка.

Один вступил в свое начало,
Другой свою исполнил роль,
И в двух сердцах одно звучало:
Победа — лозунг и пароль!

1944

МИХАИЛ ИСАКОВСКИЙ

СЛОВО О РОССИИ

Советская Россия,
Родная наша мать!
Каким высоким словом
Мне подвиг твой назвать?
Какой великой славой
Венчать твои дела?
Какой измерить мерой —
Что ты перенесла?

В годину испытаний,
В боях с ордой громил,
Спасла ты, заслонила
От гибели весь мир.
Ты шла в огонь и в воду,
В стальной кромешный ад,
Ложилась под танки
Со связками гранат;
В горящем самолете
Бросалась с облаков
На пыльные дороги,
На головы врагов;
Наваливалась грудью
На вражий пулемет,
Чтобы твои солдаты
Могли идти вперед...

Тебя морили мором
И жгли тебя огнем,
Землею засыпали
На кладбище живьем;
Тебя травили газом,
Вздымали на ножах,
Гвоздями прибивали
В немецких блиндажах...

Скажи, а сколько ж, сколько
Ты не спала ночей
В полях, в цехах, в забоях,
У доменных печей?
По твоему призыву
Работал стар и мал:
Ты сеяла, и жала,
И плавила металл;
Леса валила наземь,
Сдвигала горы с мест,—
Сурово и достойно
Несла свой тяжкий крест...

Ты все перетерпела,
Познала все сполна.
Поднять такую тяжесть
Могла лишь ты одна!

И, в бой благословляя
Своих богатырей,
Ты знала — будет праздник
На улице твоей!..

И он пришел! Победа
Твоя недалека:
За Тисой, за Дунаем
Твои идут войска;
Твое пылает знамя
Над склонами Карпат,
На Висле под Варшавой
Твои костры горят;
Твои грохочут пушки
Над прусскою землей,
Огни твоих салютов
Всплывают над Москвой...

Скажи, какой же славой
Венчать твои дела?
Какой измерить мерой
Тот путь, что ты прошла?
Никто в таком величье
Вовеки не вставал.
Ты — выше всякой славы,
Достойней всех похвал!
И все народы мира,
Что с нами шли в борьбе,
Поклоном благодарным
Поклонятся тебе;
Поклонятся всем сердцем
За все твои дела,
За подвиг твой бессмертный,
За все, что ты снесла;
За то, что жизнь и правду
Сумела отстоять,
Советская Россия,
Родная наша мать!

1944

ВРАГИ СОЖГЛИ РОДНУЮ ХАТУ...

Враги сожгли родную хату,
Сгубили всю его семью.
Куда ж теперь идти солдату,
Кому нести печаль свою?

Пошел солдат в глубоком горе
На перекресток двух дорог,
Нашел солдат в широком поле
Травой заросший бугорок.

Стоит солдат — и словно комья
Застряли в горле у него.
Сказал солдат: «Встречай, Прасковья,
Героя — мужа своего.

Готовь для гостя угощенье,
Накрой в избе широкий стол,—
Свой день, свой праздник возвращенья
К тебе я праздновать пришел...»

Никто солдату не ответил,
Никто его не повстречал,
И только теплый летний ветер
Траву могильную качал.

Вздохнул солдат, ремень поправил,
Раскрыл мешок походный свой,
Бутылку горькую поставил
На серый камень гробовой:

«Не осуждай меня, Прасковья,
Что я пришел к тебе такой:
Хотел я выпить за здоровье,
А должен пить за упокой.

Сойдутся вновь друзья, подружки,
Но не сойтись вовеки нам...»
И пил солдат из медной кружки
Вино с печалью пополам.

Он пил — солдат, слуга народа,
И с болью в сердце говорил:

«Я шел к тебе четыре года,
Я три державы покори...»

Хмелел солдат, слеза катилась,
Слеза несбывшихся надежд,
И на груди его светилась
Медаль за город Будапешт.

1945

ЛЕТЯТ ПЕРЕЛЕТНЫЕ ПТИЦЫ...

Летят перелетные птицы
В осенней дали голубой,
Летят они в жаркие страны,
А я остаюсь с тобой.
А я остаюсь с тобою,
Родная навеки страна!
Не нужен мне берег турецкий,
И Африка мне не нужна.

Немало я стран перевидел,
Шагая с винтовкой в руке.
И не было горше печали,
Чем жить от тебя вдалеке.
Немало я дум передумал
С друзьями в далеком краю.
И не было большего долга,
Чем выполнить волю твою.

Пускай утону я в болотах,
Пускай замерзал я на льду,
Но если ты скажешь мне снова,
Я снова все это пройду.
Желанья свои и надежды
Связал я навеки с тобой —
С твоею суровой и ясной,
С твоею завидной судьбой.

Летят перелетные птицы
Ушедшее лето искать.
Летят они в жаркие страны,
А я не хочу улетать,

А я остаюсь с тобою,
Родная моя сторона!
Не нужно мне солнце чужое,
Чужая земля не нужна.

1948

Внуково

НИКОЛАЙ АСЕЕВ

ЭТО — МЕДЛЕННЫЙ РАССКАЗ...

Это — медленный рассказ,
как полет
туч.
Это Северный Кавказ —
мощный взмет
круч.

Здесь ни пеший, ни ездок
не пройдет
скор,—
через Нальчик и Моздок
смотрит смерть
с гор.

Все затянется корой,
схлынет в шум
рек.
Грозный год сорок второй
не забыть
век!

Враг ударил на Черкесск,
Пятигорск
пал.

Враг пошел наперерез
вековых
скал.

По долине Теберды,
через горб —
мост,
перекинул он ряды,
растянул
хвост.

Он преграды прорывал,
бил гранат
град,
на Клухорский перевал
подымал
взгляд.

Вот куда он залетел,
до каких
мест!
В сердце гор он захотел
вбить кривой
крест.

Подымалось на дыбы
все —
врагу встречь:
корнем вверх пошли дубы
на завал
лечь.

На альпийские луга
с ледников
сверк,
чтоб скользящая нога
не прошла
вверх.

Злобно щерил враг клыки,
шурил злой
глаз.
Волчьи горные полки
тщились сбить
нас.

Но у наших медвежат
не был дух
слаб,—
враг был стиснут и зажат
между их
лап.

Захрустел его костяк,
унялась
спесь,
и недолго он в гостях
побывал
здесь.

Обвалился грязи груз,
вновь чиста
даль.
Не склонился Эльбрус
под его
сталь.

Это — медленный рассказ,
тяжкий ход
туч.
Это Северный Кавказ —
мощный взмет
круч.

Здесь ни пеший, ни ездок
не пройдет
скор,—
через Нальчик и Моздок
шел громов
спор!

1943

СЕМЕН КИРСАНОВ

ДОЛГ

Война не вмещается в оду,
и многое в ней не для книг.
Я верю, что нужен народу
души откровенный дневник.

Но это дается не сразу —
душа ли еще не строга? —
и часто в газетную фразу
уходит живая строка.

Куда ты уходишь? Куда ты?
Тебя я с дороги верну.
Строка отвечает: — В солдаты.
Душа говорит: — На войну.

И эти ответы простые
меня отрезвляют вполне.
Сейчас не нужны холостые
патроны бойцу на войне.

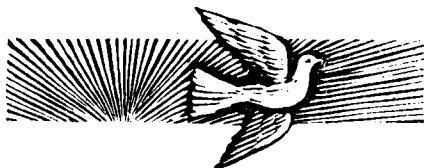
Писать — или с полной дрожью,
какую ты вытерпел сам,
когда ковылял бездорожьем
по белорусским лесам!

Писать о потерянном? Или —
писать, чтоб, как огненный штык,
бойцы твою строчку всадили
в бою под фашистский кадык.

В дыму обожженного мира
я честно смотрю в облака.
Со мной и походная лира,
и твердая рифма штыка.

Пуškai эту личную лиру
Я сам оброну на пути.
Я буду к далекому миру
с винтовкой раешной ползти.

1942

ИВАН МОЛЧАНОВ

ДОРОГИ

Чуть горит зари полоска узкая,
Золотая, тихая струя...
Ой ты, мать-земля родная, русская,
Дорогая Родина моя!

В серебре деревья, как хрустальные,
Но тревожен зимний их узор...
И бегут, бегут дороги дальние
Средь полей в немеренный простор.

Чья душа с тоскою ни оглянется:
Сквозь туман, взрывая ночь и тьму,
Вражья рать по тем дорогам тянется
К городу родному твоему.

Ой, дороги, дымные, военные,
За Москву тяжелые бои!
На дорогах воры иноземные
Растрепали головы свои.

Не для них сады у нас посажены,
Молодые, светлые сады;
Не для них дороги наши лажены,
Не для них построены мосты!

Ты гори, зари полоска узкая,
По земле ползет пожаров дым...
Мы тебя, земля родная, русская,
Никогда в обиду не дадим!

1941

ВИССАРИОН САЯНОВ

* * *

Что мы пережили, расскажет историк,
Был сон наш тревожен, и хлеб наш был горек.

Да что там! Сравнения ввек не найти,
Чтоб путь описать, где пришлось нам пройти!

Сидели в траншеях, у скатов горбатых
Бойцы в маскировочных белых халатах.

Гудели просторы военных дорог,
Дружили со мною сапер и стрелок.

Ведь я — их товарищ, я — их современник.
И зимнею ночью, и в вечер весенний

Хожу по дорогам, спаленным войной,
С наганом и книжкой моей записной,

С полоской газеты, и с пропуском верным,
И с песенным словом в пути беспримерном.

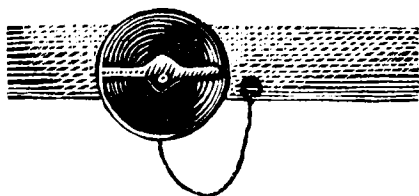
Я голос услышал, я вышел до света,
А ночь батарейным огнем разогрета,

Синявино, Путролово, Березанье,
Ведь это не просто селений названья.

Не просто отметки на старой трехверстке —
То опыт походов, суровый и жесткий,

То школа народа, — и счастье мое,
Что вместе с бойцами прошел я ее.

1943

АЛЕКСАНДР ЖАРОВ

ЗАВЕТНЫЙ КАМЕНЬ

Холодные волны вздымает лавиной
Широкое Черное море.
Последний матрос Севастополь покинул,
Уходит он, с волнами споря...
И грозный соленый бушующий вал
О шлюпку волну за волной разбивал..

В туманной дали
Не видно земли.
Ушли далеко корабли.

Друзья моряки подобрали героя.
Кипела вода штормовая...
Он камень сжимал посиневшей рукою
И тихо сказал, умирая:
— Когда покидал я родимый утес,
С собою кусочек гранита унес —

Затем, чтоб вдали
От крымской земли
О ней мы забыть не могли.

Кто камень возьмет, тот пускай поклянется,
Что с честью нести его будет.

Он первым в любимую бухту вернется ,
И клятвы своей не забудет.
Тот камень заветный и ночью и днем
Матросское сердце сжигает огнем...

Пусть свято хранит
Мой камень-гранит —
Он русскою кровью омыт.

Сквозь бури и штормы прошел этот **камень**,
И стал он на место достойно...
Знакомая чайка взмахнула крылами,
И сердце забилося спокойно.
Взошел на утес черноморский матрос —
Кто Родине новую славу принес.

И в мирной дали
Идут корабли
Под солнцем родимой земли.

ГРУСТНЫЕ ИВЫ

Грустные ивы склонились к пруду,
Месяц плывет над водой.
Там, у границы, стоял на посту
Ночью боец молодой.

В грозную ночь он не спал, не дремал —
Землю родную стерег.
В чаще лесной он шаги услышал
И с автоматом залег...

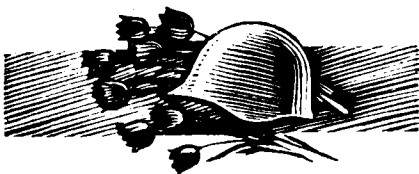
Черные тени в тумане росли.
Туча на небе темна.
Первый снаряд разорвался вдали.
Так началась война.

Трудно держаться бойцу одному.
Трудно атаку отбить.
Вот и пришлось на рассвете ему
Голову честно сложить...

Грустные ивы стоят у пруда,
Месяц глядит с вышины.

Сонному берегу шепчет вода
Имя героя страны.

Вместе с победой спокойные дни
В эти вернулись края...
Ночью на тихой заставе огни
Вновь зажигают друзья.

КОНСТАНТИН СИМОНОВ

• • •

Майор привез мальчишку на лафете.
Погибла мать. Сын не простился с ней.
За десять лет на том и этом свете
Ему зачтутся эти десять дней.

Его везли из крепости, из Бреста.
Был исцарапан пулями лафет.
Отцу казалось, что надежней места
Отныне в мире для ребенка нет.

Отец был ранен, и разбита пушка.
Привязанный к щиту, чтоб не упал,
Прижав к груди заснувшую игрушку,
Седой мальчишка на лафете спал.

Мы шли ему навстречу из России.
Проснувшись, он махал войскам рукой...
Ты говоришь, что есть еще другие,
Что я там был и мне пора домой...

Ты это горе знаешь понаслышке,
А нам оно оборвало сердца.

Кто раз увидел этого мальчишку,
Домой прийти не сможет до конца.

Я должен видеть теми же глазами,
Которыми я плакал там, в пыли,
Как тот мальчишка возвратится с нами
И поцелует горсть своей земли.

За все, чем мы с тобою дорожили,
Призвал нас к бою воинский закон.
Теперь мой дом не там, где прежде жили,
А там, где отнят у мальчишки он.

1941

* * *

В. С.

Жди меня, и я вернусь.
Только очень жди.
Жди, когда наводят грусть
Желтые дожди,
Жди, когда снега метут,
Жди, когда жара,
Жди, когда других не ждут,
Позабыв вчера.
Жди, когда из дальних мест
Писем не придет,
Жди, когда уж надоест
Всем, кто вместе ждет.

Жди меня, и я вернусь,
Не желай добра
Всем, кто знает наизусть,
Что забыть пора.
Пусть поверят сын и мать
В то, что нет меня,
Пусть друзья устанут ждать,
Сядут у огня,
Выпьют горькое вино
На помин души...
Жди. И с ними заодно
Выпить не спеши.

Жди меня, и я вернусь
Всем смертям назло.
Кто не ждал меня, тот пусть
Скажет: — Повезло. —
Не понять неждавшим им,
Как среди огня
Ожиданием своим
Ты спасла меня.
Как я выжил, будем знать
Только мы с тобой,—
Просто ты умела ждать,
Как никто другой,

1941

* * *

А. Суркову

Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины,
Как шли бесконечные, злые дожди,
Как кринки несли нам усталые женщины,
Прижав, как детей, от дождя их к груди,

Как слезы они вытирали украдкой,
Как вслед нам шептали:— «Господь вас спаси!»—
И снова себя называли солдатками,
Как встарь повелось на великой Руси.

Слезами измеренный чаще, чем верстами,
Шел тракт, на пригорках скрываясь из глаз:
Деревни, деревни, деревни с погостами,
Как будто на них вся Россия сошлась,

Как будто за каждую русской околицей,
Крестом своих рук ограждая живых,
Всем миром сойдясь, наши прадеды молятся
За в бога не верящих внуков своих.

Ты знаешь, наверное, все-таки родина —
Не дом городской, где я празднично жил,
А эти поселки, что дедами пройдены,
С простыми крестами их русских могил.

Не знаю, как ты, а меня с деревенскою
Дорожной тоской от села до села,
Со вдовой слезою и с песнею женского
Впервые война на проселках свела.

Ты помнишь, Алеша: изба под Борисовом,
По мертвому плачущий девичий крик,
Седая старуха в салопчике плисовом,
Весь в белом, как на смерть одетый, старик.

Ну что им сказать, чем утешить могли мы их?
Но, горе поняв своим бабьим чутьем,
Ты помнишь, старуха сказала: — Родимые,
Покуда идите, мы вас подождем.

«Мы вас подождем!» — говорили нам пажити,
«Мы вас подождем!» — говорили леса.
Ты знаешь, Алеша, ночами мне кажется,
Что следом за мной их идут голоса.

По русским обычаям, только пожарища
По русской земле раскидав позади,
На наших глазах умирают товарищи,
По-русски рубаху рванув на груди.

Нас пули с тобою пока еще милуют,
Но, трижды поверив, что жизнь уже вся,
Я все-таки горд был за самую милую,
За горькую землю, где я родился.

За то, что на ней умереть мне завещано,
Что русская мать нас на свет родила,
Что, в бой провожая нас, русская женщина
По-русски три раза меня обняла.

1941

АЛЕКСЕЙ СУРКОВ

ПЕСНЯ СМЕЛЫХ

Стелются черные тучи,
Молнии в небе снуют,
В облаке пыли летучей
Трубы тревогу поют.
С бандой фашистов сразиться
Смелых Отчизна зовет.
Смелого пуля боится,
Смелого штык не берет.

Ринулись ввысь самолеты,
Двинулся танковый строй,
С песней пехотные роты
Вышли за Родину в бой.
Песня — крылатая птица —
Смелых скликает в поход.
Смелого пуля боится,
Смелого штык не берет.

Славой бессмертной покроем
В битвах свои имена.
Только отважным героям
Радость победы дана.
Смелый к победе стремится,
Смелым дорога вперед.
Смелого пуля боится,
Смелого штык не берет.

22 июня 1941 г.

* * *

Человек склонился над водой
И увидел вдруг, что он седой.
Человеку было двадцать лет.

Над лесным ручьем он дал обет:
Беспощадно, яростно казнить
Тех убийц, что рвутся на восток,
Кто его посмеет обвинить,
Если будет он в бою жесток?

1941

Западный фронт

* * *

Софье Криве

Бьется в тесной печурке огонь.
На поленьях смола, как слеза,
И поет мне в землянке гармонь
Про улыбку твою и глаза.

Про тебя мне шептали кусты
В белоснежных полях под Москвой.
Я хочу, чтобы слышала ты,
Как тоскует мой голос живой.

Ты сейчас далеко-далеко.
Между нами снега и снега.
До тебя мне дойти нелегко.
А до смерти — четыре шага.

Пой, гармоника, вьюге назло.
Заплутавшее счастье зови.
Мне в холодной землянке тепло
От моей негасимой любви.

1941

* * *

Видно, выписал писарь мне дальний билет,
Отправляя впервой на войну.
На четвертой войне, с восемнадцати лет,
Я солдатскую лямку тяну.
Черeda лихолетий текла надо мной,
От полночных пожаров красна.

Не видал я, как юность прошла стороной.
Как легла на виски седина.
И от пуль невредим, и жарой непалим,
Прохожу я по кромке огня.
Видно, мать непомерным страданием своим
Откупила у смерти меня.
Испытало нас время свином и огнем.
Стали нервы железу под стать.
Победим. И вернемся. И радость вернем.
И сумеем за все наверстать.
Неспроста к нам приходят неясные сны
Про счастливый и солнечный край.
После долгих ненастий недружной весны
Ждет и нас ослепительный май.

1942

Под Ржевом

УТРО ПОБЕДЫ

Где трава от росы и от крови сырая,
Где зрочки пулеметов свирепо глядят,
В полный рост, над окопом переднего края,
Поднялся победитель-солдат.

Сердце билось о ребра прерывисто, часто.
Тишина... Тишина... Не во сне — наяву.
И сказал пехотинец: — Отмаялись! Баста! —
И приметил подснежник во рву.

И в душе, тосковавшей по свету и ласке,
Ожил радости прежней певучий поток.
И нагнулся солдат и к простреленной каске
Осторожно приладил цветок.

Снова ожили в памяти были живые —
Подмосковье в снегах и в огне Сталинград.
За четыре немыслимых года впервые,
Как ребенок, заплакал солдат.

Так стоял пехотинец, смеясь и рыдая,
Сапогом попирая колючий плетень.
За плечами пылала заря молодая,
Предвещая солнечный день.

1945

НИКОЛАЙ УШАКОВ

ХАРЬКОВ

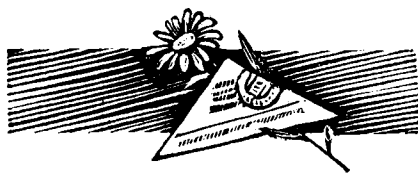
Харьков слышит гул родных орудий.
Гул все громче.
Звук разрыва сух.
Превратились в слух
дома и люди,
и деревья
превратились в слух.

«Ждем», — как будто говорит Сумская.
«Ждем», — соседний произносит сад.
Головы все ниже опуская,
на балконах
мертвые висят...

— Ждем, — живые повторяют люди.
Пепельною ночью,
сизым днем
Харьков слышит гул родных орудий,
мужественный голос:
«Мы идем!»

За противотанковыми рвами,
за скрещением дорог
вдали
Харьков вырастает перед нами.
Мы идем,
мы входим,
мы вошли.

1943

НИКОЛАЙ РЫЛЕНКОВ

* * *

В суровый час раздумья нас не троньте
И ни о чем не спрашивайте нас.
Молчанью научила нас на фронте
Смерть, что в глаза глядела нам не раз.

Она иное измеренье чувствам
Нам подсказала на пути крутом.
Вот почему нам кажутся кощунством
Расспросы близких о пережитом.

Нам было все отпущено сверх нормы:
Любовь, и гнев, и мужество в бою.
Теряли мы друзей, родных, но веры
Не потеряли в Родину свою.

Не вспоминайте ж дней тоски, не раньте
Случайным словом, вздохом невпопад.
Вы помните, как молчалив стал Данте,
Лишь в сновиденье посетивший ад,

1942

* * *

Ире

Бой шел всю ночь, а на рассвете
Вступил в село наш батальон.
Спешили женщины и дети
Навстречу нам со всех сторон.

Я на околице приметил
Одну девчонку лет пяти.

Она в тени столетних ветел
Стояла прямо на пути.

Пока прошли за ротой рота,
Она не опустила глаз
И взглядом пристальным кого-то
Разыскивала среди нас.

Дрожал росой рассвет погожий
В ее ресницах золотых.
Она на дочь мою похожей
Мне показалась в этот миг.

Казалось, все дороги мира
Сошлись к седой ветле, и я,
Себя не помня, крикнул: «Ира,
Мой птенчик, ласточка моя!»

Девчонка вздрогнула и, глядя
Колонне уходящей вслед,
«Меня зовут Марусей, дядя»,—
Сказала тихо мне в ответ.

«Марусей? Ах, какая жалость!» —
И поднял на руки ее.
Она к груди моей прижалась,
Дыханье слушала мое.

Я сбросил груз дорожных тягот.
«Ну что же, Ира, не ревнуй!» —
Всю нежность, что скопилась за год,
Вложил я в долгий поцелуй.

И по дорогам пропыленным
Вновь от села и до села
Шагал я дальше с батальоном
Туда, где дочь меня ждала.

1942

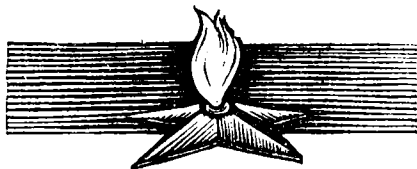
Письмо и карточка в конверте,
Написан четко адрес твой.
Обязан быть готовым к смерти
Солдат, не раз ходивший в бой.

Мы здесь привыкли к этой мысли
И, жажду жизни затая,
Висим на шатком коромысле
У самой грани бытия...

Пусть нелегко нам, ну так что же,
К нам век тревожный наш ревнив.
Мы чище сделали и строже,
Все суетное отстранив.

И мерой нас какой ни мерьте,
Как ни оценивайте нас,
Мы здесь в глаза глядели смерти,
И мы не опустили глаз!

1942

БОРИС ПАСТЕРНАК

СМЕРТЬ САПЕРА

Мы время по часам заметили
И кверху поползли по склону.
Вот и обрыв. Мы без свидетелей
У края вражьей обороны.

Вот там она, и там, и тут она —
Везде, везде, до самой кручи.
Как паутиною, опутана
Вся проволокою колючей.

Он наших мыслей не подслушивал
И не заглядывал нам в душу.
Он из конюшни вниз обрушивал
Свой бешеный огонь по Зуше.

Прожекторы, как ножки циркуля,
Лучом вонзились в коновязи.
Прямые попаданья фыркали
Фонтанами земли и грязи.

Но чем обстрел дымил багровее,
Тем равнодушнее к осколкам,
В спокойствии и хладнокровии
Работали мы тихомолком.

Со мною были люди смелые.
Я знал, что в проволочной чаще
Проходы нужные проделаю
Для битвы, завтра предстоящей.

Вдруг одного сапера ранило.
Он отползал от вражьих линий,
Привстал, и дух от боли заняло,
И он упал в густой полыни.

Он приходил в себя урывками,
Осматривался на пригорке
И щупал место под нашивками
На почерневшей гимнастерке.

И думал: глупость, оцарапали,
И он отвалит от Казани
К жене и детям вверх, к Сарапулу,—
И вновь и вновь терял сознание.

Все в жизни может быть издержано,
Изведаны все положенья,—
Следы любви самоотверженной
Не подлежат уничтоженью.

Хоть землю грыз от боли раненый,
Но стопами не выдал братьев,
Врожденной стойкости крестьянина
И в обмороке не утратив.

Его живым успели вынести.
Час продышал он через силу.
Хотя за речкой почва глинистей,
Там вырыли ему могилу.

Когда, убитые потерю,
К нему сошлись мы на прощанье,
Заговорила артиллерия
В две тысячи своих гортаней.

В часах задвигались колесики,
Проснулись рычаги и шкивы.
К проделанной покойным просеке
Шагнула армия прорыва.

Сражение хлынуло в пробойну
И выкатилось на равнину,
Как входит море в край застроенный,
С разбега проломив плотину.

Пехота шла вперед маршрутами,
Как их располагал умерший.
Поздней немногими минутами
Противник дрогнул у Завершья.

Он оставлял снарядов штабели,
Котлы дымящегося супа,
Все, что обозные награбили,
Палатки, ящики и трупы.

Потом дорогою завещанной
Прошло с победами все войско.
Края расширившейся трещины
У Криворожья и Пропойска.

Мы оттого теперь у Гомеля,
Что на поляне в полнолуние
Своей души не экономили
В пластунском деле накануне.

Жить и сгорать у всех в обычае,
Но жизнь тогда лишь обессмертишь,
Когда ей к свету и величию
Своею жертвой путь прочертишь.

Декабрь 1943 г.

АЛЕКСАНДР ПРОКОФЬЕВ

ТОВАРИЩ, ТЫ ВИДЕЛ

*Александр
Фадееву*

Товарищ, ты видел над нею
Закаты в дыму и крови.
Чтоб ненависть была сильнее,
Давай говорить о любви.

Под грохот тяжелых орудий
Немало отхлынуло дней.
Товарищ, мы — русские люди,
Так скажем, что знаем о ней.

Расскажем, и все будет мало,
Споем, как мы жили в ладу.
Товарищ, ты будь запевалой,
А я подголоском пойду!

Вся в солнце, вся — свет и отрада,
Вся в травах-муравах с росой,
Широкие ярусы радуг
Полнеба скрывают росой!

И день занимался прекрасный,
И, весен веселых гонцы,
Галчата сидели на пряслах,
И шли бороздою скворцы.

Ручьи в краснотале всех краше,
В них — звезд голубых огоньки,
В них русские девушки наши
Бросали цветы и венки!

И «любит — не любит» гадали
В тени белоногих берез...

О милые светлые дали,
Знакомые с детства до слез!

Долины, слепящие светом,
Небес молодых синева,
На всем этом русская мета
И русского края молва!

Поляны, поляны, поляны
Везде земляникой цвели.
Баяны, баяны, баяны
Звенели, горели и жгли!

Катились глубокие воды,
И ветер слетал с парусов
На красные трубы заводов,
На кроны дубрав и лесов.

И хмурые видели глыбы
В гранитном подножье прибой,
И в заводи, полные рыбы,
Слетались чайки гурьбой!

Нам дорого это и свято,
Нам край открывался родной
За каждой травинкой примятой,
За каждой былинкой степной.

Встают за высокою рожью,
За взлетом на крышах коньков,
За легкой знакомою дрожью
Склоненных к воде ивняков;

За красною шапкой рябины,
За каждым дремучим ручьем,
За каждой онежской былиной,
За всем, что мы русским зовем.

Родней всех встают и красивей
Леса, и поля, и края...
Так это ж, товарищ, Россия —
Отчизна и слава твоя!

1942

СЕРГЕЙ МАРКОВ

СУВОРОВ

Холодный плащ с простреленной полой,
И крестики узора на сорочке,
И ладанка с московскою землей
На потемневшей бисерной цепочке.

Эфес расшатан, треснули ножны,
Но он презрел парадную отвагу;
И без того народы знать должны
Разящую суворовскую шпагу!

Он вспоминал шестидесятый год —
Осенний дождь, разбрызганную глину.
Струилась кровь у городских ворот,
И казаки скакали по Берлину.

Он говорил: «Пруссак и знать не мог,
Что здесь его достанет наша пика.
А русский штык? Орлы, помилуй бог,
Недаром мы клевали Фридерика!»

Суворов хмурит старческую бровь:
«Что есть мечта? Прошедшего наследство....»
И тот поход, как первая любовь,
А может быть, как радостное детство.

Душа — железо, а мечта — опала,
Мечта ложится в прочную оправу.
О призрак детства — старый Ганнибал,
Провидевший суворовскую славу!

Орлиный век, орлиная судьба!
Одна лишь мысль о них — благоговейна.
Поет фанаторийская труба,
Ведет полки от Ладоги до Рейна.

Дунайский ветер, жесткий финский снег
И площади встревоженной Варшавы...
Идет необычайный человек
К вершинам чистым подвига и славы.

За ним шагают верные полки,
Мерцает медь безжалостных прикладов,
И ровно светят тульские штыки
Лазури итальянских ветроградов.

Идет сквозь лед, граниты и грозу
С уверенной улыбкой исполина.
На горном солнце искрится внизу
Извилистая рейнская долина.

Грозит снегам стремительным перстом
И, вдохновленный мужества примером,
Обняв солдата, дедовским крестом
Меняется с героем-гренадером.

И глубина альпийской синевы
Струит прохладу чистого колодца.
Как сердце бьется! И земля Москвы
Опять стучится в сердце полководца.

1944

СТЕПАН ЩИПАЧЕВ

22 ИЮНЯ 1941 ГОДА

Казалось, было холодно цветам,
И от росы они слегка поблекли.
Зарю, что шла по травам и кустам,
Обшарили немецкие бинокли.

Цветок, в росинках весь, к цветку приник,
И пограничник протянул к ним руки.
А немцы, кончив кофе пить, в тот миг
Влезали в танки, закрывали люки.

Такою все дышало тишиной,
Что вся земля еще спала, казалось.
Кто знал, что между миром и войной
Всего каких-то пять минут осталось!

Я о другом не пел бы ни о чем,
А славил бы всю жизнь свою дорогу,
Когда б армейским скромным трубочом
Я эти пять минут трубил тревогу.

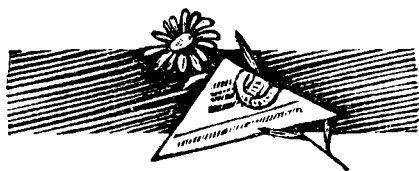
1943

В ЗАСАДЕ

Под мокрым небом яблони озябли.
В саду засада наша. Враг — вблизи.
Тяжелый танк врыт между старых яблонь,
И он весь в листьях желтых и в грязи.

Еще грознее будет он, упорней
Стоять, свершая отомщенье, тут
За то, что яблоням мы подрубили корни
И что весной они не расцветут.

1943

ГАМЗАТ ЦАДАСА

(С аварского)

ЖИЗНЬ И РОДИНА

«Отец мой, в лихую годину войны,
Сражаясь за счастье родимой страны.
Ты жизнь за него положил бы в бою?
Честь воина ты сохранил бы свою?»

«Мой сын, я — старик и в могилу гляжу.
За Родину жизни я не пощажу.
Забота моя о своей ли судьбе?
Ты — молод. Все мысли мои о тебе.»

«Отец мой, беречь я себя не могу:
Отчизны вовек не отдам я врагу.
Без Родины — жизни цена какова?
Без чести — что стоит моя голова?»

«Мой сын, у тебя молодая жена,
Свой род для тебя позабыла она,
А ты покидаешь родимый Хунзах,
Жену и детей оставляя в слезах».

«Отец, я покину свой дом и семью,
Но Родину я от врагов отстою.
Я должен оставить жену и детей
И стать на защиту Отчизны своей».

«Ужель тебе матери, сын мой, не жаль?
Ее раньше срока состарит печаль.
В разлуке с тобой не прожить мне и дня,
Неужто уедешь, мой сын, от меня?»

«Любимый отец мой, родимая мать!
Мне горько и тягостно вас покидать.»

Но знайте, вовек не удержат бойца
Ни матери слезы, ни горе отца.

Отчизна счастливою жизнью живет.
Предавший Отчизну — себя предает.
Смерть нас отыщет в дому и в бою.
Отчизну в беде не оставлю свою.

Отец мой, врагу я тебя не предаю.
Быть может, в сраженьи погибну я сам,
Но не опозорю твою седину,
Тебе не придется томиться в плену...»

Отец был растроган ответом Али,
И слезы из глаз у отца потекли.
«За счастье и славу родимой земли
Ступай и сражайся, любимый Али!..»

1941

Перевод В. Потаповой

АНАТОЛИЙ КУДРЕЙКО

ЗАПАСНЫЙ ПОЛК

Расквартированный на лето,
где ели сшиблись в тесноте,
полк поднимался до рассвета,
а спать ложился в темноте.

Свое он помнил назначение —
фронт управлял его судьбой.
Поход, на местности ученье
чередовал он со стрельбой...

Но это — дела половина!
Нужны траншеи в полный рост, —

берешь кирку: земля не глина,
а камень, брат, не так-то прост!

Скалистый пласт искрит под ломом,
рубашка сохнет на траве,
удар наносишь по изломам —
он отдается в голове...

Но это — дела половина!
На лесопилке склад пустой,
берешь пилу, а лес — машина,
кондовый спелый древостой!

Такое дерево повалишь,
что обнимаешь ствол вдвоем,
но ты ругаешь, а не хвалишь
его в усердии своем...

Но это — дела половина!
Хлеб осыпается в полях,—
берешь косу, покос — лавина
и на тебя идет впотьмах!

Росой униженный шиповник
шумит у леса под луной,—
не отличил бы и полковник
овса от пыли водяной...

Косить все горше без рубахи —
свет блещет резко, как стекло...
А хлеб такой, что только взмахи
видны идущему в село.

На горизонте гаснут скалы,
стекает с них последний блеск,
и косы на плечах усталых
уносит полк в еловый лес.

И та дорожка полевая,
которой в сумерки брести,
стремится в сердце, как живая,
навек место обрести.

Ты самой долгою любовью
преисполняешься к земле,
где камень ставишь в изголовье
и спишь под елями в тепле.

Не высыхает пот соленый
в той академии наук,
куда под твой шатер зеленый
не залетает с фронта звук...

Но это — дела половина!
Другая в тыщи трудней —
дойти до самого Берлина
с пехотной выкладкой своей!

1956

НИКОЛАЙ ТИХОНОВ

ЛЕНИНГРАД

Петровой волей сотворен
И светом ленинским означен —
В труды по горло погружен,
Он жил — и жить не мог иначе.

Он сердцем помнил: береги
Вот эти мирные границы,—
Не раз, как волны, шли враги,
Чтоб о гранит его разбиться.

Исчезнуть пенным вихрем брызг,
Бесследно кануть в бездне черной —
А он стоял, большой, как жизнь,
Ни с кем не схожий, неповторный!

И под фашистских пушек вой
Таким, каким его мы знаем,
Он принял бой, как часовой,
Чей пост вовеки несменяем!

1941—1943

МОГИЛА КРАСНОАРМЕЙЦЕВ НА ПЛОЩАДИ В БЕЛГРАДЕ

Им, помнившим Днепр и Ингулнц,
Так странно — как будто все снится —
Лежать между радостных улиц
В земле придунайской столицы.

Смешались в их памяти даты
С делами, навек золотыми;
Не в форме советской солдаты,
Как братья, стояли над ними.

И женщины в черном поспешно
Цветами гробы их обвили
И плакали так безутешно,
Как будто сынов хоронили.

И юные вдовы Белграда
Над ними, рыдая, стояли,
Как будто бы сердца отраду —
Погибших мужей провожали.

Страна приходила склоняться
Над их всенародной могилой,
И — спящим — им стало казаться,
Что сон их на Родине милой,

Что снова в десантном отряде,
Проснутся и в бой окунутся,
Что снится им сон о Белграде,
И трудно из сна им вернуться.

1947

МИХАИЛ СВЕТЛОВ

ИТАЛЬЯНЕЦ

Черный крест на груди итальянца —
Ни резьбы, ни узора, ни глянца.
Небогатым семейством хранимый
И единственным сыном носимый...

Молодой уроженец Неаполя!
Что оставил в России ты на поле?
Почему ты не мог быть счастливым
Над родным знаменитым заливом?

Я, убивший тебя под Моздокком,
Так мечтал о вулкане далеком!
Как я грезил на волжском приволье
Хоть разок прокатиться в гондоле!

Но ведь я не пришел с пистолетом
Отнимать итальянское лето,
Но ведь пули мои не свистели
Над священной землей Рафаэля!

Здесь я выстрелил! Здесь, где родился,
Где собой и друзьями гордился,
Где былины о наших народах
Никогда не звучат в переводах.

Разве среднего Дона излучина
Иностранным ученым изучена?
Нашу землю — Россию, Расаю —
Разве ты распахал и засеял?

Нет! Тебя привезли в эшелоне
Для захвата далеких колоний,
Чтобы крест из ларца из фамильного
Вырастал до размеров могильного...

Я не дам свою Родину вывезти
За простор чужеземных морей!
Я стреляю — и нет справедливости
Справедливее пули моей!

Никогда ты здесь не жил и не был!
Но разбросано в снежных полях
Итальянское синее небо,
Застекленное в мертвых глазах...

1943

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Ангелы, придуманные мной,
Снова посетили шар земной,
Сразу сократились расстоянья,
Сразу прекратились расставанья,
И в семействе объявился вдруг
Без вести пропавший политрук.

Будто кто его водой живою
Окропил на фронтовом пути,
Чтоб жене его не быть вдовою,
Сиротою сыну не расти.

Я — противник горя и разлуки,
Любящий товарищей своих,—
Протянул ему на помощь руки:
— Оставайся, дорогой, в живых!

И теперь сидит он между нами,
Каждому наука и пример,
Трижды награжденный орденами,
Без вести пропавший офицер.

Он сидит спокойно и серьезно,
Не скрывая счастья своего,
Тихо и почти религиозно
Родственники смотрят на него.

Дело было просто: в чистом поле
Он лежит один. Темным-темно.

От потери крови и от боли
Он сознание теряет, но

С музыкой солдаты смерть встречают,
И когда им надо умирать,
Ангелов успешно обучают
На губных гармониках играть.

(Мы, признаться, хитрые немного,—
Умудряемся в последний час,
Абсолютно отрицая бога,
Ангелов оставить про запас.)

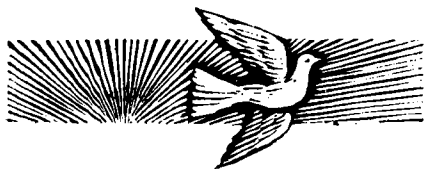
Никакого нам не надо рая!
Только надо, чтоб пришел тот век,
Где бы жил и рос, не умирая,
Благородных мыслей человек.

Только надо, чтобы поколенью
Мы сказали нужные слова
Сказкою, строкой стихотворенья,
Всем своим запасом волшебства.

Чтобы самой трудную порою
Кладь казалась легче на плечах...
Но вернемся к нашему герою —
Мы сегодня у него в гостях.

Он платил за все ценою крови,
Он пришел к родным, он спит с женой,
И парят над ним у изголовья
Ангелы, придуманные мной...

1945

ЯКОВ ШВЕДОВ

СМУГЛЯНКА

Как-то летом на рассвете
Заглянул в соседний сад,
Там смуглянка-молдаванка
Собирала виноград.
Я краснею, я бледнею,
Захотелось вдруг сказать:
«Станем над рекою
Зорьки летние встречать!»

Раскудрявый клен зеленый, лист резной,
Я влюбленный и смущенный пред тобой.
Клен зеленый, да клен кудрявый,
Да раскудрявый, резной!

А смуглянка-молдаванка
Отвечала парню в лад:
«Партизанский молдаванский
Собираем мы отряд.
Нынче рано партизаны
Дом покинули родной.
Ждет тебя дорога
К партизанам в лес густой».

Раскудрявый клен зеленый, лист резной,
Здесь, у клена, мы расстанемся с тобой.
Клен зеленый, да клен кудрявый,
Да раскудрявый, резной!

И смуглянка-молдаванка
По тропинке в лес ушла.
В том обиду я увидел,
Что с собой не позвала.

О смуглянке-молдаванке
Часто думал по ночам.
Вдруг свою смуглянку
Я в отряде повстречал.

Раскудрявый клен зеленый, лист резной,
Здравствуй, парень, забубенный, мой родной!
Клен зеленый, да клен кудрявый,
Да раскудрявый, резной!

1941—1944

АННА АХМАТОВА

КЛЯТВА

И та, что сегодня прощается с милым,
Пусть боль свою в силу она переплавит.
Мы детям клянемся, клянемся могилам,
Что нас покориться никто не заставит.

*Июль 1941 г.
Ленинград*

ПЕРВЫЙ ДАЛЬНОБОЙНЫЙ В ЛЕНИНГРАДЕ

И в пестрой суете людской
Все изменилось вдруг.
Но это был не городской,
Да и не сельский звук.
На грома дальнего раскат
Он, правда, был похож, как брат,
Но в громае влажность есть
Высоких свежих облаков

И вожделение лугов —
Веселых ливней весть.
А этот был, как пекло, сух,
И не хотел смятенный слух
Поверить — потому,
Как расширялся он и рос,
Как равнодушно гибель нес
Ребенку моему.

Сентябрь 1941 г.

* * *

А вы, мои друзья последнего призыва!
Чтоб вас оплакивать, мне жизнь сохранена.
Над вашей памятью не стыть плакучей ивой,
А крикнуть на весь мир все ваши имена!
Да что там имена!

Ведь все равно — вы с нами!..
Все на колени, все!

Багряный хлынул свет!
И ленинградцы вновь идут сквозь дым рядами —
Живые с мертвыми: для славы мертвых нет.

1942

МУЖЕСТВО

Мы знаем, что ныне лежит на весах
И что совершается ныне.
Час мужества пробил на наших часах,
И мужество нас не покинет.

Не страшно под пулями мертвыми лечь,
Не горько остаться без крова,
И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.

Свободным и чистым тебя пронесем,
И внукам дадим, и от плена спасем
Навеки.

Февраль 1942 г.

1

Щели в саду вырыты.
Не горят огни.
Питерские сироты,
Детоньки мои!
Под землей не дышится,
Боль сверлит висок,
Сквозь бомбежку слышится
Детский голосок.

2

Постучи кулачком — я открою.
Я тебе открывала всегда.
Я теперь за высокой горою,
За пустыней, за ветром и зноем,
Но тебя не предам никогда...
Твоего я не слышала стона,
Хлеба ты у меня не просил.
Принеси же мне ветку клена
Или просто травинок зеленых,
Как ты прошлой весной приносил.
Принеси же мне горсточку чистой,
Нашей невской студеной воды,
И с головки твоей золотистой
Я кровавые смою следы.

1942

ГЕОРГИЙ СУВОРОВ *

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Веет, веет и кружится,
Словно сонм лебедей,
Вяжет белое кружево
Над воронкой моей.

Улетает и молнией
Окрыляет, слепит...
Может, милая вспомнила,
Может, тоже не спит.

Может, смотрит сквозь кружево
На равнину полей,
Где летает и кружится
Белый сонм лебедей.

1943 (?)

КОСАЧ

Заря над лесом разлилась устало,
Бой отгремел, с огрызком сухаря
Я сел у пня, винтовка отдыхала
У ног моих, в лучах зари горя.

Я ждал друзей, идущих с поля боя...
И вдруг... Где трав серебряная мгла,
В пятнадцати шагах перед собою
Я увидал два черные крыла.

* Георгий Суворов — участник боев за Ленинград. Погиб во время наступления советских войск 13 февраля 1944 года.

Потом кривая радужная шея
Мне показалась из сухой травы...
Рука — к винтовке, но стрелять не смею...
Ведь он один на берегах Невы...

Земляк! И предо мною голубые
Встают папахи горных кедрачей,
Как бы сквозь сон, сквозь шорохи лесные
Я слышу ранний хохот косачей.

Так, вспоминаю, в голубом томленьи
Глаз не сводил я с полулунных крыл...
Легла винтовка на мои колени,
Поднять ее я не имел уж сил.

Да и зачем? Мой выстрел, знаю, меток,
Но птица пусть свершает свой полет.
Охотник я. Я знаю толк в приметах:
«Кто птицу бьет, тот зверя не убьет».

1943

НИКОЛАЙ ОТРАДА *

МИР

Он такой,
Что не опишешь сразу,
Потому что сразу не поймешь!
Дождь идет...
Мы говорим: ни разу
Не был этим летом сильный дождь.
Стоит только далям озариться —
Вспоминаем
Молодость свою.

* Николай Отрада (настоящая фамилия Турочкин) погиб
4 марта 1940 года на финском фронте.

Утром
Заиграют шумно птицы...
Говорим: по-новому поют.
Всё:
Мои поля,
Долины, чащи,
Солнца небывалые лучи —
Это мир,
Зеленый и журчащий,
Пахнувший цветами и речистый.
Он живет
В листве густых акаций,
В птичьем свисте,
В говоре ручья.
Нельзя в нем забываться.
Так,
Чтоб ничего не различать.
· · · · ·
Чтоб цвела земля во всей красе,
Чтобы жизнь цвела,
Гудела лавой,
Старое сметая на пути.
Ну, а что касается до славы —
Слава не замедлит к нам прийти.

1939

• • •

Еще утрами черный дым клубится
Над развороченным твоим жильем.
И падает обугленная птица,
Настигнутая бешеным огнем.

Еще ночами белыми нам снятся,
Как вестники потерянной любви,
Живые горы голубых акаций
И в них восторженные соловьи.

Еще война. Но мы упрямо верим,
Что будет день,— мы выпьем боль до дна.

Широкий мир нам вновь раскроет двери,
С рассветом новым встанет тишина.

Последний враг. Последний меткий выстрел.
И первый проблеск утра, как стекло.
Мой милый друг, а все-таки как быстро,
Как быстро наше время протекло.

В воспоминаньях мы тужить не будем,
Зачем туманить грустью ясность дней,—
Свой добрый век мы прожили как люди —
И для людей.

1944

НИКОЛАЙ МАЙОРОВ *

* * *

Нам не дано спокойно сгнить в могиле —
Лежать навтыжку, — и, приоткрыв гробы,
Мы слышим гром предутренней пальбы,
Призыв охрипшей полковой трубы
С больших дорог, которыми ходили.
Мы все уставы знаем наизусть.
Что гибель нам? Мы даже смерти выше.
В могилах мы построились в отряд
И ждем приказа нового. И пусть
Не думают, что мертвые не слышат,
Когда о них потомки говорят.

* Политрук пулеметной роты Николай Майоров погиб под Смоленском 8 февраля 1942 года.

ВЛАДИСЛАВ ЗАНАДВОРОВ *

НА ВЫСОТЕ «Н»

На развороченные доты
Легли прожектора лучи,
И эти темные высоты
Вдруг стали светлыми в ночи.

А мы в снегу, на склонах голых,
Лежали молча, как легли,
Не подымали век тяжелых
И их увидеть не могли.

Но, утверждая наше право,
За нами вслед на горы те
Всходила воинская слава
И нас искала в темноте.

ВЛАДИМИР ЧУГУНОВ **

ПЕРЕД АТАКОЙ

Если я на поле ратном,
Испустив предсмертный стон,
Упаду в огне закатном,
Вражьей пулею сражен,

* Владислав Занадворов погиб в ноябрьских боях 1942 года под Сталинградом.

** Командир стрелкового взвода Владимир Чугунов погиб на Курской дуге 5 июля 1943 года, поднимая бойцов в контратаку.

Если ворон, словно в песне,
Надо мною круг замкнет,—
Я хочу, чтоб мой ровесник
Через труп шагнул вперед.

Пусть ускорит он походку
Среди выжженной травы,
Пропотевшую пилотку
Не снимая с головы.

И, зажав винтовку твердо,
Отомстит за смерть мою,
За страдания народа
И за Родину свою!

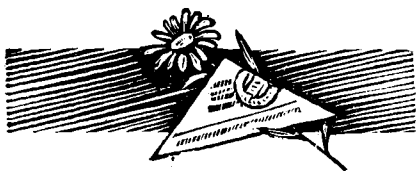
1943

ПОСЛЕ БОЯ

Хорошо, товарищ, после боя,
Выдыхая дым пороховой,
Посмотреть на небо голубое —
Облака плывут над головой...

И в затихшем орудийном гуле,
Что в ушах моих еще звенит,
Вся страна в почетном карауле
Над убитым воином стоит.

10 мая 1943 г.

БОРИС БОГАТКОВ *

ПЕРЕД НАСТУПЛЕНИЕМ

Метров двести — совсем немного —
отделяют от нас лесок.
Кажется — велика ль дорога?
Лишь один небольшой бросок.

Только знает наша охрана —
дорога не так близка.
Перед нами — «ничья» поляна,
а враги — у того леска.

В нем таятся фашистские дзоты,
жестким снегом их занесло.
Вороненные пулеметы
в нашу сторону смотрят зло.

Магазины свинцом набиты,
часовой не смыкает глаз.
Страх тая, стерегут бандиты
степь, захваченную у нас.

За врагами я, парень русский,
наблюдаю, гневно дыша.
Палец твердо лежит на спуске
безотказного ПППа.

Впереди — города пустые,
нераспаханные поля.
Тяжко знать, что моя Россия
от того леска — не моя...

* Борис Богатков пал смертью храбрых 11 августа 1943 года в бою за Гнездиловскую высоту (в районе Смоленск—Ельня), поднимая взвод в атаку.

Посмотрю на друзей-гвардейцев:
брови сдвинули, помрачнев,—
как и мне, им сжимает сердце
справедливый, священный гнев.

Поклялись мы, что встанем снова
на родимые рубежи!
И в минуты битвы суровой
нас, гвардейцев, не устрасит
ливень пуль, сносящий пилотки,
и оживший немецкий дзот...

Только бы прозвучал короткий
долгожданный приказ: «Вперед!»

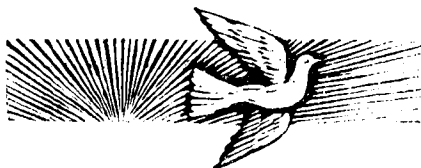
1942

ПРАЗДНИЧНЫЙ СТОЛ В БЛИНДАЖЕ

До артподготовки осталось немного:
тринадцать минут всего.
Комроты промолвил спокойно и строго,
связного позвав своего:
— Сигнал для атаки, запомни, ефрейтор,
зеленой ракетой подам.
С инструкцией этой быстрее, чем ветер,
лети у меня по взводам!..
И сгинул ефрейтор, что ветер во поле,
комроты ж провел по усам:
— А ну, ординарец, расщедрился б, что ли,
да выдал горючего нам!
Садись, замполит, нам с тобой не впервые
готовить для боя ребят.
Недаром у нас на груди золотые
нашивки ранений горят!..
Друзьями усталыми окруженный
(ох, тяжкая эта война!),
комроты садится на ящик патронный
и всем наливает вина.
И, встав, головою касаясь наката, —
известен сибирский наш рост! —
он молвит негромко:
— Подыдем, ребята,
за милую Родину тост!..

И сблизились, звякнув, помятые кружки,
зеленые кружки, и вдруг
взревели за лесом гневные пушки,
земля задрожала вокруг...

*Март 1943 г.
Калининский фронт*

БОРИС КОСТРОВ *

ПОСЛЕ БОЯ

Портянки сохнут над трубой,
Вся в инее стена...
И, к печке прислонясь спиной,
Спит стоя старшина.

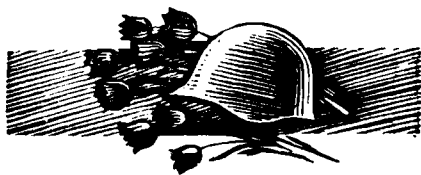
Шепчу: — Товарищ, ты бы лег
И отдохнул, солдат!
Ты накормил, как только мог,
Вернувшихся назад.

Ты не поверил нам. Ну что ж,
В том нет большой беды.
Метет метель. И не найдешь
На небе ни звезды.

Твоей заботе нет цсны.
Ляг между нами, брат.
Они снежком занесены
И не придут назад.

1943

* Борис Костров 11 марта 1945 года был смертельно ранен в Восточной Пруссии. Похоронен в г. Крейцбурге на центральной площади.

ВСЕВОЛОД ЛОБОДА *

НАЧАЛО

Лес раскололся тяжело,
Седой и хмурый.
Под каждым деревом жерло
Дышало бурей...

Стволам и людям горячо,
Но мы в азарте.
Кричим наводчикам:
«Еще,
Еще ударьте!..»

Дрожит оглохшая земля.
Какая сила
Ручьи, и рощи, и поля
Перемесила!

И вот к победе прямиком
За ротой рота
То по-пластунски, то бегом
Пошла пехота.

13 сентября 1944 г.

* Всеволод Лобода погиб 18 октября 1944 года в Латвии, неподалеку от г. Добеле.

ВАСИЛИЙ КУБАНЕВ *

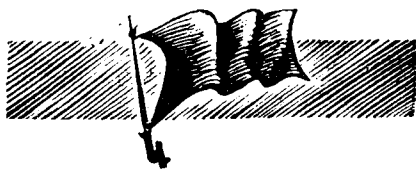
ТЫ ДОЛЖЕН ПОМОГАТЬ

Ты тоже просился в битву,
Где песни поют пулеметы.
Отец покачал головою:
«А с кем же останется мать?
Теперь на нее ложатся
Все хлопоты и заботы.
Ты будешь ей опорой,
Ты должен ей помогать».
Ты носишь воду в ведрах,
Колешь дрова в сарае,
Сам за покупками ходишь,
Сам готовишь обед,
Сам починяешь радио,
Чтоб громче марши играло,
Чтоб лучше слышать, как бьются
Твой отец и сосед.
Ты им говорил на прощанье:
«Крепче деритесь с врагами!»
Ты прав. Они это знают.
Враги не имеют стыда.
Страны, словно подстилки,
Лежат у них под ногами.
Вытоптаны посевы,
Уведены стада.
Народы в тех странах бессильны,
Как птицы в железной клетке.
Дома развалены бомбами,
Люди под небом сидят.
Дети бегут к казармам
И выпрашивают объедки,

* Василий Кубанев добровольцем ушел на фронт.
Умер в госпитале от обострившейся болезни легких.

Если объедки останутся
В котелках у чужих солдат.
Все это видят люди.
Все это терпят люди.
Зверь пожирает живое,
Жаден, зубаст, жесток.
Но недолго разбойничать
Среди людей он будет:
Наши трубы пропели
Зверю последний срок!
Отец твой дерется с врагами —
Тяжелая это работа.
Все люди встают, защищая
Страну, как родную мать.
У нее большие хлопоты,
Большие дела и заботы.
Ей будет трудно порою —
Ты должен ей помогать.

1941

АЛЕКСЕЙ ЛЕБЕДЕВ *

ВОЗВРАЩЕНИЕ ИЗ ПОХОДА

Когда мы подвели итог тоннажу
Потопленных за месяц кораблей,
Когда, пройдя три линии барражей,
Гектары минно-боновых полей,

Мы всплыли вверх, — нам показалось странно
Так близко снова видеть светлый мир,
Костер зари над берегом туманным,
Идущий в гавань портовый буксир.

* Штурман подводной лодки Алексей Лебедев погиб на Балтике 29 ноября 1941 года при выполнении боевого задания.

Небритые, пропахшие соляром,
В тельняшках, что за раз не отстирать,
Мы твердо знали, что врагам задаром
Не удалось у нас в морях гулять.

А лодка шла, последний створ минуя,
Поход окончен, и фарватер чист.
И в этот миг гармонику губную
Поднес к сухим губам своим радист.

И пели звонко голоса металла
О том, чем каждый счастлив был и горд:
Мелодию «Интернационала»
Играл радист. Так мы входили в порт.

1941

НА ДНЕ

Лежит матрос на дне песчаном,
Во тьме зелено-голубой.
Над разъяренным океаном
Отгромыхал короткий бой,
А здесь ни грома и ни гула...
Скользнув над илистым песком,
Коснулась сытая акула
Щеки матросской плавником...
Осколком легкие пробиты,
Но в синем мраке глубины
Глаза матросские открыты
И прямо вверх устремлены.
Как будто в мертвенном покое,
Тоской суровою томим,
Он помнит о коротком бое,
Жалея, что расстался с ним.

1941

МИХАИЛ КУЛЬЧИЦКИЙ *

• • •

Мечтатель, фантазер, лентяй-завистник!
Что? Пули в каску безопасней капель?
И всадники проносятся со свистом
Вертящихся пропеллерами сабель.

Я раньше думал: лейтенант
Звучит «налейте нам»,
И, зная топографию,
Он топает по гравии.

Война ж совсем не фейерверк,
А просто — трудная работа,
Когда —
 черна от пота —
 вверх
Скользит по пахоте пехота.

Марш!
И глина в чавкающем топоте
До мозга костей промерзших ног
Наворачивается на чеботы
Весом хлеба в месячный паек.

На бойцах и пуговицы вроде
Чешуи тяжелых орденов.
Не до ордена.
Была бы Родина
С ежедневными Бородино.

26 декабря 1942 г.
Хлебниково—Москва

* Михаил Кульчицкий погиб в боях под Сталинградом
в январе 1943 года.

ПАВЕЛ КОГАН *

* * *

Нам лечь, где лечь,
И там не встать, где лечь.

И, задохнувшись «Интернационалом»,
Упасть лицом на высохшие травы.
И уж не встать, и не попасть в анналы,
И даже близким славы не сыскать.

Апрель 1941 г.

БОРИС КОТОВ **

* *

В полночь холодно, в полдень жарко.
Ветер хочет всю пыль снести.
Остается рабочий Харьков
Вехой, пройденной в пути.

* Павел Коган, возглавлявший поиск разведчиков, погиб под Новороссийском 23 сентября 1942 года.

** Борис Котов погиб 29 сентября 1943 года в бою на днепровском плацдарме. Сержанту Котову посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Войны слева, и войны справа,
В центре — смертная карусель.
И задумчивая Полтава
Перед нами лежит, как цель.

Плач старухи и крик девчурки
На развалинах изб стоит,
Я завидую ныне Шурке,
Что в Донбассе ведет бои.

28 августа 1943 г.

ЛЕОНИД ВИЛКОМИР *

* * *

Мы победим. Мои — слова,
Моя — над миром синева,
Мои — деревья и кусты,
Мои — сомненья и мечты.

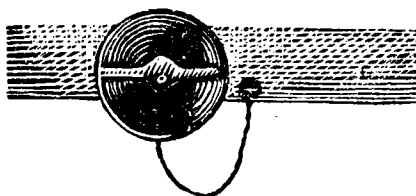
Пусть на дыбы встает земля,
Вопит, и злобствует, и гонит —
Меня к своим ногам не склонит,
Как в бурю — мачты корабля.

Я буду жить, как я хочу:
Свободной птицею взлечу,
Глазам открою высоту,
В ногах травую проращу,

* 19 июля 1942 года вместе с экипажем самолета стрелок-радист Леонид Вилкомир погиб в воздушном бою в районе Новочеркасска.

В пустынях разольюсь водой,
В морях затрепещу звездой,
В горах дорогой пробегу.
Я — человек, я — все могу!

1941

ЮРИЙ ИНГЕ *

ТРАЛЬЩИКИ

Седое море в дымке и тумане,
На первый взгляд такое, как всегда,
Высоких звезд холодное мерцанье
Колеблет на поверхности вода.

А в глубине, качаясь на минрепах,
Готовы мины вдруг загрохотать
Нестройным хором выкриков свирепых
И кораблям шпангоуты сломать.

Но будет день... Живи, к нему готовясь, —
Подыметесь с протрального дна,
Как наша мысль, достоинство и совесть,
Прозрачная и чистая волна.

И потому мы, как велит эпоха,
Пути родного флага бережем,
Мы подсечем ростки чертополоха,
Зовущегося минным барражом.

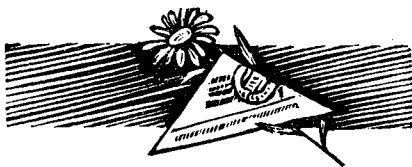
Где бы противник мины ни поставил —
Все море мы обыщем и найдем.

* Юрий Инге погиб на Балтике 28 августа 1941 года на корабле, торпедированном фашистами.

Согласно всех обычаев и правил,
Мы действуем смекалкой и огнем.

В морских просторах, зная все дороги,
Уничтожаем минные поля.
Свободен путь. Звучи, сигнал тревоги,
Дроби волну, форштевень корабля.

1941

АЛИ ШОГЕНЦУКОВ *

ПРИЗЫВ

Питомцы сада, лучшего на свете,
Строители величественных дней!
Кто ближе сердцу матери, чем дети?
Что вам Отчизны-матери милей?..

И если драгоценнейшему благу —
Свободе нашей — угрожает враг,
В ком гневная не закипит отвага?
Ведь стоил крови каждый к счастью шаг!

Знавала наша Родина немало
Бессмертием увенчанных побед;
Благоговейно молодежь внимала
Сказаниям о битвах прошлых лет.

Народ в своих неистощимых недрах
Выковывал таких богатырей,
Что шедший против нас надменный недруг
Невольно шел к гибели своей...

* Али Шогенцуков замучен в фашистском концлагере в ноябре 1941 года.

Не только за себя — за всех, чьей кровью
Злодей свою дорогу оросил,
За слезы матерей, за муку вдовью
Мы разочтемся, не жалея сил.

Смотрите: к небу, раздирая тучи,
Воздушные взмывают корабли!
Землетрясенья ль вал грядет ревучий? —
Нет, это наши танки в бой пошли.

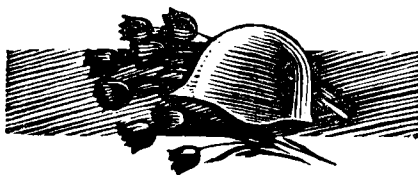
Во вспененные глянете ль просторы:
Не за горой ли там скользит гора?
Нет, то советские дымят линкоры,
То наши выплывают крейсера!

От грома пушек вздрагивают скалы,
И долу клонятся верхушки рощ...
Кавказцы! И для нас пора настала
Явить и мужество свое и мощи!

Все — на коней! Взлетайте, братья, в седла
И устремляйтесь всем ветрам в обгон,
Чтоб заметался кровопийца подлый,
Поправший человечности закон.

Погибнет враг, — мы в том клянемся честью!
Мир подвиг наш запомнит на века!
Нам путь победы, славы и возмездья
Предначертала партии рука!

1941

МУСА ДЖАЛИЛЬ *

ВОЛЯ

И в час, когда мне сон глаза смыкает,
И в час, когда зовет меня восход,
Мне кажется, чего-то не хватает,
Чего-то остро мне недостает.

Есть руки, ноги — все как будто цело,
Есть у меня и тело и душа.
И только нет свободы! Вот в чем дело!
Мне тяжело жить, неволею дыша.

Когда в темнице речь твоя немеет,
Нет жизни в теле — отняли ее,
Какое там значение имеет
Небытие твое иль бытие?

Что мне с того, что не без ног я вроде:
Они — что есть, что нету у меня,
Ведь не ступить мне шагу на свободе,
Раскованными песнями звеня.

Я вырос без родителей. И все же
Не чувствовал себя я сиротой.
Но то, что было для меня дороже,
Я потерял: Отчизну, край родной!

В стране врагов я раб тут, я невольник,
Без Родины, без воли — сирота.
Но для врагов я все равно — крамольник,
И жизнь моя в бетоне заперта.

* Муса Джалиль, будучи тяжело раненным, попал в плен. В концлагере вел активную подпольную работу. Был брошен фашистами в тюрьму Моабит и в 1944 году казнен. Мусе Джалилю посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Моя свобода, воля золотая,
Ты птицей улетела навсегда.
Взяла б меня с собою, улетаю,
Зачем я сразу не погиб тогда?

Не передать, не высказать всей боли,
Свобода невозвратная моя.
Я разве знал на воле цену воле!
Узнал в неволе цену воли я!

Но коль судьба разрушит эти своды
И здесь найдет меня еще в живых, —
Святой борьбе за волю, за свободу
Я посвящу остаток дней своих.

Июль 1942 г.

ПРОСТИ, РОДИНА!

Прости меня, твоего рядового,
Самую малую часть твою.
Прости за то, что я не умер
Смертью солдата в жарком бою.

Кто посмеет сказать, что я тебя предал?
Кто хоть в чем-нибудь бросит упрек?
Волхов — свидетель: я не струсил,
Пылинку жизни моей не берег.

В содрогающемся под бомбами,
Обреченном на гибель кольце,
Видя раны и смерть товарищей,
Я не изменился в лице.

Слезинки не выронил, понимая:
Дороги отрезаны. Слышал я:
Беспощадная смерть считала
Секунды моего бытия.

Я не ждал ни спасенья, ни чуда,
К смерти взывал: «Приди! Добей!..»
Просил: «Избавь от жестокого рабства!..»
Молил медлительную: «Скорей!..»

Не я ли писал спутнику жизни:
«Не беспокойся, — писал, — жена.
Последняя капля крови капнет —
На клятве моей не будет пятна».

Не я ли стихом присягал и клялся,
Идя на кровавую войну:
«Смерть улыбку мою увидит,
Когда последним дыханьем вздохну».

О том, что твоя любовь, подруга,
Смертный огонь гасила во мне,
Что Родину и тебя люблю я,
Кровью моей напишу на земле.

Еще о том, что буду спокоен,
Если за Родину смерть приму.
Живой водой эта клятва будет
Сердцу смолкающему моему.

Судьба посмеялась надо мной:
Смерть обошла — прошла стороной.
Последний миг — и выстрела нет!
Мне изменил
 мой пистолет...

Скорпион убивает себя жалом,
Орел разбивается о скалу.
Разве орлом я не был, чтобы
Умереть, как подобает орлу?

Поверь мне, Родина, был орлом я, —
Горела во мне орлиная страсть!
Уж я и крылья сложил, готовый
Камнем в бездну смерти упасть.

Что делать?
 Отказался от слова,
От последнего слова друг-пистолет.
Враг мне сковал полумертвые руки,
Пыль занесла мой кровавый след...

...Я вижу зарю над колючим забором.
Я жив и поэзия не умерла:

Пламенем ненависти исходит
Раненое сердце орла.

Вновь заря над колючим забором,
Будто подняли знамя друзья!
Кровавой ненавистью рдеет
Душа полоненная моя!

1942

АЛЕКСАНДР АРТЕМОВ *

КОРАБЛИ УХОДЯТ В МОРЕ

Едва приподнимутся флаги
Над ровною гладью залива
И дрогнут в зеленых глубинах
Прожорливых рыб плавники,—
Над берегом белые чайки
Взвиваются стаяй крикливой,
И, кончив последнюю вахту,
Мерцают вдали маяки.

Синеет высокое небо,
И солнце встает над водою.
Гонимые ветром проворным,
Туманы спускаются с круч.
Над городом в утреннем дыме
Пылает огромной звездой
В широких зеркальных витринах
Рассветный приветливый луч.

Мы снова на вахту выходим,
Плывем в голубое безбрежье,

* Александр Артемов в 1941 году ушел на фронт добровольцем и погиб в 1942 году.

В спокойное яркое утро,
В рассвет, что на море упал.
Мы видим, как по носу прямо
Дельфин заблудившийся режет
Спинным плавником заостренным
Ленивый шлифованный вал.

Мы в море уходим надолго,
И путь наш красив и завиден,
И мы ни о чем не жалеем,
И мы не грустим ни о ком.
И с нами прощается город,
Который мы снова увидим,
И машет нам берег весенний
Черемухи белым платком.

Свежеет погода, и ветер
В антенне назойливо свищет,
Туман наползает, и воет
У рифов тревожный ревун,
И чайки у берега кружат,
Садясь на пробитое днище
Кунгаса, что выброшен морем
На скалы в последний тайфун.

Но пусть поднимаются волны,
На палубу брызги роняя,
И ветер от края до края
Туман расстилает седой,
Мы к вахтам тяжелым привыкли,
Мы ночью и днем охраняем
И нашу весеннюю землю,
И наши сады над водой,

И город, поднявший высоко
Багряные трубы заводов,
И узкие тихие бухты
С хребтами по трем сторонам,
И зелень полей урожайных,
И наши просторные воды,
И все, что зовется Отчиной,
Что близко и дорого нам.

1941

ДЖЕК АЛТАУЗЕН *

РОДИНА СМОТРЕЛА НА МЕНЯ

Я в дом вошел, темнело за окном,
Скрипели ставни, ветром дверь раскрыло.
Дом был оставлен, пусто было в нем,
Но все о тех, кто жил в нем, говорило.

Валялся пестрый мусор на полу,
Мурлыкал кот на вспоротой подушке,
И разноцветной грудой в углу
Лежали мирно детские игрушки.

Там был верблюд и выкрашенный слон,
И два утенка с длинными носами,
И Дед-Мороз — весь запылится он,
И кукла с чуть раскрытыми глазами,

И даже пушка с пробкою в стволе,
Свисток, что воздух оглашает звонко,
А рядом в белой рамке на столе
Стояла фотография ребенка...

Ребенок был с кудряшками, как лен,
Из белой рамки здесь, со мною рядом,
В мое лицо смотрел пытливо он
Своим спокойным ясным взглядом...

А я стоял, молчание храня.
Скрипели ставни жалобно и тонко.
И Родина смотрела на меня
Глазами белокурого ребенка.

* Джек Алтаузен погиб в бою под Харьковом в мае 1942 года.

Зажав сурово автомат в руке,
Упрямым шагом вышел я из дома
Туда, где мост взрывали на реке
И где снаряды ухали знакомо.

Я шел в атаку, твердо шел туда,
Где непрерывно выстрелы звучали,
Чтоб на земле фашисты никогда
С игрушками детей не разлучали.

1941

ФАТЫХ КАРИМ *

(С татарского)

ДИКИЕ ГУСИ

Голубыми небесными тропами
Из-за моря, где жили зимой,
Снова гуси летят над окопами,
По весне возвращаясь домой.

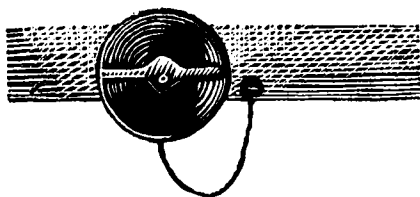
Здесь озера у нас в изобилии.
Сколько заводов в чаще лесной!
И на них распускаются лилии,
Удивляя своей белизной.

Над лугами и чащею мгlistою
Пролетая в весенние дни,
Мне в подарок стрелу шелковистую,
Дикий гусь, на лету урони.

* Офицер Советской Армии Фатых Карим пал смертью храбрых в феврале 1945 года на подступах к Кенигсбергу.

Я возьму твое перышко серое,
В блеск весенней зари окуну,
Песню звонкую с пламенной верою
Напишу про родную страну.

Не впервые на поле сражения,
В грозной схватке, в кровавом бою,
Мой народ словно солнце весеннее,
Согреваешь ты душу мою.

КОНСТАНТИН БЕЛЬХИН *

ПИСЬМА

Они приходят и сюда,
на край земли,
где сказочным сияньем
небо щедро,
где ночь без края,
где снега и ветры
надолго
все дороги замели.
Они приходят,
дорогие письма,
из дальних сел,
из дальних городов,
где жили,
где росли,
где родились мы,
где каждый встречный
нас обнять готов.

* Константин Бельхин погиб в 1946 году в Заполярье.

Мы верили,
что письма вновь придут
с знакомою печатью
на конверте.
Мы знали:
каждый дом наш —
наш редут.
И каждая семья —
сильнее смерти.

Январь 1942 г.

ВСЕВОЛОД БАГРИЦКИЙ *

ОДЕССА, ГОРОД МОЙ!

Я помню,
Мы вставали на рассвете:
Холодный ветер
Был солоноват и горек.
Как на ладони,
Ясное лежало море,
Шаландами
Начало дня отметив,
А под большими
Черными камнями,
Под мягкой, маслянистою травой
Бычки крутили львиной головой
И шевелили узкими хвостами.
Был пароход приклеен к горизонту,
Сверкало солнце, млея и рябя,
Пустынных берегов был неразборчив
контур...
Одесса, город мой! Мы не сдадим тебя!

* Всеволод Багрицкий погиб 26 февраля 1942 года на Волховском фронте.

Пусть рушатся дома, хрипя, в огне
пожарищ,
Пусть смерть бредет по улицам твоим,
Пусть жжет глаза горячий черный дым,
Пусть пахнет хлеб теплом пороховым,
Одесса, город мой,
Мой спутник и товарищ,
Одесса, город мой,
Тебя мы не сдадим!

1941

СЕМЕН ГУДЗЕНКО

* * *

Прожили двадцать лет.
Но за год войны
мы видели кровь
и видели смерть —
просто,
как видят сны.
Я все это в памяти сберегу:
и первую смерть на войне,
и первую ночь,
когда на снегу
мы спали спина к спине.
Я сына
верно дружить научу, —
и пусть
не придется ему воевать,
он будет с другом
плечо к плечу,
как мы,
по земле шагать.
Он будет знать:
последний сухарь
делится на двоих.

И нас ведет через траншеи
окоченевшая вражда,
штыком дырявящая шею.
Бой был коротким.

А потом
глушили водку ледяную,
и выковыривал ножом
из-под ногтей
я кровь чужую.

1942

* * *

Я был пехотой в поле чистом,
в грязи окопной и в огне.
Я стал армейским журналистом
в последний год на той войне.

Но если снова воевать...
Таков уже закон:
пускай меня пошлют опять
в стрелковый батальон.

Быть под началом у старшин
хотя бы треть пути,
потом могу я с тех вершин
в поэзию сойти.

1943—1944

Действующая армия

* * *

Мы не от старости умрем,—
от старых ран умрем.
Так разливай по кружкам ром,
трофейный рыжий ром.

В нем горечь, хмель и аромат
заморской стороны.
Его принес сюда солдат,
вернувшийся с войны.

Он видел столько городов!
Старинных городов.
Он рассказать о них готов.
И даже спеть готов.

Так почему же он молчит?
Четвертый час молчит.
То пальцем по столу стучит,
то сапогом стучит.

А у него желание есть.
Оно понятно вам?
Он хочет знать, что было здесь,
когда мы были там...

1946

ВИКТОР ГУСЕВ

НА ГРОЗНУЮ БИТВУ ВСТАВАЙТЕ!

На грозную битву вставайте,
Защитники русской земли!
Прощайте, прощайте, прощайте, прощайте!
Пожары пылают вдали...

В суровых боях защищайте
Столицу родную свою!
Прощайте, прощайте, прощайте, прощайте,
Желаем удачи в бою!

Вы нас навестить приезжайте,
Вот только не знаем куда.
Прощайте, прощайте, прощайте, прощайте!
Последняя гаснет звезда...

И мы уезжаем далече,
Не знаю, увидимся ль мы.
Прощайте, прощайте — до радостной встречи,
До вечера после войны!

1942—1943

КАЗАК УХОДИЛ НА ВОЙНУ

На вольном, на синем, на тихом Дону
Походная песня звучала.
Казак уходил на большую войну,
Невеста его провожала.

— Мне счастья, родная, в пути пожелай,
Вернусь ли домой — неизвестно.—
Казак говорил, говорил ей: — Прощай!
— Прощай! — отвечала невеста.

Над степью зажегся печальный рассвет,
Донская волна засверкала.
— Дарю я тебе на прощанье кисет,
Сама я его вышивала.

Будь смелым, будь храбрым в жестоком бою,
За русскую землю сражайся
И помни про Дон, про невесту свою,
С победою к ним возвращайся.

1942—1943

ИОСИФ УТКИН *

ТЫ ПИШЕШЬ ПИСЬМО МНЕ

На улице полночь. Свеча догорает.
Высокие звезды видны.
Ты пишешь письмо мне, моя дорогая,
В пылающий адрес войны.

Как долго ты пишешь его, дорогая.
Окончишь и примешься вновь.
Зато я уверен: к переднему краю
Прорвется такая любовь!

...Давно мы из дома. Огни наших комнат
За дымом войны не видны.
Но тот, кого любят,
Но тот, кого помнят,
Как дома и в дыме войны!

Теплее на фронте от ласковых писем.
Читая, за каждой строкой
Любимую видишь
И Родину слышишь,
Как голос за тонкой стеной...

Мы скоро вернемся. Я знаю. Я верю.
И время такое придет:
Останутся грусть и разлука за дверью,
А в дом только радость войдет.

И как-нибудь вечером вместе с тобою,
К плечу прижимаясь плечом,
Мы сядем и письма, как летопись боя,
Как хронику чувств, перечтем...

1942

* Военный корреспондент Иосиф Уткин погиб во время авиационной катастрофы при возвращении с переднего края в 1944 году.

СЕСТРА

Когда, упав на поле боя —
И не в стихах, а наяву,—
Я вдруг увидел над собою
Живого взгляда синеву,

Когда склонилась надо мною
Страданья моего сестра,—
Боль сразу стала не такою:
Не так сильна, не так остра.

Меня как будто оросили
Живой и мертвою водой,
Как будто надо мной Россия
Склонилась русой головой!..

1943

ЯРОСЛАВ СМЕЛЯКОВ

ЗЕМЛЯ

Тихо прожил я жизнь человеческую,
ни бурана, ни шторма не знал,
по волнам океана не плавал,
в облаках и во сне не летал.

Но зато, словно юность вторую,
полюбил я в просторном краю
эту черную землю сырую,
эту милую землю мою.

Для нее ничего не жалея,
я лишился покоя и сна,
стали руки большие темнее,
но зато посветлела она.

Чтоб ее не кручинились кручи
и глядела она веселей,
я возил ее в тачке скрипучей,
так, как женщины возят детей.

Я себя признаю виноватым,
но прощенья не требую в том,
что ее подымал я лопатой
и валил на колени кайлом.

Ведь и сам я, от счастья бледнея,
зажимая гранату свою,
в полный рост поднимался над нею
и, простреленный, падал в бою.

Ты дала мне вершину и бездну,
подарила свою широту.
Стал я сильным, как терн, и железным —
даже окиси привкус во рту.

Даже жесткие эти морщины,
что на лбу и на щеках прошли,
как отцовские руки у сына,
по наследству я взял у земли.

Человек с голубыми глазами,
не стыжусь и не радуюсь я,
что осталась земля под ногтями
и под сердцем осталась земля.

Ты мне небом и волнами стала,
колыбель и последний приют...
Видно, значишь ты в жизни немало,
если жизнь за тебя отдают.

1945

СУДЬЯ

Упал на пашне у высоты
суровый мальчик из Москвы,
и тихо сдвинулась пилотка
с пробитой пулей головы.

Не глядя на беззвездный купол
и чуя веянье конца,
он пашню бережно ощупал
руками быстрыми слепца.

И, уходя в страну иную
от мест родных невядалеке,
он землю теплую, сырую
зажал в коснеющей руке.

Горсть отвоеванной России
он захотел на память взять,
и не сумели мы, живые,
те пальцы мертвые разжать.

Мы так его похоронили —
в его военной красоте —
в большой торжественной могиле
на взятой утром высоте.

И если, правда, будет время,
когда людей на Страшный суд
из всех земель с грехами всеми
трикратно трубы призовут,—

предстанет за столом судейским
не бог с туманной бородой,
а паренек красноармейский
пред потрясенною толпой,

держа в своей ладони правой,
помятой немцами в бою,
не символы небесной славы,
а землю русскую, свою.

Он все увидит, этот мальчик,
и ни йоты не простит,
но лезть — от правды,
боль — от фальши
и гнев — от злобы отличит.

Он все узнает оком зорким,
с пятном кровавым на груди,
судья в истлевшей гимнастерке,
сидящий молча впереди.

И будет самой высшей мерой,
какою мерить нас могли,
в ладони юношеской серой
та горсть тяжелая земли.

1945

МИЛЫЕ КРАСАВИЦЫ РОССИИ

В буре электрического света
умирает юная Джульетта.

Праздничные ярусы и ложи
голосок Офелии тревожит.

В золотых и темно-синих блестках
Золушка танцует на подмостках.

Наши сестры в полутемном зале,
мы о вас еще не написали.

В блиндажах подземных, а не в сказке
наши жены примеряли каски.

Не в садах Перро, а на Урале
вы золою землю удобряли.

На носилках длинных под навесом
умирали русские принцессы.

Возле, в государственной печали,
тихо пулеметчики стояли.

Сняли вы бушлаты и шинели,
старенькие туфельки надели.

Мы еще оденем вас шелками,
плечи вам согреем соболями.

Мы построим вам дворцы большие,
милые красавицы России.

Мы о вас напишем сочиненья,
полные любви и удивленья.

1946

АЛЕКСАНДР ЯШИН

* * *

Не позабыть мне первых схваток,
Разбитых сел, дорог в крови,
Ночей под кровом плащ-палаток,
Как первой не забыть любви.

Все шло не так, как представлялось,
Как в книгах вычитал,—
Не так.
Все было ново: дождь, усталость,
Разрывы мин и гул атак.

Заране знать хотел, бывало,
Как поведу себя в боях:
Не осрамлюсь ли поначалу,
Не заберется ль в сердце страх?

И, убедившись, встав под дула,
Хлебнув и гула и огня,
Что сердце не захолонуло,
Кровь не свернулась у меня,

Что я ни в чем других не хуже,
Переношу тяжелый путь,—
Я затянул ремень потуже
И широко расправил грудь.

Конечно, стало представляться,
Что ты храбрейший из солдат:
Конечно, все тобой гордятся,
На одного тебя глядят.

С тобой — удачи и победа,
Поёшь и ходишь, как во сне.

Кто эти чувства не изведал,
Тот просто не был на войне.

1941

* * *

Назови меня именем светлым,
Чистым именем назови —
Донесется, как песня, с ветром
До окопов голос любви.

Я сквозь грохот тебя услышу,
Сновиденья за явь приму.
Хлынь дождем на шумную крышу,
Ночью ставни открой в доме.

Пуля свалит в степи багровой —
Хоть на миг сдержи суховея,
Помяни меня добрым словом,
Стынуть буду — теплом повея.

Появись, отведи туманы,
Опустись ко мне на траву,
Подыши на свежие раны —
Я почувствую,
оживу.

1943

НЕ УМРУ

Когда я раненый лежал в пыли,
Страдая от удушливого жара,
Не отличая неба от земли,
Артиллерийских залпов от кошмара,

И ни стонать, ни говорить не мог,—
Тогда прямой, с пушистой желтизной,

Откуда ни возьмись степной цветок
Виденьем детства встал передо мною,

Что я припомнил в этот миг?
Леса,
Деревни, в палисадниках рябину,
Под солнцем поле спелого овса
И матери натруженную спину...

Что я услышал?
Дробный стук колес,
Крик петуха на просмоленной крыше,
Шум светлых сосен и жужжанье ос,
Раздольный звон бубенчиков услышал...

Ах, родина, лесная сторона!
Как все стократ для сердца стало мило —
Брусника в чашах,
Рек голубизна,—
Война все чувства наши обострила.

Просторны тесом крытые дворы,
В холмистом поле широки загоны.
Как многолюдны свадьбы и пиры,
Как сарафаны девичьи пестры,
Каким достоинством полны поклоны!

Моторы в сизых ельниках стучат,
Плывет над лесом рокот молотилок,
И запахи бензина не глушат
Смолистого дыхания опилок.

А сколько зверя, сколько птиц в бору...
И потому, что все перед глазами,
Не дрогну я в сражении с врагами,
Земли родной не выдам:
Не умру!

1943

АЛЕКСЕЙ НЕДОГОНОВ

22 ИЮНЯ 1941 ГОДА

Роса еще дремала на лафете,
когда под громом дрогнул Измаил.
Трубач полка —
у штаба —
на рассвете
в холодный горн тревогу затрубил.

Набата звук,
кинжальный, резкий, плотный,
летел к Одессе,
за Троянов Вал,
как будто он не гарнизон пехотный,
а всю Россию к бою поднимал!

1941

ПРЕДСКАЗАНИЕ

Усталая,
но гордая осанка.
И узелок дорожный за спиной.
Гадала мне гречанка-сербиянка
в Саратове на пристани речной.
Позвякивали бедные мониста
на запыленном рубище ее.
Она лгала.
Но выходило чисто,
я слушал про свое житье-бытье.

И делал вид, что понимаю много
хотя она мне верила с трудом.

Тут было все:
и дальняя дорога,
и беспокойство,
и казенный дом,
тут были встречи,
слезы и свиданья,
и радости,
и горечь женских мук,—
все,
без чего немыслимо гаданье
в такие дни на пристанях разлук.
Во всем я видел правды очень мало.
Что слезы — ложь,
что встречи — соврала,
а то, что буду жив,—
она узнала,
и что домой вернусь,—
права была.

*Осень 1941 г.
Саратов*

МАТЕРИНСКИЕ СЛЕЗЫ

*Матери моей
Федосье Дмитриевне*

Как подули железные ветры Берлина,
как вскипели над Русью военные грозы!
Провожала московская женщина сына..
Материнские слезы,
материнские слезы!..

Сорок первый — кровавое, знойное лето.
Сорок третий — атаки в снега и морозы.
Письмецо долгожданное из лазарета..
Материнские слезы,
материнские слезы!..

Сорок пятый — за Вислу идет расставанье,
землю прусскую русские рвут бомбовозы.
А в России не гаснет огонек ожидания —
материнские слезы,
материнские слезы!..

Пятый снег закружился, завьюжил дорогу
над костями врага у можайской березы.
Сын седой возвратился к родному порогу..
Материнские слезы,
материнские слезы!..

1945

ДОЛГ

Я не помню детской колыбели.
Кажется:
я просто утром встал
и, накинув бурку из метели,
по большой дороге зашагал.

Как я мог пройти такие дали?
Увеличь стократно все пути!
Где я был?
В газетах не писали.
Где я шел?
По звездам не найти.

Только очень помнится,
что где-то
под Мадридом,
непогодь кляня,
у артиллерийского лафета
встал пушкарь, похожий на меня.

А потом на Финском,
в штурмовые
ночи, под раскатами огня —
(зимними глазами на Россию) —
пал стрелок, похожий на меня.

И еще я помню, помню внятно:
над бессмертьем друга своего
с ротою салютовал трикратно
я,
лицом похожий на него.

Ангелы спасенья не витали
надо мною на Большой войне:

силы Родины меня питали,—
талисман возмездья
был при мне.

Где сейчас я?
Не ищи на карте...
Только люди говорят, что я
в Греции,
в Чанду
и в Джокьякарте
в дьявола стреляю из ружья!

Если верить людям, в их святую
проповедь,
то на любом ветру
до ста лет, наверно, проживу я,
коль своею смертью не умру.

1948

НИКУЛ ЭРКАЙ

(С мордовского)

НАД ПОЛЯМИ ШУМ...

Над полями шумный трепет дня...
Солнце жарит — хоть пеки картошку!
Подгоняет бабушка коня:
— Ну, шагай, соколик, понемножку!

Плуг плывет — взрыхляется земля...
Много сил у женщины-эрзянки!
Засевая сурские поля,
Трудится старуха спозаранку.

Волосы сползли из-под платка,
Плуг плывет, в земле взрыхленной роясь
Прошуми привет издалека,
Поклонись-ка, лес, старухе в пояс!

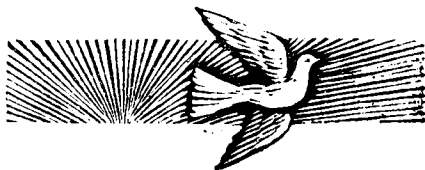
Жилами постромки напряглись.
Кони ржут, и спорится работа.
Корни трав с землей переплелись,
Падают на землю капли пота.

Старческие радостны глаза:
— Уцелел наш край! Спасибо детям!
Налетают в битве, как гроза...
А вернутся — урожаем встретим!

Подгоняет бабушка коня:
— Ну, прибавь, прибавь-ка шагу, милый!—
Мать-отчизну от врагов хранят
Неустанно труженицы тыла.

1943

Перевод
П. Карабана

АЛЕКСАНДР ЧУРКИН

ВЕЧЕР НА РЕЙДЕ

Споемте, друзья, ведь завтра в поход —
Уйдем в предрассветный туман.
Споем веселей, пусть нам подпоет
Седой боевой капитан.

Прощай, любимый город,
Уходим завтра в море,
И ранней порой
Мелькнет за кормой
Знакомый платок голубой.

А вечер опять хороший такой,
Что песен не петь нам нельзя,
О дружбе большой, о службе морской
Подтянем дружнее, друзья.

Прощай, любимый город,
Уходим завтра в море,
И ранней порой
Мелькнет за кормой
Знакомый платок голубой.

На рейде большом легла тишина,
А море окутал туман.
И берег родной целует волна,
И тихо доносит баян:

Прощай, любимый город,
Уходим завтра в море,
И ранней порой
Мелькнет за кормой
Знакомый платок голубой.

1941

СЕРГЕЙ ПОДЕЛКОВ

ОФИЦЕР

От бега задохнувшийся связной —
пот по щекам, кривые брови взмокли...
А солнце катится.
И дышит бой.
И офицер в кустарнике с биноклем.

И он увидел хутор, крутояр,
солдат, пересекающих яругу.

Звенит над ухом яростно комар.
Весна раскрашивает, как маляр,
в зеленое и пестрое округу.

И он увидел: в пламени повесть...
Стремительна атака, как пружина.
И офицер, чтоб лучше разглядеть,
раздвинул ломкие кусты крушины.

Бесплодные, в пролысинах поля,
над всем войны навязанное иго.
Враги — назад,
через плетни, за выгон,
сползают в дол по гривам ковыля!..
Он усмехнулся: «Русская земля
покатая, как русская коврига».

Но взрыв.
Визжит снаряд один, другой...
Игольчатая зыбь бежит по коже.
Относит ветром дым.
Но что с ногой?
Не может быть? Да, он ступить не может.

А жаворонок в синеве висит,
а корни трав приникли жадно к влаге,
а медсестра настойчиво твердит,
что медсанбат недалеко, в овраге.
От злости выругался:
«Черт — не встать!» —
Швырнул растерзанный сапог в траншею.
«Что делать там? Матрасы обминать?
Еще облатки запивать успею».

Он этот бой семь дней в себе носил,
семь дней в душе сперва сражение длилось.
Да у него теперь не хватит сил
отдать его слепой судьбе на милость.

Он — там, с солдатами.
Взят крутояр...
Корчуют бомбы сад.
В дыму строенья.
Там мысль его, как молнии удар,
там ненависть его, как вдохновенье.

А степь раскинута, как западня,
дрожит в ознобе, будто в лихорадке.
Его среди крошечного огня
несут бойцы вперед на плащ-палатке.

1944

1-й Прибалтийский фронт

ВСЕВОЛОД РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

ВОЛХОВСКАЯ ЗИМА

Мороз идет в дубленом полушубке
И валенках, топча скрипучий прах.
От уголька зубами сжатой трубки
Слоистый дым запутался в усах.

Колющий иней стряхивают птицы,
То треснет сук, то мины провизжат.
В тисках надежных держат рукавицы
Весь низкий от мороза автомат.

Рукой от выюги заслонив подбровье,
Мороз глядит за Волхов, в злой туман,
Где тучи, перепачканные кровью,
Всей грудью придавили вражий стан.

Сквозь лапы елок, сквозь снега густые
Вновь русичи вступают в жаркий бой.
Там Новгород: там с площади Софии
Их колокол сзывает вечевой.

В глухих болотах им везде дороги,
И деды так медведей поднимать
Учили их, чтоб тут же, у берлоги,
Рогатину всадить по рукояты!

1942

ПАВЕЛ ШУБИН

ПОЛМИГА

Нет,
Не до седин,
Не до славы
Я век бы хотел свой продлить,
Мне б только до той вон канавы
Полмига, полшага прожить;

Прижаться к земле
И в лазури
Июльского ясного дня
Увидеть оскал амбразуры
И острые вспышки огня.

Мне б только
Вот эту гранату,
Злорадно поставив на взвод,
Всадить ее,
Врезать, как надо,
В четырежды проклятый дзот,

Чтоб стало в нем пусто и тихо;
Чтоб пылью осел он в траву!
...Прожить бы мне эти полмига,
А там я сто лет проживу!

Август 1943 г.

* * *

Утешителям не поверишь,
А молиться ты не умеешь;
Горе горем до дна измеришь,
Не заплачешь — окаменеешь.

Злее старости, горше дыма,
Горячее пустынь горячих
Ночь и две проклубятся мимо
Глаз распахнутых и незрячих.

Все — как прежде: стена стеною,
Лампа лампою, как бывало...
Здесь ты радовалась со мною,
Молодела и горевала.

А отныне все по-иному:
День дотлеет, и год промчится,
Постоялец прибьется к дому,
Да хозяин не постучится.

Ноябрь 1944 г.

В СЕКРЕТЕ

В романовских дублених полушубках
Лежат в снегу — не слышны, не видны.
Играют зайцы на лесных порубках.
Луна. Мороз... И словно нет войны.

Какая тишь! Уже, наверно, поздно.
Давно, должно быть, спели петухи...
А даль чиста. А небо звездно-звездно.
И вокруг луны — зеленые круги.

И сердце помнит: было все вот так же.
Бойцы — в снегу. И в эту синеву —
Не все ль равно, Кубань иль Кандалакша? —
Их молодость им снится наяву.

Скрипят и плачут сани расписные,
Поют крещенским звоном бубенцы,
Вся — чистая, вся — звездная Россия,
Во все края — одна, во все концы...

И в эту даль, в морозы затяжные,
На волчий вой, на петушиный крик
Храпят и рвутся кони пристяжные,
И наст сечет грудастый коренник.

Прижать к себе, прикрыть полой тулуша
Ту самую, с которой — вековать,
И снежным ветром пахнущие губы
И в иное ресницы целовать.

И в час, когда доплачут, досмеются,
Договорят о счастье бубенцы,
В избу, в свою, в сосновую вернуться
И свет зажечь....

В снегу лежат бойцы.
Они еще свое не долюбили.
Но — Родина, одна она, одна! —
Волнистые поляны и луна,
Леса, седые от морозной пыли,
Где волчий след метелью занесен...

Березки, словно девочки босые,
Стоят в снегу. Как сиротлив их сон!
На сотни верст кругом горит Россия.

Декабрь 1942 г.

АНАТОЛИЙ СОФРОНОВ

ШУМЕЛ СУРОВО БРЯНСКИЙ ЛЕС

Шумел сурово Брянский лес,
Спускались синие туманы,
И сосны слышали окрест,
Как шли тропою партизаны.

Тропою тайной меж берез
Спешили дебрями густыми,
И каждый за плечами нес
Винтовку с пулями литыми.

В лесах врагам спасенья нет:
Летят советские гранаты,
И командир кричит им вслед:
«Громи захватчиков, ребята!»

Шумел сурово Брянский лес,
Спускались синие туманы,
И сосны слышали окрест,
Как шли с победой партизаны.

1942

ПЕСНЯ О ДВАДЦАТИ ВОСЬМИ

Кружилась в поле злая осень,
Летела поздняя листва,
Их было только двадцать восемь,
Но за спиной у них Москва.

На них чудовища стальные
Ползли, сжимая полукруг...
«Так защитим Москву, родные!» —
Сказал гвардейцам политрук.

Летят бутылки и гранаты,
Последний бой всегда суров!
«Бей за Москву, за нас, ребята!» —
В последний раз кричит Клочков.

Не пропустили вражьи танки
Герои Родины своей,
В сырой земле лежат останки,
Лежат тела богатырей.

И славу им ветра разносят,
И слышит Родина слова:
«Их было только двадцать восемь,
Но за спиной была Москва!»

1942

ОТ КРАСНОПРЕСНЕНСКОЙ ЗАСТАВЫ

От Краснопресненской заставы,
Где вешних зорь горят лучи,
Дорогой доблести,
Дорогой славы
Шли в бой суровый москвичи.

Еще не смяты гимнастерки,
Но опален войной закат.
Прощай, любимая,
Прощай, Трехгорка,
Не забывай своих ребят...

Мели военные метели,
Прошла в боях войны гроза,
И над Берлином
Уж отгремели
Орудий наших голоса.

Вновь подмосковные пригорки,
В тени берез Москва-река,
И снова нас к себе
Огни Трехгорки
Зовут, зовут издадека.

Над Краснопресненской заставой
Огни труда всегда горят.
Знамена доблести,
Знамена славы,
Как ветер Родины, шумят.

1947

ПО-ЗА ДНЕПРОМ

По-за Днепром
Весенний гром,
Широкие раскаты...
Цветет земля,
Лежат поля,
Бугры да перекаты.

У двух дорог,
Где дуб высок,—
Солдатская могила;
И степь над ней
От всех друзей
Цветы свои склонила.

Здесь ветер пел,
Огонь летел,
Металось в поле пламя;
И за рекой
Суровый бой
Вставал над берегами.

...Цветет земля,
Лежат поля,
Бугры да перекаты.
...А за Днепром
Весенний гром,
Широкие раскаты.

1949

ВЛАДИМИР ФЕДОРОВ

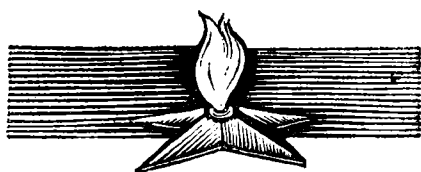
* * *

Я — в кольце острокрышного города.
В эту ночь, на чужой стороне,
Все, что сердцу солдатскому дорого,
Как впервые, припомнилось мне.

Где-то рядом грохочут сражения.
Отдохнем, а на зорьке — в бой.
Смерть не делает нам снисхождения,
Но пока я — влюбленный, живой.

И готов я со смертью помериться.
Если что — знаешь, лучше без слез...
Но, по правде сказать, мне не верится,
Чтобы что-то со мною стряслось.

Видно, молодость — это непрошено,
Как вино забродившее, бьет.
Только кончится все по-хорошему —
Чует сердце мое наперед.

ИВАН БАУКОВ

ГОРИТ ВАРШАВА

Девятый день горит Варшава,
Девятый день бойцы не спят,
И галки красного пожара
В ночи летят, летят, летят.

И Висла, бледная от горя,
Волной игривой не шумит,
И древний Ян, нахмутив брови,
На запад день и ночь глядит.

В костеле догорают свечи,
Рука застыла на груди.
Усердно ксендз молитву шепчет,
Взывая к господе: «Приди...»

Но бог молчит, пылает запад,
Лютует немец по ночам...
И древний Ян снимает шляпу
И земно кланяется нам.

Полячки, ладные собою,
На перекрестке двух дорог
Взирают на бойцов с мольбою
И шепчут: «Помоги вам бог».

И дарят нам в тумане синем
Цветы и ласку влажных глаз,—
Для них солдаты из России
Дороже братьев в этот час.

А впереди горит Варшава,
Вот так же, как горел Смоленск,
И галки красные пожара
Стремятся в почерневший лес.

Проходят беженцы босые,
Вокруг гремит орудий гром.
Все так же, как вчера в России,
Под Сталинградом, под Орлом.

1944

ГОВОРИ МНЕ О РОССИИ...

Говори о звездной ночи,
О березах, об осинах,—
Говори о чем захочешь,
Лишь бы только о России.

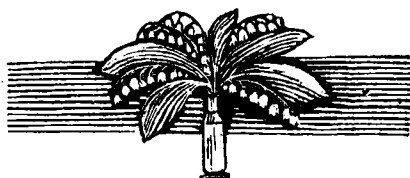
Лишь бы только за беседой
Отдохнул я от чужбины.
Говори мне о соседях,
Говори мне о рябине.

Говори о черных пашнях,
О высоком темном боре,
Говори о реках наших,
Что играют на просторе.

Говори мне об угодьях,
О лесных тропинках узких,
О весеннем половодье —
О раздолье нашем русском.

Говори о звездной ночи,
О рязанском небе синем,—
Говори о чем захочешь,
Лишь бы только о России.

1945

ПЕДЕР ХУЗАНГАЙ

(С чувашского)

ЖУРАВЛИ

Мы залегли в бурьяне и в пыли.
Замолкла к ночи канонада.
И только пролетают журавли,
Курлыча грустно, к Сталинграду.

Расстроенный гортанный голос птиц,
Нет-нет и затрубит вожак их.
Летят они вдоль Млечного Пути
Туда, за море, в край свой жаркий...

О журавли! Далеко, далеко ваш путь...
Пусть мне под утро — снова к бою,
Но жалко вас: вам негде отдохнуть
В полях, повыжженных войною.

Рокочет где-то самолет вдали.
Рокочет наш. Знаком по звуку.
Вы можете спокойно, журавли,
Лететь под ним, даю поруку.

До скорого свиданья, журавли,
Лететь вам далеко-далече!
Весною на полях моей земли
У нас иная будет встреча.

Пока же — равнодушный Млечный Путь
И звезд холодных мириады,
Тоска, что до утра не даст уснуть,
И зарево над Сталинградом...

1942

Перевод автора

ПЕТР НЕФЕДОВ

БЕССМЕРТИЕ

Враги партизана вели на расстрел.
Безусый, молоденький, шел он и пел
О том, что ему восемнадцатый год,
Что Родине жизнь он свою отдает...
В березовой роще убили его,
И не было рядом родных никого,
Никто молодые глаза не закрыл.
Горячею кровью березу омыв,
Лежал он, глаза в синеву устремив,
Как будто и мертвый он видеть хотел,
Как птицу, ту песню, которую пел.
А песня взметнулась, быстра и легка.
И вдаль полетела, навстречу векам.

1942

МИХАИЛ ДУДИН

СОЛОВЬИ

О мертвых мы поговорим потом.
Смерть на войне обычна и сурова.
И все-таки мы воздух ловим ртом
При гибели товарищей. Ни слова

Не говорим. Не поднимая глаз,
В сырой земле выкапываем яму.
Мир груб и прост. Сердца сгорели. В нас
Остался только пепел, да упрямо
Обветренные скулы сведены.

Трехсотпятидесятый день войны.

Еще рассвет по листьям не дрожал,
И для остротки били пулемсты...
Вот это место. Здесь он умирал —
Товарищ мой из пулеметной роты.

Тут бесполезно было звать врачей,
Не дотянул бы он и до рассвета.
Он не нуждался в помощи ничьей.
Он умирал. И, понимая это,

Смотрел на нас, и молча ждал конца,
И как-то улыбался неумело.
Загар сначала отошел с лица,
Потом оно, темнея, каменело.

Ну, стой и жди. Застынь. Оцепеней.
Запри все чувства сразу на защелку.
Вот тут и появился соловей,
Несмело и томительно защелкал.

Потом сильней, входя в горячий пыл,
Как будто настужь вырвавшись из плена,
Как будто сразу обо всем забыл,
Высвистывая тонкие колена.

Мир раскрывался. Набухал росой.
Как будто бы еще едва означась,
Здесь рядом с нами возникал другой
В каком-то новом сочетании качеств.

Как время, по траншеям тек песок.
К воде тянулись корни у обрыва,
И ландыш, приподнявшись на носок,
Заглядывал в воронку от разрыва.

Еще минута. Задымит сирень
Клубами фиолетового дыма.
Она пришла обескуражить день.
Она везде. Она непроходима.

Еще мгновение. Перекосит рот
От сердце раздирающего крика,—
Но успокойся, посмотри: цветет,
Цветет на минном поле земляника.

Лесная яблонь осыпает цвет,
Пропитан воздух ландышем и мятой...
А соловей свистит. Ему в ответ
Еще — второй, еще — четвертый, пятый.

Звонят стрижи. Малиновки поют.
И где-то возле, где-то рядом
Раскидан настороженный уют
Тяжелым громыхающим снарядам.

А мир гремит на сотни верст окрест,
Как будто смерти не бывало места,
Шумит неумолкающий оркестр,
И нет преград для этого оркестра.

Весь этот лес листом и корнем каждым,
Ни капли не сочувствуя беде,
С невероятной, яростною жаждой
Тянулся к солнцу, к жизни и к воде.

Да, это жизнь. Ее живые звенья,
Ее крутой, бурлящий водоем.
Мы, кажется, забыли на мгновенье
О друге умирающем своем.

Горячий луч последнего рассвета
Едва коснулся острого лица.
Он умирал. И, понимая это,
Смотрел на нас и молча ждал конца.

Нелепа смерть. Она глупа. Тем боле
Когда он, руки разбросав свои,
Сказал: «Ребята, напишите Поле:
У нас сегодня пели соловьи».

И сразу канул в омут тишины
Трехсотпятидесятый день войны.

Он не дожил, не долюбил, не допил,
Не доучился, книг не дочитал.
Я был с ним рядом. Я в одном окопе,
Как он о Поле, о тебе мечтал.

И может быть, в песке, в размытой глине,
Захлебываясь в собственной крови,
Скажу: «Ребята, дайте знать Ирине:
У нас сегодня пели соловьи».

И полетит письмо из этих мест
Туда, в Москву, на Zubовский проезд.

Пусть даже так. Потом просохнут слезы,
И не со мной, так с кем-нибудь вдвоем
У той поджигородовской березы
Ты всмотришься в зеленый водоем.

Пусть даже так. Потом родятся дети
Для подвигов, для песен, для любви.
Пусть их разбудят рано на рассвете
Томительные наши соловьи.

Пусть им навстречу солнце зноем брызнет
И облака потянутся гуртом.
Я славлю смерть во имя нашей жизни.
О мертвых мы поговорим потом.

1942

СЕРГЕЙ ОРЛОВ

* * *

Спят солдаты крепким сном
Под тремя накатами.
Снится им знакомый дом,
В нем гремят ухватами.

Мать хлопочет над огнем,
Как всегда, торопится.
Кот мурлычет под столом,
Печка жарко топится.

Ребятишки сели в ряд
За столом без скатерти,
Мокроносые, сопят,
Ждут еды от матери.

Вдруг за окнами скрипят,
Слышат, сани-розвальни.
Входит в дом родной солдат
С клубами морозными.

Сквозь огонь лихих годин
К ним пришел сквозь муки он,
Жив-здоров и невредим,
Валенками стучает...

Но гремит в полях война
Над тремя накатами.
Позабыта тишина
И во сне солдатами.

И, быть может, через час,
Так ли, по тревоге ли,
Прозвучит опять приказ
Выйти в путь-дорогу им.

И пойдут вперед они,
Тихие и строгие,
На ракетные огни
Все одной дорогою,

Что через бессчетный бой
За село, высотку ли
Приведет солдат домой
Долго ли, коротко ли...

1944

* * *

Его зарыли в шар земной,
А был он лишь солдат,
Всего, друзья, солдат простой,
Без званий и наград.

Ему как мавзолей земля —
На миллион веков,
И Млечные Пути пылят
Вокруг него с боков.

На рыжих скатках тучи спят,
Метелицы метут,
Грома тяжелые гремят,
Ветра разбег берут.

Давным-давно окончен бой...
Руками всех друзей
Положен парень в шар земной,
Как будто в мавзолей...

1944

* * *

А мы такую книгу прочитали!..
И нам о недочитанных жалеть.
В огне багровом потонули дали
И в памяти остались пламенеть.

Кто говорит о песнях недопетых?
Мы жизнь свою как песню пронесли...
Пусть нам теперь завидуют поэты:
Мы все сложили в жизни, что могли.

Как самое великое творенье
Пойдет в века, переживет века
Информбюро скупое сообщение
О путь-дороге нашего полка...

1945

ПАРОМЩИК

Если едешь ты в Кириллово —
Под горой паром, мысок.
Там тебя за душу милую
Переправят в городок.

Пожилый паромщик — маленький,
С темным шрамом на щеке —
Ездит в шапке, в старых валенках
На пароме по реке.

Он упрется в борт старательно, —
Тяжеленько одному,
И поможешь обязательно
Ты с приятелем ему.

Пусть канат скользит, как сыромять,
Ты его потянешь вкось:
Много рек тебе форсировать
По Европе довелось.

Так ты с низкими поклонами
Будешь ехать по Шексне,
И качнет ответно кронами
Бор на правой стороне.

А когда, в причал ударившись,
Пришвартуется паром, —
Сам паромщик, как к товарищу,
Подойдет к тебе потом.

— Разреши огня, пожалуйста! —
Спичка выстрелит в руке.—
Где-то мы, солдат, встречались,
Не на Оudere-реке?..

1946

АТАКА НА РАССВЕТЕ

Заря сверкнула над равниной.—
И вот уж немцы наугад
По солнцу, мина вслед за миной,
Как очумелые, палят.

Они палят, палят с заката,
Но солнце расстрелять нельзя,
И умолкают атоматы,
И тишина встает, грозя.

И мы встаем несметной силой,
Штыками раздвигая тьму,—
Как бы дорогу для светила
Прокладывая в злом дыму.

1947

В КИНО

В колхозе, в кино, на экране
Кварталы Берлина горят.
Смертельной пулею ранен,
Споткнулся на крыше солдат.

Мальчишки скорбят и тоскуют
У самой стены на полу,
И им бы вот так же, рискуя,
Бросаться в огонь и во мглу;

Взбираться на купол покатый
(Полотнище флага в огне)

И мстить за таджика солдата,
Как будто за старшего брата,
Который погиб на войне.

Механики и полеводы
В шинелях сидят без погон,
Они вспоминают походы,
А зал в полутьму погружен.

И, как на сошедших с экрана
Лихих легендарных солдат,
Украдкою на ветеранов
Притихшие жены глядят.

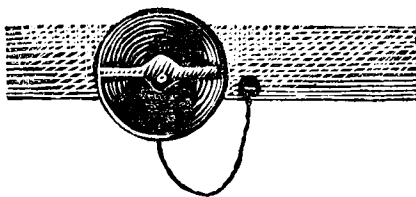
Стучит, как кузнечик железный,
Поет в тишине аппарат.
И вот над дымящейся бездной
Встает на рейхстаге солдат.

Взметнулось полотнище флага,—
И, словно его водрузил,
Встает инвалид, что рейхстага
Не брал, но медаль «За отвагу»
Еще в сорок первом носил.

Огни зажигаются в школе.
В раскрытые окна плывет
Прохлада широкого поля...
На шумный большак из ворот
Полуторка медленно едет.
Мальчишки за нею бегут.
Кинопередвижку в «Победе»
Давно с нетерпением ждут.

Заката багровые флаги,
И дымный туман над рекой.
Герои Берлина и Праги
С экрана уходят домой.

1949

ОЛЬГА БЕРГГОЛЬЦ

* * *

...Я говорю с тобой под свист снарядов,
угрюмым заревом озарена.
Я говорю с тобой из Ленинграда,
страна моя, печальная страна...

Кронштадтский злой, неукротимый ветер
в мое лицо закинутое бьет.
В бомбоубежищах уснули дети,
ночная стража встала у ворот.

Над Ленинградом — смертная угроза...
Бессонны ночи, тяжек день любой.
Но мы забыли, что такое слезы,
что называлось страхом и мольбой.

Я говорю: нас, граждан Ленинграда,
не поколеблет грохот канонад,
и если завтра будут баррикады,—
мы не покинем наших баррикад.

И женщины с бойцами встанут рядом,
и дети нам патроны поднесут,
и надо всеми нами зацветут
старинные знамена Петрограда.

Руками сжав обугленное сердце,
такое обещание даю
я, горожанка, мать красноармейца,
погибшего под Стрельною в бою.

Мы будем драться с беззаветной силой,
мы одолеем бешеных зверей,
мы победим, клянусь тебе, Россия,
от имени российских матерей.

Август 1941 г.

ФЕВРАЛЬСКИЙ ДНЕВНИК

1

Был день как день.
Ко мне пришла подруга,
не плача, рассказала, что вчера
единственного схоронила друга,
и мы молчали с нею до утра.

Какие ж я могла найти слова?
Я тоже — ленинградская вдова.

Мы съели хлеб,
 что был отложен на день,
в один платок закутались вдвоем,
и тихо-тихо стало в Ленинграде.
Один, стуча, трудился метроном...

И стили ноги и томила свечка.
Вокруг ее слепого огонька
образовалось лунное колечко,
похожее на радугу слегка.

Когда немного посветлело небо,
мы вместе вышли за водой и хлебом
и услышали дальней канонады
рыдающий, тяжелый, мерный гул:
то Армия рвала кольцо блокады,
вела огонь по нашему врагу.

2

А город был в дремучий убран иней.
Уездные сугробы, тишина...
Не отыскать в снегах трамвайных линий,
одних полозьев жалоба слышна.

Скрипят, скрипят по Невскому полозья.
На детских санках, узеньких, смешных,
в кастрюльках воду голубую возят,
дрова и скарб умерших и больных...

Так с декабря кочуют горожане
за много верст, в глухой туманной мгле,

в глуши слепых, обледенелых зданий
отыскивая угол потеплей.

Вот женщина ведет куда-то мужа.
Седая полумаска на лице,
в руках бидончик — это суп на ужин.
Свистят снаряды, свирепеет стужа...
— Товарищи, мы в огненном кольце...

А девушка с лицом заиндевелым,
упрямо стиснув почерневший рот,
завернутое в одеяло тело
на Охтенское кладбище везет.

Везет, качаясь, — к вечеру добраться б...
Глаза бесстрастно смотрят в темноту.
Скинь шапку, гражданин!

Провозят ленинградца,
погибшего на боевом посту.

Скрипят полозья в городе, скрипят...
Как многих нам уже недосчитаться!
Но мы не плачем: правду говорят,
что слезы вымерзли у ленинградцев.

Нет, мы не плачем. Слез для сердца мало.
Нам ненависть заплакать не дает.
Нам ненависть залогом жизни стала:
объединяет, греет и ведет.

О том, чтоб не прощала, не щадила,
чтоб мстила, мстила, мстила, как смогу,
ко мне взывает братская могила
на Охтенском, на правом берегу.

3

Как мы в ту ночь молчали, как молчали...
Но я должна, мне надо говорить
с тобой, сестра по гневу и печали:
прозрачны мысли и душа горит.

Уже страданиям нашим не найти
ни меры, ни названья, ни сравненья.

Но мы в конце тернистого пути
и знаем: близок день освобожденья.

Наверно, будет грозный этот день
давно забытой радостью отмечен:
наверное, огонь дадут везде,
во все дома дадут, на целый вечер.

Двойною жизнью мы сейчас живем:
в кольце, во мраке, в голоде, в печали
мы дышим завтрашним,
свободным, щедрым днем, —
мы этот день уже завоевали.

4

Враги ломились в город наш свободный, —
крошились камни городских ворот...
Но вышел на проспект Международный
вооруженный трудовой народ.

Он шел с бессмертным
возгласом
в груди:
— Умрем,
но Красный Питер
не сдадим!..

Красногвардейцы, вспомнив о былом,
формировали новые отряды,
и собирал бутылки каждый дом
и собственную строил баррикаду.

И вот за это долгими ночами
пытал нас враг железом и огнем!..

— Ты сдашься, трусишь, — бомбы нам кричали, —
забьешься в землю, упадешь ничком!
Дрожа запросят плена, как пощады,
не только люди — камни Ленинграда!

Но мы стояли на высоких крышах
с закинутою к небу головой,
не покидали хрупких наших вышек,
лопату сжав немеющей рукой.

И не хвалюсь я тем, что в дни блокады
не изменяла радости земной,
что, как роса, сияла эта радость,
угрюмо озаренная войной.

И если чем-нибудь могу гордиться,
то, как и все мои друзья вокруг,
горжусь, что до сих пор могу трудиться,
не складывая ослабевших рук.
Горжусь, что в эти дни, как никогда,
мы знали вдохновение труда.

В грязи, во мраке, в голоде, в печали,
где смерть, как тень, тащилась по пятам,
какой свободой бурною дышали,
что внуки позавидовали б нам.

О да, мы счастье страшное открыли,
достойно не воспетое пока, —
когда последней коркою делились,
последнею шепоткой табака;
когда вели полночные беседы
у бедного и дымного огня,
как будем жить, когда придет победа,
всю нашу жизнь по-новому ценя.

И ты, мой друг, ты даже в годы мира,
как полдень жизни, будешь вспоминать
дом на проспекте Красных Командиров,
где тлел огонь и дуло от окна.

Ты выпрямишься, вновь, как нынче, молод.
Ликуя, плача, сердце позовет
и эту тьму, и голос мой, и холод,
и баррикаду около ворот.

Да здравствует, да царствует всегда
простая человеческая радость,
основа обороны и труда,
бессмертие и сила Ленинграда!

Да здравствует суровый и спокойный,
глядевший смерти в самое лицо,

удушливое вынесший кольцо
как Человек,
 как Труженик,
 как Воин.

Сестра моя, товарищ, друг и брат,
ведь это мы, крещенные блокадой!
Нас вместе называют — Ленинград,
и шар земной гордится Ленинградом.

Двойною жизнью мы сейчас живем:
в кольце и стуже, в голоде, в печали,
мы дышим завтрашним счастливым, щедрым днем, —
мы сами этот день завоевали.

И ночь ли будет, утро или вечер,
но в этот день мы встанем и пойдем
воительнице-армии навстречу
в освобожденном городе своем.

Мы выйдем без цветов,
 в помятых касках,
в тяжелых ватниках,
в промерзших полумасках,
как равные, приветствуя войска.
И, крылья мечевидные расправив,
над нами встанет бронзовая Слава,
держа венок в обугленных руках.

Январь—февраль 1942 г.

СТИХИ О СЕБЕ

...И вот в послевоенной тишине
к себе прислушалась наедине.

.....
Какое сердце стало у меня,
сама не знаю — лучше или хуже:
не отогреть у мирного огня,
не остудить на самой лютой стуже.

И в черный час, зажженные войною
затем, чтобы не гаснуть, не стихать,

неженские созвездья надо мною,
неженский ямб в черствеющих стихах...

...И даже тем, кто все хотел бы сгладить
в зеркальной, робкой памяти людей,
не дам забыть, как падал ленинградец
на желтый снег пустынных площадей.

И как стволы, поднявшиеся рядом,
сплетают корни в душевной глубине
и слили кроны в чистой вышине,
даря прохожим мощную прохладу,—
так скорбь и счастье живут во мне —
единым корнем — в муке Ленинграда,
единой кроною — в грядущем дне.

И все неукротимей год от года
к неистовству зенита своего
растет свобода сердца моего —
единственная на земле свобода.

1945

ДМИТРИЙ КЕДРИН

* * *

Весь край этот, милый навеки,
В стволах белокрылых берез,
И эти студеные реки,
У плеса которых ты рос.

И темная роща, где свишут
Всю ночь напролет соловьи,
И липы на старом кладбище,
Где предки уснули твои.

И снпий ласкающий воздух,
И крепкий загар на щеках,
И леды в андреевских звездах,
В высоких седых париках.

И рожь на полях непчатых,
И эта хлеб-соль средь стола,
И псковских соборов стрельчатых
Причудливые купола.

И фрески Андрея Рублева
На темной церковной стене,
И звонкое русское слово,
И в чарочке пенник на дне.

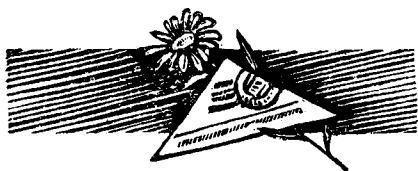
И своды лабазов просторных,
Где в сене — раздолье мышам,
И эта — на ларчиках черных —
Кудрявая вязь палешан.

И дети, что мчатся, глазае,
По следу солдатских колонн,
И в старом полтавском музее
Полотнища шведских знамен.

И санки, чтоб вихрем летели!
И волка опасливый шаг,
И серьги вчерашней метели
У зябких осинок в ушах.

И ливни — такие косые,
Что в поле не видно ни зги..
Запомни: все это — Россия,
Которую топчут враги.

1942

ДМИТРИЙ КОВАЛЕВ

КАМЕНЬ

Когда на фронт,
К Рыбачьему, пойдешь,
Ты на откосе, в стороне, замети:
Там камень есть,
Он на орла похож,
Готового куда-то улететь.
Быть может, он —
Потухший метеор,
Упавший там,
Где нету никого.
И только синим холодом озер
Скупая тундра смотрит на него.
И, не успев еще позеленеть,
Валяется в торфянике сыром
Задымленная гильзовая медь.
И слышится еще недалёкий гром.
Моряк безвестный
В боевом пути,
Который, год не видя милых глаз,
На этом камне «Маша» начертил,
Когда пошел в сражение в первый раз.
Кто скажет нам:
Он жив или убит?
Известно только:
Там, где, одинок,
Заветный камень над водой стоит,
Враг ни на шаг продвинуться не смог.
Когда на фронт,
К Рыбачьему, пойдешь,
Пусть откос напомнит о былом:
Высокий камень
На орла похож
С могучим,
Чуть приподнятым крылом.

1943

АЛИМ КЕШОКОВ

(С кабардинского)

НЕЗАВЕРШЕННЫЙ ПОРТРЕТ

Нелегко художнику-солдату,
Краток на путях войны привал,—
Наш товарищ фронтовой когда-то
Нас в часы досуга рисовал.

Кто хотел послать портрет невесте,
Кто родных порадовать спешил:
— Нарисуй меня, но, честь по чести,
Безбородым, как до фронта был.

И художник на клочках бумаги
Рисовал, досуга не ценя.
Как-то раз в одном глухом овраге
Рисовать он начал и меня.

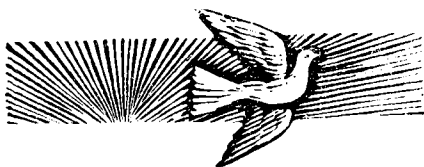
Ранят иль убьют бойца, но дома
На стене висит его портрет
И одной улыбкою знакомой
Утешает в том, что писем нет.

День настал — погиб солдат-художник,
Мой портрет закончить не успел,
Не узнал конца путей тревожных...
Нет бойца, а вот рисунок цел.

Он хранится в небольшой тетради.
Это память друга моего...
На портрет незавершенный глядя,
Не себя я вижу, а его.

1945

Перевод М. Петровых

АЛЕКСАНДР КОВАЛЕНКОВ

ПАМЯТНИК

На берегу феодосийском
Стоит бетонный обелиск.
В сухой траве под тамариском
Ржавеет пулеметный диск.

Здесь шли десантники в атаку
Родную землю выручать.
К Святой горе и Кара-Дагу
Тесня врагов за пядью пядь.

С такой отвагой и любовью,
С такой решимостью в сердцах,
Что до сих пор горят их кровью
Весною маки на лугах...

А мы с тобой на берег моря
Пришли — мне стыдно вспоминать,—
О чем-то споря, ссорясь, вздоря...
А надо б камни целовать!

1951

* * *

Бабка старая, причитая,
Прячет в погреб своих внучат,
Чуя волка... Беду встречая,
Пароходы в порту мычат.

Вот он, черный, лазейку ищет,
Пробирается в облаках,
Щерит зубы — и бомба свищет,
Разбивая домишки в прах.

Беломорье видало виды,
И недобрый и добрый час,
Не прощало врагу обиды,
Не простит и на этот раз.

Сосны грохотом оглоуша,
Бьет зенитка, визжит снаряд.
Наземь рушится волчья туша,
Ключья шерсти ее горят.

В розоватых кустах молочая
Догорает, чадит скелет,
В стеклах окон обознача
Небывальщины желтый свет.

1941

* * *

Вонзилось в память, как заноза:
Есть под Москвой одна береза
Необъяснимой красоты,
Глядит на Истру с высоты.
Она стоит как утверждение,
Что жизнь моя —
Не наваждение,
Не грохот мрака и огня
В ночных лесах за Кандалакшей,
Где топчет торф и снег размякший
Войны чугунная ступня,—
А неотступная защита
Тебя, чье имя не забыто,
Полей, где детство сказкой стало,
Где юность счастье разыскала,
Но не успела рассмотреть
Людей, которые мне дали
Любовь, чтоб видеть эти дали,
За что не страшно умереть...

1942

АЛЕКСЕЙ ФАТЬЯНОВ

СОЛОВЬИ

Пришла и к нам на фронт весна,
Солдатам стало не до сна —
Не потому, что пушки бьют,
А потому, что вновь поют,
Забыв, что здесь идут бои,
Поют шальные соловьи.

Соловьи, соловьи, не тревожьте солдат,
Пусть солдаты немного поспят...

Но что война для соловья —
У соловья ведь жизнь своя.
Не спит солдат, припомнив дом
И сад зеленый над прудом,
Где соловьи всю ночь поют,
А в доме том солдата ждут.

Ведь завтра снова будет бой,
Уж так назначено судьбой,
Чтоб нам уйти, недолюбив,
От наших жен, от наших нив.
Но с каждым шагом в том бою
Нам ближе дом в родном краю.

Соловьи, соловьи, не тревожьте солдат,
Пусть солдаты немного поспят,
Немного пусть поспят...

**ГДЕ ЖЕ ВЫ ТЕПЕРЬ,
ДРУЗЬЯ-ОДНОПОЛЧАНЕ?**

Майскими короткими ночами,
Отгремев, закончились бои...
Где же вы теперь, друзья-однополчане,
Боевые спутники мои?

Я хожу в хороший час заката
У тесовых новеньких ворот,
Может, к нам сюда знакомого солдата
Ветерок попутный занесет?

Мы бы с ним припомнили, как жили,
Как теряли трудным верстам счет.
За победу б мы по полной осушили,
За друзей добавили б еще.

Если ты случайно не женатый,
Ты, дружок, нисколько не тужи:
Здесь у нас в районе, песнями богатым,
Девушки уж больно хороши.

Мы тебе колхозом дом построим,
Чтобы было видно по всему:
Здесь живет семья русского героя,
Грудью защитившего страну.

Майскими короткими ночами,
Отгремев, закончились бои...
Где же вы теперь, друзья-однополчане,
Босвые спутники мои?

1946

ДАВИД КУГУЛЬТИНОВ

(С калмыцкого)

ВЫСОТА

Николаю Санджиеву

Взять высоту был дан приказ:
Враги сдержать пытались нас.
За кукурузными стеблями
Мы залегли. Вперед я звал,
Но с пульей в легком наземь пал.
Под Сарпами то было с нами.

Сознание на короткий срок
Вернул мне свежий ветерок,
И я подумал: «Вероятно,
Обрызган кровью, здесь, в бою
Я и закончу жизнь свою...
О, как бы кровь толкнуть обратно!»

Уже с жужжанием вокруг
Носился рой зеленых мух,—
Они на кровь мою садились...
И понял я, что смерть близка,
Когда земля и облака
В огонь, казалось, превратились!

Мне в рот холодная вода
Лилась, и я не знал, куда
Тянуться помертвевшим взглядом!
Не проронив ни капли, скуп,
Облизывал я корку губ;
И вдруг, в стеблях, со мною рядом

В тугом венце сплетенных кос
Увидел девушку. Принес
Мне силу взор ее красивый:
Строга, доверчива, нежна,
Вдруг показалась мне она
Весь мир спасающей Россией!

1945

Перевод В. Луговского

ВАСИЛИЙ КУЛЕМИН

РОДИНА

Все, что изведано, пройдено
С горечью в сердце иль с песнею,—
Все это родина, родина,
Родина наша чудесная.

Как не любить эти пажити,
Как не любить это поле нам!
Их красотой, мне кажется,
Русское сердце наполнено.

Сосны с березами клонятся,
Ягодный запах мне чудится —
Все это долго мне помнится
И никогда не забудется.

Детство, прогулки далекие.
Где-то гармошка напевная,
Игры... и та синеокая,—
Милая, нежная, первая.

Тропки лесистые, узкие,
Вскрики испуганной горлинки...

Как не гордиться, что русский я,
Русскою матерью вскормленный.

В пепле дорога тернистая,
Даль неприглядная, тусклая.
Трудно держаться, но выстою!
Почва поможет мне русская.

Вихри свинцовые кружатся,
Но на врага иду смело я.
Родина! Ты — мое мужество,
Жизнь и судьба неизменная.

Сентябрь 1943 г.

НИКОЛАЙ ГРИБАЧЕВ

ИДУ!

Взметая пыль и жаром обдавая,
Опять с утра ворчит передовая,
Проламывает блиндажи и доты,
Где чернозем с железом пополам.
Два года здесь я, офицер пехоты,
И как я жив — не понимаю сам.

Мой путь лежал над прорезью прицела,
В моей шинели смерть навылет пела.
И думаю я на исходе дня:
Чья нежность душу навсегда согрела
И чья любовь хранит в бою меня?

Не женщины. Я не поладил с ними,
Вздыхнув тайком, завидую другим.
С упрямством и причудами моими
Недолго был я женщиной любим.

И та одна, что в горький час разлуки
На шею нежно положила руки,
Остыла, видно, пишет в месяц раз
По дюжине скупых и скучных фраз.

Не поняла она, что в годы бед,
Когда весь мир качает канонада,
И тяжело, и рядом друга нет,—
Сильней любить, сильнее верить надо,

Что там, где стоны, смерть и ярость сея,
Осколки осыпаются дождем,
Мы нашу нежность бережем сильнее,
Чем пулю в окружение бережем,

Что, как молитву, шепчем это имя
Губами воспаленными своими
В часы, когда окоп накроет мгла,
Не поняла она... Не поняла!

Забыла все, ушла с другим, быть может.
И росы в травах размывают след.
Зачем ее мне письмами тревожить
И звать назад, когда в том смысла нет?

Зачем кричать в немыслимые дали?
Мой голос до нее дойдет едва ли,
И лишь с предутренней передовой
Ему ответит пулеметный вой.

Я здесь один с невысказанной болью,
И я молчу. А над моей любовью
Растет бугор окопного холма.
Не получать письма мне перед боем
И после боя не писать письма,

Не ощутить во сне прикосновенья
Ее заботливых и теплых рук.
Любовь моя, теперь ты — только звук,
Почти лишенный смысла и значенья...

Еще на сердце каждого из нас
Есть облик женщины. И в трудный час
Он нам напоминает дом и детство,

Веселых братьев за столом соседство
И ласку добрых и усталых глаз.

То — мать. Всесильно слово матерей,
В туман высот, в глубины всех морей
Оно за нами следует по свету.
Но мать осталась там... И может, нету
На свете старой матери моей.

Все в гости нас она к себе ждала,
Все в дом родной, в село к себе звала,
Настойки в старом погребе хранила.
Война фронтами нас разъединила,
Судьба нам попрощаться не дала.

Но есть еще одна святая сила.
Она меня любовью осенила,
Благословение дала свое —
Не женщина, не смертная —
Россия,
Великое отечество мое.

Куда б ни шел — она мне путь укажет,
Где б ни был я — она всегда со мной,
На поле боя раны перевяжет
И жажду утолит в палящий зной;

Она ко мне в часы моей печали,
Метет ли снег, ложится ли роса,
Все песни, что над юностью звучали,
И всех друзей доносит голоса.

И если за какой-то переправой
Уже мне не подняться, не вздохнуть,—
Она своею выстраданной славой
Среди других и мой отметит путь.

К ее любви, широкой, доброй, вечной,
Всей жизнью мы своей обращены,
И не найти мне на полях войны
Ни теплоты щедрей и человечней,
Ни преданнее друга и жены.

И я, покамест смерть не погасила
В моих глазах последнюю звезду,—

Я твой солдат, твоих приказов жду,
Веди меня, Советская Россия,
На труд,
 на смерть,
 на подвиг —
 я иду!

1943

ПРАГА

В сады Градчан, за Карлов мост
Несет фонарь луна,
В реке меж поплавками звезд
Не протолкнуть челна.

На Старой площади Ян Гус,
Окончив давний спор,
Твердит Писанья наизусть
И всходит на костер.

И, кайзера к чертям послав, —
Уже терпеть невмочь! —
Со Швейком Гашек Ярослав
Беседует всю ночь,

И свежий ратуши пролом,
И каждой арки свод
Напоминает о былом
И чеха в бой зовет...

А он вчера окончен — бой,
И мимо древних стен
Завоеватели толпой
Прошли понуро в плен,

И в улицах цветет каштан —
Не счесть его свечей! —
И слышен смех то тут, то там
И говор москвичей,

И кажется, что здесь при всех,
Родства исполнив власть,
Вацлавская во весь разбег
С Садовою слилась!

1945

МИХАИЛ ЛУКОНИН

ПОЛЕ БОЯ

Пахать пора!
Вчера весенний ливень
Прошелся по распахнутой земле.
Землей зеленой пахнет в блиндаже.
А мы сидим — и локти на столе,
И гром над головами,
визг тоскливый.
Атаки ждем.
Пахать пора уже!

Глянь в стереотрубу на это поле,
Сквозь дымку испарений, вон туда.
Там стонет чернозем, шипит от боли,
Там ползают противники труда.
Их привели отнять у нас свободу
И поле, где пахали мы с утра,
И зелень,
землю,
наши хлеб и воду.
— Готов, товарищ?
— Эх, пахать пора!..

Постой!
Как раз команда: «Выходи!»
Зовут, пошли!
Окопы опустели.
Уже передают сигнал, пора!
— Пора! Пора! —
Волнение в груди.
Рассыпались по полю, полетели,
И губы шепчут:
— Сгинет немчура!

Ползти...

На поле плуг забытый...

Друга

Перевязать

и положить у плуга.

Свист пуль перескочить,

упасть на грудь,

Опять вперед —

все полем тем бескрайним,

И пулемет, как плуг, держать,

и в путь?

Туда, где самолет навис комбайном.

Шинель отбросить в сторону,—

жара!

Опять бежать, спешить.

Пахать пора!

Идти к домам,

к родным своим порогам,

Стрелять в фашистов,

помнить до конца:

Взята деревня!

Впереди дорога,

И вновь идти от милого крыльца.

Так мы освобождаем наше поле,

Родную пашню.

Дом.

Свою весну.

В атаку ходим, пахари,

на воле,

Чтоб жить,

Не быть у нечисти в плену.

А поле, где у нас хлеба росли,

Любой покос и пастбище любое,

Любой комок исхоженной земли,

Где мы себе бессмертье обрели,—

Теперь мы называем полем боя.

1942

КОЛЕ ОТРАДЕ

Я жалею девушку Полю.
Жалею
За любовь осторожную:
«Чтоб не в плену б!»
За:
«Мы мало знакомы,
не надо,
не смею...»
За ладонь,
отделившую губы от губ.
Вам казался он:
летом — слишком двадцатилетним,
Осенью —
рыжим, как листва на опушке,
Зимой, на морозе,
является в летнем,
А весною — были веснушки.
А когда он поднял автомат,—
вы слышите? —
Когда он вышел,
дерзкий,
такой, как в школе,
Вы на фронт
прислали ему платок вышитый,
Вышив:
«Моему Коле!»
У нас у всех
были платки поименные,
Но ведь мы не могли узнать
двадцатью зимами,
Что когда
на войну уходят
безнадежно влюбленные,—
Назад
приходят
любимыми.
Это все пустяки, Николай,
если б не плакали.
Но живые
никак представить не могут:

Как это, когда пулеметы такали,
Не жить? Не слушать тревогу?
Белым пятном на снегу
выделяться,
Руки не перележать и встать не силиться,
Не видеть, как чернильные пятна
повыступили на пальцах,
Не обрадоваться,
что веснушки сошли с лица?!
Я бы всем запретил охать.
Губы сжав — живи!
Плакать нельзя!
Не позволю в своем присутствии
плохо
Отзываться о жизни,
за которую гибли друзья.
Николай!
С каждым годом
он будет моложе меня,
заметней,
Постараются годы
мою беспечность стереть,
Он
останется
слишком двадцатилетним,
Слишком юным
для того, чтоб стареть.
И хотя я сам видел,
как выюжный ветер, воя,
Волосы рыжие
на кулаки наматывал,
Невозможно отвыкнуть
выискивать виноватого,
Как нельзя отказаться
от движения вместе с Землею.

Мы суровеем,
Друзьям улыбаемся сжатыми ртами,
Мы не пишем записок девочкам,
не поджидаем ответа...

Вырою щель у ворот,
Ночью,
вздвогнув,
тебя спрошу:
— Стой! Кто идет?!

Нет, не думай, что так приду.
В этой большой войне
Мы научились ломать беду,
Работать и жить
вдвойне.

Не так вернемся мы!
Если так,
То лучше не приходить.
Придем — работать,
курить табак,

В комнате начадить.
Не за благодарностью я бегу —
Благодарить лечу.
Все, что хотел, я сказал врагу.
Теперь работать хочу.
Не за утешением —

утешать.
Переступлю порог.
То, что я сделал,
к тебе спеша,
Не одолжение,
а долг.
Друзей увидеть,
в гостях побывать
И трудно
и жадно

жить.
Работать — в кузницу,
спать — в кровать,
Слова про любовь сложить.
В этом зареве ветровом
Выбор был небольшой,—

Но лучше прийти
с пустым рукавом,
Чем с пустой душой.

1945

СТАЛИНГРАДСКИЙ ТЕАТР

Здесь львы
стояли
у крыльца

Лет сто
Без перемен,
Как вдруг
кирпичная пыльца,
Отбитая дождем свинца,
Завьюжила у стен.

В фойе театра
шел бой.

Упал
левый
лев,
А правый
заслонил собой
Дверей высокий зев.
По ложам
лежа
немец бил
И слушал долгий звон;
Вмерзая в ледяной настил,
Лежать остался он.
На сцену —
за колосники,
Со сцены —
в первый ряд,
Прицеливаясь с руки,
Двинулся
наш
отряд.

К суфлерской будке
старшина

Припал
И бил во тьму.
И
история сама
Суфлировала ему.
Огнем поддерживая нас,
В боку зажимая боль,
Он без позы и без прикрас

Сыграл
 великую
 роль.
Я вспомнил об этом,
 взглянув вчера
На театр в коробке лесов.
Фанерную дверь его по вечерам
Сторож берет на засов.
Строители утром идут сюда,
Чтобы весной
Театр засиял,
 как никогда,
Красками и новизной.
Я шел
 и шел,
 и думал о тех,
Кому на сцене жить.
Какую правду
 и в слезы
 и в смех
Должны они вложить!
Какие волнения им нужны,
Какие нужны слова,
Чтоб после подвига старшины
Искусству
 вернуть
 права!

1946

МОИ ДРУЗЬЯ

Госпиталь.
Все в белом.
Стены пахнут сыроватым мелом.
Запеленав нас туго в одеяла
И подтрунив над тем, как мы малы,
Нагнувшись, воду по полу гоняла
Сестра.

А мы глядели на полы,
И нам в глаза влетела синева,
Вода, полы.

Кружилась голова.

Слова кружились:

— Друг, какое нынче?

Суббота?

— Вот, не вижу двадцать дней...—

Пол голубой в воде, а воздух дымчат.

— Послушай, друг...—

И все о ней, о ней.

Несли обед. И с ложки всех кормили.

А я уже сидел спиной к стене.

И капли щей на одеяле стыли.

Завидует танкист ослепший мне

И говорит

про то, как двадцать дней

Не видит. И

о ней, о ней, о ней...

— А вот сестра,

ты письма продиктуй ей!

— Она не сможет, друг,

тут сложность есть.

— Какая сложность? Ты о ней не думай...

— Вот ты бы взялся!

— Я?

— Ведь руки есть?!

— Я не смогу!

— Ты сможешь!

— Слов не знаю!

— Я дам слова!

— Я не любил...

— Люби!

Я научу тебя, припоминая...

Я взял перо.

А он сказал: — «Родная!» —

Я записал. Он:

— «Думай, что убит...» —

«Живу», — я написал. Он:

— «Ждать не надо...» —

А я, у правды всей на поводу,

Водил пером: «Дождись, моя награда...»

Он: — «Не вернусь...» —

А я: «Приду! Приду!»

Шли письма от нее. Он пел и плакал.
Письмо держал у просветленных глаз.
Теперь меня просила вся палата:

— Пиши! —

Их мог обидеть мой отказ.

— Пиши!

— Но ты же сам сумеешь, левой!

— Пиши!

— Но ты же видишь сам?!

— Пиши!..

Все в белом.

Стены пахнут сыроватым мелом.

Где это все? Ни звука. Ни души.

Друзья, где вы?..

Светает у причала.

Вот мой сосед дежурит у руля.

Все в памяти переберу с начала.

Друзей моих ведет ко мне земля.

Один мотор заводит на заставе,

Другой с утра пускает жернова.

А я?

А я молчать уже не вправе.

Порученные мне, горят слова.

— Пиши! — диктуют мне они.

Сквозная

Летит строка.

— Пиши о нас! Труби!..

— Я не смогу!

— Ты сможешь!

— Слов не знаю...

— Я дам слова!

Ты только жизнь люби!

1947

СЕРГЕЙ НАРОВЧАТОВ

ОБЛАКА КРИЧАТ

По земле поземкой жаркий чад.
Стонет небо, стон проходит небом!
Облака, как лебеди, кричат
Над сожженным хлебом.

Хлеб дотла, и все село дотла.
Горе? Нет... Какое ж это горе...
Полплетня осталось от села,
Полплетня на взгорье.

Облака кричат. Кричат весь день!..
И один под теми облаками
Я трясусь, трясусь, трясусь плетень
Черными руками.

1941

В ТЕ ГОДЫ

Я проходил, скрипя зубами, мимо
Сожженных сел, казненных городов,
По горестной, по русской, по родимой,
Завещанной от дедов и отцов.

Запоминал над деревнями пламя,
И ветер, разносивший жаркий прах,
И девушек, библейскими гвоздями
Распятых на райкомовских дверях.

И воронье кружилось без боязни,
И коршун рвал добычу на глазах,
И метил все бесчинства и все казни
Паучий извивающийся знак.

В своей печали древним песням равный,
Я сёла, словно летопись, листал
И в каждой бабе видел Ярославну,
Во всех ручьях Непрядву узнавал.

Крови своей, своим святыням верный,
Слова старинные я повторял, скорбя:
— Россия, мати! Свете мой безмерный,
Которой местью мстить мне за тебя?

1941

КОСТЕР

Прошло с тех пор немало дней,
С тех стародавних пор,
Когда мы встретились с тобой
Вблизи Саксонских гор,
Когда над Эльбой полыхал
Солдатский наш костер.

Хватало хвороста в ту ночь,
Сухой травы и дров,
Дрова мы вместе разожгли,
Солдаты двух полков,
Полков разноименных стран
И разных языков.

Неплохо было нам с тобой
Встречать тогда рассвет
И рассуждать под треск ветвей,
Что мы на сотни лет,
На сотни лет весь блый свет
Избавили от бед.

И наш костер светил в ночи
Светлей ночных светил,
Со всех пяти материков
Он людям виден был,
Его и дождь тогда не брал,
И ветер не гасил.

И тьма ночная, отступив,
Не смела спорить с ним,

И верил я, и верил ты,
Что он неугасим,
И это было, Джонни Смит,
Понятно нам двоим.

Но вот через столбцы газет
Косая тень скользит,
И снова застит белый свет,
И свету тьмой грозит.
Я рассекаю эту тень:
— Где ты, Джонни Смит?!

В уэльской шахте ли гремит
Гром твоей кирки,
Иль слышит сонный Бирмингам
Глухие каблуки,
Когда ты ночью без жилья
Бродишь вдоль реки?

Но уж в одном ручаюсь я,
Ручаюсь головой,
Что ни в одной из двух палат
Не слышен голос твой
И что в Париж тебя министр
Не захватил с собой.

Но я спрошу тебя в упор:
Как можешь ты молчать,
Как можешь верить в тишь, да гладь,
Да божью благодать,
Когда грозятся наш костер
Смести и растоптать?

Костер, что никогда не гас
В сердцах простых людей,
Не погасить, не разметать
Штыками патрулей,
С полос подкупленных газет,
С парламентских скамей.

Мы скажем это, Джонни Смит,
Товарищ давний мой,
От имени простых людей,
Большой семьи земной,

Всем тем, кто смеет нам грозить
Войной!

Мы скажем это, чтоб умолк
Вой продажных свор,
Чтоб ярче, чем в далекий день
Вблизи Саксонских гор,
Над целым миром полыхал
Бессмертный наш костер!

*Октябрь 1946 г.
Москва*

ВАСИЛИЙ ФЕДОРОВ

ДВЕ СТАЛИ

Их взяли
Тронутыми гарью
На поле, выжженном дотла.
Одна была немецкой сталью,
Другая русскою была.

Но сталевары
С равной честью,
Свою лишь взглядом отличив,
Две стали положили вместе
В огонь мартеновской печи.

Война!
Она и сталь калечит.
Мартен — как госпиталь, и в нем
Ее, изломанную, лечат,
Ей возвращают жизнь огнем.

Чужая сталь,
С ее виною,

С позорной метою креста,
Омытая целебным зноем,
Как наша,
Стала вдруг чиста.

Чиста,
Как в первое плавление,
Когда она перед войной
Еще ждала предназначенья
Стать трактором и бороной.

И потому
Не странно даже,
Что, становясь все горячей,
Она, чужая,
Вместе с нашей
Сливается в один ручей.

1943

ВАСИЛИЙ СУББОТИН

* * *

Бои, бои... Тяжелый шаг пехоты
На большаках, где шли вчера враги.
На бровку опершись, на переходе
Натягивает парень сапоги.

Простые, заглубевшие от жару,
Но крепкие — носить не износить.
Еще и тем хорошие, пожалуй,
Что по Берлину в них ему ходить.

1944

30 АПРЕЛЯ 1945 ГОДА

Провал окна. Легла на мостовую
Тень, что копилась долго во дворе.
Поставлены орудья на прямую,
И вздрагивает дом на пустыре...

Завален плац обломками и шлаком,
Повисли рваных проводов концы.
На этот раз в последнюю атаку
Из темных окон прыгают бойцы.

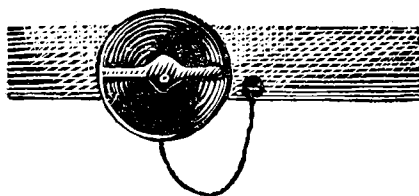
1945

БРАНДЕНБУРГСКИЕ ВОРОТА

Не гремит колесница войны.
Что же вы не ушли от погони,
На верху бранденбургской стены
Боевые немецкие кони?

Вот и арка. Проходим под ней,
Суд свершив справедливый и строгий.
У надменных державных коней
Перебиты железные ноги.

1945—1946

СЕРГЕЙ СМИРНОВ

ШИПОВНИК

У пыльной военной дороги
Мы сделали краткий привал.
Горели усталые ноги.
В кустах соловей бушевал.

Мы сердцем ему подпевали
В минуту блаженную ту.
И я увидел на привале
Шиповник — в росе и цвету.

Войны беспощадная сила,
Как видно, в последнем бою
Все корни ему подкосила,
Замяла в свою колею.

Но, словно назло этой силе,
Шиповник поднялся с земли,
Зацвел, отряхнулся от пыли,
Чтоб все это видеть могли...

...Когда мне действительно тяжело
В недоброй чужой стороне,
Когда прилипает рубашка
К усталым плечам и спине,—
За дымом,
За пылью летучей,
За далью, во всю широту
Я вижу
Упрямый, колющий
Шиповник в росе и цвету!

1945

ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА

Тревога!
В эту же минуту
Я вещевой мешок беру.
А он тяжелый почему-то,
И это явно не к добру.

С таким мешком не будет толку.
Давно ли речь у нас была,
Что даже лишняя иголка
И та в походе тяжела.

Мешок — скорее наизнанку.
Мое добро передо мной:
Вот полотенце,
Вот портянки,
Платочек девушки одной,
Коробка с бритвой безопасной,
Сухой паек на самом дне
Да котелок, как месяц ясный...
Такие вещи

кстати мне!

Но рядом —
Старые обмотки,
Брусok, тяжелый, как броня,
Трофейный штык,
Ремень короткий...
Зачем все это для меня?
За миг до нового похода
Я вспоминаю путь былой.
И... все излишки обихода
Скорее — из мешка долой!

Не так ли следует поэтам
Свои просматривать сердца,
И разговор по всем предметам
Вести
от первого лица!

Хранить лишь то,
Что сердцу свято,
Чтоб песня выглядела так,
Как вещевой мешок солдата
В часы походов и атак!

1945

БОРИС СЛУЦКИЙ

КЕЛЬНСКАЯ ЯМА

Нас было семьдесят тысяч пленных
В большом овраге с крутыми краями.
Лежим

 безмолвно и дерзновенно,
Мрем с голодухи
 в Кёльской яме.

Над краем оврага утоптана площадь —
До самого края спускается криво.
Раз в день

 на площадь
 выводят лошадь,
Живую
 сталкивают с обрыва.

Пока она свергается в яму,
Пока ее делим на доли
 неравно,
Пока по конине молотим зубами,—
О бюргеры Кёльна,
 да будет вам срамно!

О граждане Кёльна, как же так?
Вы, трезвые, честные, где же вы были,
Когда, зеленее, чем медный пятак,
Мы в Кёльской яме
 с голоду выли?

Собрав свои последние силы,
Мы выскребли надпись на стенке отвесной,
Короткую надпись над нашей могилой —
Письмо
 солдату Страны Советской.

Но птичьих не слышится голосов —
Примолкли все голоса.
Это — солдаты усталые спят,
Крича сквозь сон

невест имена.

Но уже едет кормить солдат
На кухне верхом

старшина.

Рассвет.

Два с половиной часа
Мира. И нет войны.

И каплет медленная роса —
Слезы из глаз тишины.

Рассвет. По высям облачных гор
Лезет солнце,

все в рыжих лучах,

Тихое,

как усталый сапер,

С тяжким грузом огня

на плечах.

Рассвет. И видит во сне сержант:

Гитлер! Вот он, к стене прижат!

Залп. Гитлер падает у стены.

(Утром самые сладкие сны.)

Рассвет — это значит:

раз — свет!

Два — свет!

Три — свет!

Бо имя света для всей земли

По темноте — пли!

Солнце!

Всеми лучами грянь!

Ветер!

Всеми лучами грянь!

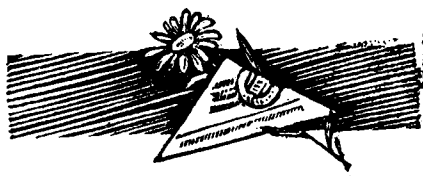
Ветер!

Суши росу!

...Ах, какая бывает рань

В прифронтовом лесу!

1945

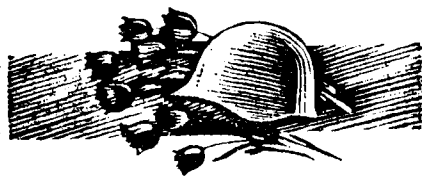

АЛЕКСАНДР РЕШЕТОВ

* * *

Огонь войны не сжег в душе, не выжег
Ни нежных чувств,
Ни дорогих имен.
Как темен путь!
Вот орудийных вспышек
Мгновенным блеском озарился он.
И в этот миг, взнесенные высоко,
Предстали этажи передо мной
И глянули ряды дрожащих окон
С огромных стен, израненных войной.
Рванулось сердце,
Словно ждало знака.
Но мы в строю —
И все, что мне дано:
Из тысяч окон, глянувших из мрака,
Лишь различить заветное окно
И прошагать в ночи осенней мимо,
Во имя встреч благословляя ту,
Что, может, в этот час,
Тоской томима,
В грохочущую смотрит темноту.

1942

ЛЕОНИД РЕШЕТНИКОВ

НОЧНАЯ АТАКА

Прожектор, холодный и резкий,
Как меч, извлеченный из тьмы,
Сверкнул над чертой перелеска,
Помедлил и пал на холмы.

И в свете его обнаженном,
В сиянии дымном, вдали,
Лежали молчащие склоны
По краю покатой земли.

Сверкая росой нестерпимо,
Белесая, будто мертва,
За еле струящимся дымом
Недвижно стояла трава.

Вся ночь, притаившись, молчала.
Еще не настала пора.
И вдруг вдалеке зазвучало
Протяжно и тихо: «Ура-а-а!»

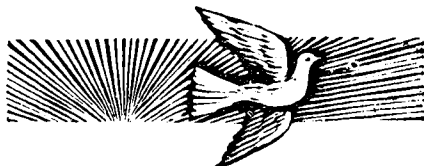
Как будто за сопкою дальней
Вдруг кто-то большой застонал,
И звук тот, глухой и печальный,
До слуха едва долетал.

Но ближе, все ближе по полю
Катился он. И, как игла,
Щемящая ниточка боли
Сквозь сердце внезапно прошла...

Но рядом — с хрипеньем и хрустом —
Бежали, дыша горячо,
И сам я летел через бруствер,
Вперед выдвигая плечо.

Качалась земля под ногами.
Моталась луна меж голов.
Да билось, пульсируя, пламя
На выходах черных стволов.

1959

НИКОЛАЙ ПАНОВ

ДОМ СТАРШИНЫ

После трудного боя достался матросам
Этот каменный полуразрушенный дом,
Что стоял у дороги, над самым откосом,
Озаренный огнем, на пригорке крутом.

С подоконника вражеский автоматчик
Мертвым рухнул на камни. Пришла тишина...
И снаружи, гранату за пазуху пряча,
В едкий комнатный дым ворвался старшина.

Возле детской кроватки игрушки стояли,
Опрокинулся плюшевый желтый медведь...
И в распахнутом взрывом крылатом рояле
Золотилась широкая струнная медь.

Старшина озирался — в надвинутой каске,
В полушубке бараньем, высокий, прямой,
От снегов Заполярья, предгорий кавказских
По дорогам войны он вернулся домой!

Он вернулся домой... Стены были, как в тире,
В пулевых отпечатках... Скрипело стекло...
Сколько времени не был он в этой квартире!
Сколько дней, как расстался он с ней, истекло!

Он любил говорить: «Вот добудем победу,
Мир подпишем, винтовки держа на весу,
И домой я к жене и к мальчонке приеду,
И хороших подарков семье навезу».

Но когда прочитал он короткую сводку,
Что враги подступили к родимым местам,
Отправляясь на юг, покидая подлодку,
Он совсем говорить о семье перестал.

С автоматом, на серых камнях у Моздока,
Поджидал он часами — и немцу каюк...
А потом мы рванулись на запад с востока,
Проходя опаленный, дымящийся юг.

Шли на запад морская пехота и танки.
Старшина не смотрел на счастливых людей,
Только будто от тайной мучительной ранки
Становился лицом все мрачней и худей.

И теперь вот — прострелены стены, как в тире,
И от крови врага подоконник намок...
Он стоял в разоренной, холодной квартире
И еще в свое горе поверить не мог.

Он буфет распахнул... Опустелые полки...
Он вдоль выбитых окон к столу пробежал.
На столе, на полу, где посуды осколки,
Лишь следы разоренья, следы грабежа.

Что искал он в вещах этих, некогда близких?
Что надеялся здесь увидеть старшина?
Неужели двух строчек, короткой записки
Не могла на прощанье оставить жена?

Краснофлотцы входили, стараясь не топтать,—
В блеске ближних пожаров, в мерцанье ракет.
И, с лица вытирая тяжелую копоть,
Кто-то вдруг наклонился, взглянув на паркет.

Из-под шкафа чуть видно бумажка торчала.
Старшине передали ее моряки.
Старшина посмотрел и не понял сначала
Торопливых каракулей детской руки.

Сын писал: «Угоняют в Германию, папа.
Мы не плачем. Мы ждем — ты придешь нам
помочь».

...По широким ступеням парадного трапа
Мы спускались гурьбой в озаренную ночь.

Старшина отошел, успокоиться сился.
Загremели гранаты на черном ремне.
Только щеки небритые перекосились...
И таким навсегда он запомнился мне.

Он смотрел на письмо неотрывно и странно,
И казалось, плывет под погами земля.
И сказал чернобровый сигнальщик с «Тумана»,
С легендарного северного корабля:

— То, что мы увидали, товарищи, с вами,
Это горькое горе за сердце берет.
Невозможно помочь никакими словами,
Так поможем делами! На запад, вперед!

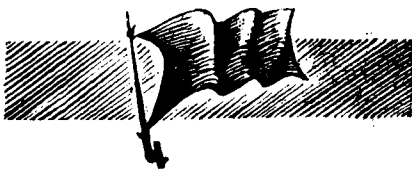
Чтоб о нашем походе слагалась былина,
Чтобы песни звенели о нем в вышине...
Если нужно, матросы, рванем до Берлина,
Но клянемся семью возвратить старшине!

И вошли мы в Берлин через битвы и муки,
Сквозь огонь, через смерть, на немолкнущий
зов,

И сомкнулись детей исхудалые руки
На обветренных шеях суровых отцов.

Всех врагов красноезвездная сила сломила,
Разгромила оплот угнетенья и зла —
То Советская Армия, армия мира,
Человечеству новую жизнь принесла.

*1943—1945
Северный флот*

ГЛЕБ ПАГИРЕВ

* * *

Остановясь на полуслове,
Встаю, бросаю карандаш.
Горит родное Подмосковье,
Гудит от выстрелов блиндаж.

Ну что, поэт? Бери гранаты,
Тяни латунное кольцо!
По фронту хлещут автоматы,
Песок и снег летят в лицо.

Умри, но стой! Назад ни шагу:
Ты эту землю не отдашь.
Здесь ценят стойкость и отвагу,
Здесь штык нужней, чем карандаш.

Забудь пристрастие к многословью,
К строке, что лирик сочинил.
Сегодня люди пишут кровью
За неимением чернил...

Земля, седая от мороза,
Окопы, надолбы, штыки.
Война, война — святая проза
И позабытые стихи.

НА ПЕПЕЛИЩЕ

Среди тряпья, немецких касок, ям
Здесь, у крыльца, валялось под ногами
Льняное полотенце, по краям
Расшитое большими петухами.

Веселое творенье женских рук:
Два петуха — косые гребни, шпоры
Они трубили зорю, а вокруг
Все заплели цветы, легли узоры.

Но полотенце было вмято в грязь,
И петухи убиты каблуками,
Они, последним криком подавясь,
Лежали с незакрывшимися ртами,

А в доме — тихо, пусто и темно,
Рассыпанные по полу патроны,
Заложенное бревнами окно
И на стене безликие иконы.

Я обошел с товарищами дом
По гильзам, черепкам и ржавой жести
И полотенце, подцепив штыком,
Повесил на крыльцо на видном месте..

В какой-то день, в деревню возвратясь,
Свое жилище женщина узнает
И полотенце, брошенное в грязь,
Колодезной водою отстирает.

Повесит вновь его под образа,
И хоть вокруг все голо, незнакомо,
Впервые вытрет насухо глаза
И наконец поймет, что снова — дома.

ВАСИЛИЙ ЖУРАВЛЕВ

* * *

Впереди леса еловые,
темно-синие, лиловые,
Нара-река,
Протва-река,
свинцовые облака.

Хлопьями падает снег
в полосе
Варшавского шоссе,
И низенькие ельнички
оделись в шубки беличьи.

В снежном окопе
лежит солдат.
Две гранаты и автомат.
Впереди —
дом, разбитый войной,
и Москва за спиной...

1941

СЕРГЕЙ ОСТРОВОЙ

БРАТЬЯ

Еще минувшей ночью берега,
Трясаясь от орудийной канонады,
Как два смертельных, яростных врага,
На грозный бой сходились без пощады.

А поутру, когда был кончен бой,
Когда мелькали вспышки издалека,
В рассветный час, над гладью голубой,
Зашелестела мирная осока.

Прошли саперы. Сваи поднялись.
Легла в сосновых стружках переправа.
И берега, как братья, обнялись:
Спокойно. Нерушимо. Величаво.

1943

ПЕЙЗАЖ

Лес в осенних подпалинах.
Лист, несущийся прочь.
В травах, наземь поваленных,
Ветер свищет всю ночь.

Ни домов. Ни околицы.
Даль глухая темна.
Где-то выстрел расколется —
И опять тишина.

Бродят шелесты. Шорохи.
Что-то шепчут ручьи.
Пожелтевшие ворохи
Разметались в ночи.

Одиноко, из милости,
Тусклый месяц блестит.
Тянет запахом сырости
От намокших раkit.

Утро. Пни разворочены.
Зябкий дождь моросит.
И в кустах, у обочины,
Мертвый недруг лежит.

1943

ЮРИЙ МЕЛЬНИКОВ

МЫ УХОДИЛИ ПРИЗЫВАТЬСЯ..

В ту осень на лугу широком,
Там, где течет река Москва,
Поблекла у дорог до срока
Войной помятая трава.

Зерно неубранное мокло,
И все сильнее день ото дня
У нас в избе дрожали стекла
От орудийного огня.

...В разрезах небо под Москвою.
Замаскирован в окнах свет.
Все ближе,
ближе грохот боя,
А нам повесток нет и нет.

Остановились эшелоны,
В вагонах рвется динамит...
Узнали мы от почтальона,
Что наш военкомат разбит.

А нам уже по восемнадцать,
И нас четырнадцать ребят...
Мы уходили призываться
В соседний райвоенкомат.

Нам на прощанье рук не жали
Подруги наши в эти дни.
Окопы для солдат копали
У Дубосекова они.
И нас отцы не провожали,
А только матери одни.

НИКОЛАЙ БУКИН

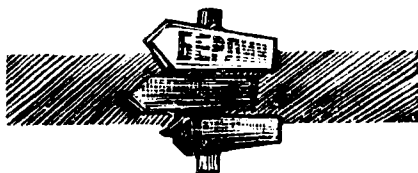
ПРОЩАЙТЕ, СКАЛИСТЫЕ ГОРЫ

Прощайте, скалистые горы,
На подвиг Отчизна зовет,
Мы вышли в открытое море,
В суровый и дальний поход.
А волны и стонут, и плачут,
И плещут на борт корабля.
Растаял в далеком тумане Рыбачий —
Родимая наша земля.

Корабль мой упрямо качает
Крутая морская волна,
Поднимет и снова бросает
В кипящую бездну она.
Обратно вернусь я не скоро,
Но хватит для битвы огня.
Я знаю, друзья, что не жить мне без
моря,
Как море мертво без меня.

Нелегкой походкой матросской
 Иду я навстречу врагам,
 А после с победой геройской
 К скалистым вернусь берегам.
 Хоть волны и стонут, и плачут,
 И плещут на борт корабля,
 Но радостно встретит героев Рыбачий —
 Родимая наша земля.

1944

КАЙСЫН КУЛИЕВ

(С балкарского)

ЛИРИЧЕСКИЕ ЗАПИСИ

Война велика, бесконечны поля,
 Дороги, как старые песни, длинные,
 И ходит беда, и тоскует земля,
 И воет волчицею ветер войны.

Быть может, по этим дорогам глухим
 К тебе суждено мне вернуться, любя.
 А если не мне, так хоть песням моим,
 Я верю, придется дойти до тебя.

1941

Перевод В. Звягинцевой

• • •

Тот, кто говорит, что на войне
 Забывает про любовь свою,
 Говорит неправду. Ясно мне:
 Никогда он не бывал в бою.

1941

Перевод В. Звягинцевой

ВИКТОР ГОНЧАРОВ

* * *

Мне ворон черный смерти не пророчил,
Но ночь была,
И я упал в бою.
Свинцовых пуль трассирующий росчерк
Окончил биографию мою.
Сквозь грудь прошли
Расплавленные пули.
Последний стон зажав тисками skulls,
Я чувствовал, как веки затянули
Открытую солдатскую тоску,
И как закат, отброшенный за хаты,
Швырнул в глаза кровавые круги,
И как с меня угрюмые солдаты
Неосторожно сняли сапоги...
Но я друзей не оскорбил упреком.
Мне все равно. Мне не топтать дорог.
А им — вперед. А им в бою жестоком
Не обойтись без кирзовых сапог.

1944

* * *

Я скажу, мы не напрасно жили,
В пене стружек, в пыли кирпича,
Наспех стеганки и бескозырки шили,
Из консервных банок пили чай.
Кто скрывает, было очень туго,
Но мечтами каждый был богат.
Мы умели понимать друг друга,
С полувзгляда узнавать врага.
Свист осколков, волчий вой метели,
Амбразур холодные зрачки...

Время! Вместе с нами бронзовели
Наши комсомольские значки.
Да, когда нас встретит новый ветер
Поколений выросших, других,—
Я скажу, что мы на этом свете
Не напрасно били сапоги!

1949

ЕВГЕНИЙ ВИНОКУРОВ

* * *

Я эти песни написал не сразу.
Я с ними по осенней мерзлоте,
С пеначатыми,
 по-пластунски лазал
Сквозь черные поля на животе.

Мне эти темы подсказали ноги,
Уставшие в походах от дорог.
Добытые с тяжелым потом строки
Я, как себя, от смерти не берег.

Их ритм простой мне был напет метелью,
Задувшею костер,
 и в полночь ту
Я песни грел у сердца, под шинелью,
Одной огромной верой в теплоту.

Они бывали в деле и меж делом
Всегда со мной, как кровь моя, как плоть.
Я эти песни выдумал всем телом,
Решившим все невзгоды побороть.

1945

• • •

В полях за Вислой сонной
Лежат в земле сырой
Сережка с Малой Бронной
И Витька с Моховой.

А где-то в людном мире,
Который год подряд,
Одни в пустой квартире,
Их матери не спят.

Свет лампы воспаленной
Мылает над Москвой
В окне на Малой Бронной,
В окне на Моховой.

Друзьям не встать. В округе
Без них идет кино.
Девчонки, их подруги,
Все замужем давно.

Пылает свод бездонный,
И ночь шумит листвою
Над тихой Малой Бронной,
Над тихой Моховой.

1963

• • •

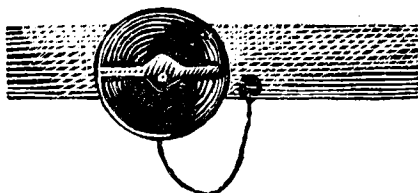
В семнадцать лет я не гулял по паркам,
В семнадцать лет на танцах не кружил,
В семнадцать лет сигарочным огарком
Я больше, чем любовью, дорожил.

В семнадцать лет с измызганным обмотком
Я шел; и бил мне в спину котелок.
И песня измерялась не в куплетах,
А в километрах пройденных дорог.

...А я бы мог быть нежен, смел и кроток,
Чтоб губы в губы, чтоб хрустел плетены!..

В семнадцать лет с измызганных обмоток
Мой начинался и кончался день.

1952

ВАДИМ ШЕФНЕР

ЗЕРКАЛО

Как бы ударом страшного тарана
Здесь половина дома снесена,
И в облаках морозного тумана
Обугленная висит стена.

Еще обои порванные помнят
О прежней жизни, мирной и простой,
Но двери всех обрушившихся комнат,
Раскрытые, висят над пустотой.

И пусть я все забуду остальное —
Мне не забыть, как, на ветру дрожа,
Висит над бездной зеркало стенное
На высоте шестого этажа.

Оно каким-то чудом не разбилось.
Убиты люди, стены сметены —
Оно висит, судьбы слепая милость,
Над пропастью печали и войны.

Свидетель довоенного уюта,
На сыростью изъеденной стене
Тепло дыхания и улыбку чью-то
Оно хранит в стеклянной глубине.

Куда ж она, неведомая, делась,
И по дорогам странствует каким
Та девушка, что в глубь его гляделась
И косы заплетала перед ним?

Быть может, это зеркало видало
Ее последний миг, когда ее
Хаос обломков камня и металла,
Обрушась вниз, швырнул в небытие.

Теперь в него и день и ночь глядится
Лицо ожесточенное войны.
В нем орудийных выстрелов зарницы
И зарева тревожные видны.

Его теперь ночная душит сырость,
Спят пожары дымом и огнем.
Но все пройдет.
И что бы ни случилось —
Враг никогда не отразится в нем!

Не зря в стекле тускнеющем и зыбком
Таится жизнь.
Не зря висит оно:
Еще цветам и радостным улыбкам
Не раз в нем выразиться суждено!

1942

СЕМАФОР

На станции сойдя прифронтовой,
Иной дороги к западу нищи ты;
За семафором путь порос травой
И рельсы тусклой ржавчиной покрыты.

Недалеко отсюда враг залег, —
Здесь лес шумит встревоженно и дико.
Как выпавший из топки уголек,
Горит на шпалах алая гвоздика.

Почти двенадцать месяцев прошло
Со дня, когда кольцо блокады сжалось,

И семафора белое крыло
Ни разу с той поры не подымалось.

Боец! Суров и труден путь войны,
Невмоготу бывает временами,—
Но все от нас зависит. Мы вольны
Сполна вернуть утраченное нами.

И знай, идя в кровопролитный бой
Сквозь загражденья, выстрелы и взрывы,—
Не только за тобой — и пред тобой
Твоя земля, твои леса и нивы.

Будь стоек в обороне и в бою,
Врага к последней пропасти толкая.
Пусть ты не здешний, но в твоём краю
Есть тоже, может, станция такая.

Мы победим! Борись за день, когда
Падут враги... Тогда на запад снова
Пойдут по расписанию поезда
И ржавчина сойдет с пути стального.

Тогда пороховой осядет дым,
И расточится полутьма седая,
И семафор взмахнет крылом своим,
Как птицы машут, клетку покидая.

1942

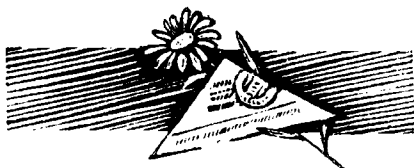
ВЛАДИМИР ТУРКИН

В ОКОПЕ

В песке лицо. Лопатка. Я.
И никого живого кроме.
Но вижу, как на муравья
С виска упала капля крови.

Солдаты мстят. А я — солдат.
И если я до мести дожил,
Мне нужно двигаться. Я должен.
За мной убитые следят.

1944

ЕВГЕНИЙ ДОЛМАТОВСКИЙ

УКРАИНЕ МОЕЙ

Украина, Украина, Украйна,
Дорогая моя!
Ты разграблена, ты украдена,
Не слышать соловья.

Я увидел тебя распятою
На немецком штыке
И прошел равниной покатою,
Как слеза по щеке.

В торбе путника столько горести
Нелегко пронести.
Даже землю озябшей горстью я
Забирал по пути.

И леса твои, и поля твои —
Все забрал бы с собой!
Я бодрил себя смертной клятвой —
Снова вырваться в бой.

Ты лечила мне раны ласково,
Укрывала, когда,
Гусеничною сталью лязгая,
Подступала беда.

Все ж я вырвался, вышел с запада
К нашим, к штабу полка,
Весь пропитанный легким запахом
Твоего молока.

Жди теперь моего возвращения,
Бей в затылок врага.
Сила ярости, сила мщения,
Как любовь, дорога.

Наша армия скоро ринется
В свой обратный маршрут.
Виджу — конница входит в Винницу.
В Киев танки идут,

Мчатся лавою под Полтавою
Громы наших атак.
Наше дело святое, правое.
Будет так. Будет так.

1941

РЕГУЛИРОВЩИЦА

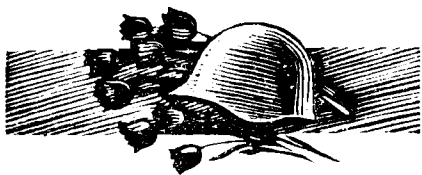
На перекресток из-за рощицы
Колонна выползет большая.
Мадонна и регулировщица
Стоят, друг другу не мешая.

Шофер грузовика тяжелого,
Не спавший пять ночей, быть может,
Усталую поднимет голову
И руку к козырьку приложит.

И вдруг навек ему запомнится,
Как сон, как взмах флажка короткий,
Автодорожная законница
С кудряшками из-под пилотки.

И, затаив тоску заветную,
Не женщине каменнолицей —
Той загорелой, той обветренной,
Наверно, будет он молиться.

1944

СЕРГЕЙ АЛЫМОВ

ВАСЯ-ВАСИЛЕК

— Что ты, Вася, приуныл,
Голову повесил,
Ясны очи замутил,
Хмуришься, невесел?
С прибауткой-шуткой в бой
Хаживал, дружок,
Что случилось вдруг с тобой,
Вася-Василечек?

Не к лицу бойцу кручина,
Места горю не давай.
Если даже есть причина —
Никогда не унывай.

— Бить врага — вопрос другой —
С шуткой веселее,
Нет письма от дорогой —
Думушки темнее.
Письмеца недель пяток
Почта не приносит,
Понимаешь ли, браток,
Сердце ласки просит...

Не к лицу бойцу кручина,
Места горю не давай.
Если даже есть причина —
Никогда не унывай.

— Что ж ты, Вася, друг большой,
Зря себя так мучишь?
Если любит всей душой,
Весточку получишь.
Не захочет написать —
Значит, позабыла,

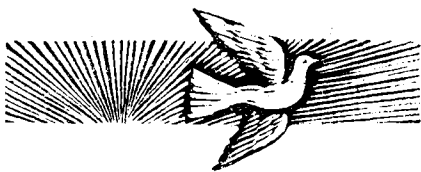
Значит, надо понимать,
Вовсе не любила.

Не к лицу бойцу кручина,
Места горю не давай.
Если даже есть причина —
Никогда не унывай.

Прижимай к плечу плечо —
Дружба остается.
Если сердце горячо —
Девушка найдется.
Нынче больно — не тужи,
Завтра твой денечек,
Выше голову держи,
Вася-Василечек!

Не к лицу бойцу кручина,
Места горю не давай.
Если даже есть причина —
Никогда не унывай.

1942

ПЕТР КОМАРОВ

АЭРОГРАД

Сосну на диком пустыре
Да три палатки на увале
Мы не напрасно в сентябре
Аэроградом называли.

Обозначая первый шаг
И первый час Аэрограда,
К сосне прибила красный флаг
Рабочих первая бригада.

Он был началом всех начал,
Напоминал о нашей славе,
Недосыпали по ночам,
Как на передовой заставе.

А если кто вздремнет, пока
Не подоспел бригадный ужин,—
За неимением гудка
Он будет птицами разбужен.

Сама земля за нас была,
Сама тайга с ее величием
Нас подгоняла, и звала,
И торопила криком птичьим.

Нам было мешкать не резон,
Пока враги в краю родимом,
Пока зеленый горизонт
Еще объят огнем и дымом.

За полотняным городком
Мы воздвигали кровли цеха,
И скоро утренним гудком
Встречало нас лесное эхо.

Деревья рушились, и вот —
Ни пустыря, ни сосен старых.
Стоят, готовые в полет,
Бомбардировщики в ангарах.

Уже сегодня над тобой
Они прошли в строю орлином.
Аэроград выходит в бой
С надменным городом Берлином!..

Нет, не напрасно в сентябре
Аэроградом называли
Мы три палатки на увале,
Сосну на диком пустыре...

1942

СУНГАРИЙСКИЕ БОЛОТА

Ты в них поглядел из окна самолета,
И ты не увидел привычной земли:
Глухие разводья, протоки, болота,
Озера и топи лежали вдали.

Там чахлые травы шептались и дрогли,
И плакали чибисы, злясь на судьбу,
И серая цапля, как иероглиф,
Стояла, должно быть, с лягушкой в зобу.

Бездонные топи. Озера. Болота.
Зеленая, желтая, рыжая мгла.
Здесь даже лететь никому неохота,—
А как же пехота все это прошла?..

1945

ВЛАДИМИР КАРПЕКО

ПОСЛЕ РАЗВЕДКИ

Жизнь у разведчика,
Как, впрочем, у всех,
Одна лишь...
но прежде
(Остальное потом),
Но сначала,—
Чтоб ничего не бренчало,—
Проверить карманы одежды
И тщательно уложить
Запасы.
Ибо в этих
Маленьких штучках
Из красной меди

Душа динамита
Заклочена.
Без нее
Молчит динамит,
И слова без нее —
На ветер.
Без нее
И песне
И динамиту —
Грош цена.
Мы не даром запалы
Кладем на место на то,
Где лежал партбилет.
Уходя, мы парторгу
Сдаем партбилеты,
И в разведку
Уходит уже «никто»,
Потому что порой...
Но опять-таки —
После об этом.
Хорошо, когда выюга
Глушит шорох лыж.
Хорошо, когда выюга
Лыжную замедает за нами.
Хорошо,
Когда налегке скользяшь,
Только груз
Ответственности
За плечами.
Хорошо на обратном пути
Ускользать буераком узким,
И — зарево взрыва сзади,
И — лепечет растерянно пулемет.
Хорошо, когда наконец
Окликают тебя по-русски:
— Стой, кто идет?! —
Только тут вспоминаешь:
«А жизнь ведь одна
У нас-то!»
Только тут услышишь,
Как осторожно лыжи
Все громче высвистывают,
Проскальзывая по насту:

«Выжил,
выжил,
выжил!..»

*Декабрь 1944 г.
3-й Прибалтийский фронт*

2 МАЯ 1945 ГОДА В БЕРЛИНЕ

Еще невнятна тишина,
Еще в патронниках патроны,
И по привычке старшина
Бежит, пригнувшись, к батальону.

Еще косится автомат
На окон черные провалы,
Еще «цивильные» дрожат
И не выходят из подвалов.

И, тишиною потрясен,
Солдат, открывший миру двери,
Не верит в день, в который он
Четыре долгих года верил.

1945

МУСТАЙ ҚАРИМ

(С башкирского)

ДОЖДЬ

Мальчишка без шапки бежал под дождем,
Смеясь, крутя головой.
«Вырасту», — думал. И дальше бежал
Вровень с плакун-травой.

Он вырос. Летний дождь никогда
Помехой не был в труде,—
С распахнутым воротом он стоял
Без шапки на борозде.

В годы засухи вместе с землей
Он жаждал испить дождя:
Каждое облачко он хотел
Жадно вдохнуть в себя.

Вот и сегодня землю с утра
Небо поит дождем;
Дышат поля, мокнет земля,
Ивы шумят над прудом.

.

Но нынче воин дождю не рад.
Дьявольская беда!
Насквозь промокла его шинель,
По пояс в окопе вода.

Солдат впервые за много лет
Выругал дождь вслух:
— Заштопать бы чертову в небе дыру!—
Но дождь проливной глух.

Вдруг треснула туча, и молний блеск
Прорезал небо над ним.
Солдату почудилось: свет такой
Он видел над полем родным.

Ему показалось: от струй дождя
На Белой волна дрожит,
А сын Ильгиз, как в детстве отец,
Сквозь дождь босиком бежит.

«Дома побыть бы! — подумал он.
А дождь по брустверу бьет.
Мокрой шинелью накрылся солдат:—
К лучшему! Пусть идет».

1943

Перевод А. Недогонова

УКРАИНЕ

О Украина! Ветви наклона,
Вся в яблонях, плывет твоя долина.
Сапер открыл траншею для меня,
Твои цветы засыпав, Украина!

Нет, не тиха украинская ночь!
Она дрожит, она к земле припала.
Я так спешил, чтоб яблоням помочь...
Трясется сад от пушечного шквала.

И чудится, что яблоня ко мне
Метнулась от пылающего тына,
К траншее руки протянув в огне,
Как девушка, чье имя Катерина.

Не блещут звезды. Воздух режет свист.
Прозрачно небо? Нет, оно незряче!
А на лицо мое скатился лист,
Упал слезою девичьей, горячей.

Довольно слез! Меня послал Урал,
Чтоб ты утерла слезы, Катерина.
Я под Уфою землю целовал,
Чтоб ты цвела, как прежде, Украина!

Чтоб яблоки склонялись на цветы,
Над нашей перепаханной траншеей,
И только ты срывала, только ты
Срывала их, от счастья хорошея;

И помнила о братьях, что помочь
Пришли тебе, и снова, в море хлеба,
Была тиха украинская ночь,
Спокойны звезды и прозрачно небо.

1943

Перевод М. Максимова

ВАСИЛИЙ ЗАХАРЧЕНКО

МОСТ

Он над водой упругим телом зверя
Раскинулся в стремительном прыжке.
Я подошел к нему, еще не веря,
Что смерть его сжимаю в кулаке.
Мы двадцать лет учились созидать,
По кирпичу, по капле счастье множить,
Чтобы сегодня все это опять
Прикосновеньем спички уничтожить!
В нем сто ночей моих недосыпаний,
В нем весь напор, таившийся в крови.
И улицы невыстроенных зданий,
И время, отнятое у любви.
Да, я любил его...

Вот так подходишь к сыну,
Которого ты создал и взрастил...
Я сам последнюю поставил мину
И шнур последней спичкой запалил.
И видел я, как над водой взлетело
Огнем исполованное тело.
Там, за рекой, лежал любимый город,
И молодость, и материнский дом.
И я клянусь:

Мы возвратимся скоро!
Мы вновь как победители придем!
Мы все вернем, оставленное нами,
Заставим петь любимые места...
И над водой раскинется, как знамя,
Литая тень висячего моста!..

Октябрь 1941 г.

СЕРГЕЙ ВАСИЛЬЕВ

ПОЛЕ РУССКОЙ СЛАВЫ

Медленно и бережно ступая,
мы идем под небом голубым,
в полевых ромашках утопая,
вежливо дорогу уступая
синим колокольчикам степным.
Любо здесь увидеть стаи птичьи
и не видеть дым пороховой.
Вот оно во всем своем величье,
поле нашей славы боевой.
Вот оно простерлось перед нами.
Встань к нему, родимому, лицом,
полюбуйся пышными цветами,
политыми кровью и свинцом.
Все, что было выжжено и смято,
заново оделось в зелена.

Но хранит земля

торжественно и свято
страшный стон железа и огня.
Кажется, пригнись к земле холодной,
чутким ухом ближе припади —
и услышишь звук трубы походной
у пригорка тихого в груди.
Это здесь, под хмурым небом бранным,
шел туляк на смертный бой с врагом,
пробивая путь четырехгранным
кованым карающим штыком.
Это здесь в неистовом разгоне
на роскошных седлах расписных
в бой несли каурой масти кони
забубенных всадников допских.
Это здесь, на голубом просторе,
на виду у меркнувшей зари
разливали огненное море
яростные наши пушкари.

Это здесь, на этом самом месте,
не ходивший к страху на поклон,
испытав всю жгучесть нашей мести,
содрогнулся сам Наполеон.
Поле брани! Поле русской славы!
Это здесь, черней горелых пней,
полегли фашистские оравы
под огнем советских батарей.
Русский воин!

Разве ты в неволе
можешь быть, пока ты сердцем жив?
Разве ты минуешь это поле,
гордой головы не обнажив?
Разве вдохновенно и сурово
слово клятвы вслух не повторишь?
Разве боевое это слово
в славные дела не воплотишь?
Где б ты ни был, честный русский воин,
помни: о тебе гремит молва.
Будь всегда носить в крови достоин
гневный жар великого родства.
Бейся в схватках равных и неравных
до конца! Плати врагу сполна!
Помни, что ты правнук и праправнук
доблестных солдат Бородина.

1942

ЗЕМЛЯКАМ-СИБИРЯКАМ

Я вас славлю за геройство,
за умение воевать,
за решительное свойство
никогда не унывать;
за обычай рвать с размаха
вьюги огненной кольцо
и всегда глядеть без страха
смерти бешеной в лицо;
за любовь к своей винтовке,
за привычку к зимовью,
за ухватку, за споровку,
за находчивость в бою;

за искусство видеть зверя
в глубине лесных берлог,
за умение твердо верить
в свой охотничий зарок;
за упрямый норов ловчий,
перешедший в мастерство,
за особый говор певчий
с ударением на «о».
Я вас славлю за единство,
за пленительный, простой,
братский дух гостеприимства,
за характер золотой;
за выносливость, которой
нет преград и нет застав,
за могучий рост матерый,
за крутой гвардейский нрав;
за испытанный, таежный,
с детства выверенный слух,
за хозяйственный, надежный
ум, который лучше двух.
Славя вас и воспевая,
я горжусь, что у меня
есть такая боевая
знаменитая родня!

1942

ЛЕВ ОШАНИН

* * *

Кем я был на войне?
Полузрячим посланцем из тыла,
Забракованный напрочно всеми врачами земли.
Только песня моя с батальоном в атаку ходила,—
Ясноглазые люди ее сквозь огонь пронесли:

Я подслушал в народной душе эту песню когда-то
И, ничем не украсив, тихонько сказал ей:— Лети!—
И за песню солдаты

встречали меня, как солдата,
А враги нас обоих старались убить на пути.
Что я делал в тылу?

Резал сталь огневыми резцами.
Взявшись за руки,
в тундре шагали мы в белую мглу.
Город строили мы, воевали с водой и снегами.
С комсомольских времен

никогда не бывал я в тылу.
Дай же силу мне, время,
сверкающим словом и чистым
Так пронеть, чтоб цвели
небывалым цветеньем поля,
Где танкисты и конники
шляхом прошли каменистым,
Где за тем батальоном дымилась дорога-земля.

1945

ДОРОГИ

Эх дороги...
Пыль да туман,
Холода, тревоги
Да степной бурьян.
Знать не можешь
Доли своей:
Может, крылья сложишь
Посреди степей.
Вьется пыль под сапогами
степами,
полями,

А кругом бушует пламя
Да пули свистят.

Эх, дороги...
Пыль да туман,
Холода, тревоги
Да степной бурьян.
Выстрел грянет,
Ворон кружит,

Твой дружок в бурьяне
Неживой лежит.
А дорога дальше мчится,
пылится,
клубится,
А кругом земля дымится —
Чужая земля!
Эх, дороги...
Пыль да туман,
Холода, тревоги
Да степной бурьян.
Край сосновый,
Солнце встает,
У крыльца родного
Мать сыночка ждет.
И бескрайними путями —
степями,
полями —
Всё глядят вослед за нами
Родные глаза.
Эх, дороги...
Пыль да туман,
Холода, тревоги
Да степной бурьян.
Снег ли, ветер
Вспомним, друзья.
...Нам дороги эти
Позабыть нельзя.

1945

ВЛАДИМИР ЖУКОВ

АТАКА

Дождем и снегом сеет небо.
А ты лежишь. И потом взмок.
И лезет в душу быль и небыль,
гремит не сердце, а комок.

Почти минута до сигнала,
а ты уже полуприсел.
Полупривсталла рота. Встала.
Полупригнулась. Побежала...
Кто — до победного привала,
кто в здоровотдел, кто в земотдел.

1943

МАМА

В проломах стен гудит и пляшет пламя,
идет война родимой стороной...
Безмолвная, бессонная, как память,
старушка мать склонилась надо мной.

Горячий пепел жжет ее седины,
но что огонь, коль сын в глухом бреду?
Так повелось, что мать приходит к сыну
сквозь горький дым, несчастья и беду.

А сыновья идут вперед упрямо,
родной земле, как матери, верны...
Вот потому простое слово «мама»,
прощаясь с жизнью, повторяем мы.

1943

«НА ЗАПАД»

Поставленная девичьей рукой
в последнем русском выжженном местечке,
мне с праздничною надписью такой
на КПП¹ запомнилась дощечка.

Здесь был конец моей родной земли,
такой огромной... Дальше шла чужбина,
куда друзья мои уже прошли
и шли потоком танки и машины.

В нагольном полушубке под ремень
на перекрестке девушка стояла.
Веселыми флажками в этот день
она нас всех на запад направляла.

Девчонке документы показав,
я с легким сердцем перешел границу...
А у девчонки карие глаза,
тревожные, как у тебя, ресницы.

1944

РОССИЯ

Михаилу Кочневу

Гудели танки, пушки корпусные
месили грязь и вязли до осей...
Знать, из терпенья вышла ты, Россия,
коль навалилась с ходу силой всей!

Какой маньяк посмел подумать только,
что ты покорной будешь хоть на миг?..
Россия — удаль гоголевской тройки,
Россия — музы пушкинской язык.

На тыщи верст — поля, леса да кручи,
в раздолье тонут синие края...
Где есть земля суровее и лучше,
чем ты, Россия, родина моя?!

1945

¹ КПП — контрольно-пропускной пункт.

ЯКОВУ ШВЕДОВУ

Я городов не помню, мне едва
одну дорогу описать пока,
где по кюветам черная трава
да лошадей раздутые бока,

где ветер смерти бьет в глаза и где
одни воронки, рвы да пустыри,
а у обочин в дождевой воде
спят вечным сном стрелки и пушкарки...

Там не пройти без боя и версты.
Товарищ мой! Закрою лишь глаза—
и вот они, разбитые мосты,
и вот они, горелые леса.

Но если спросишь ты сейчас меня:
такой-то город брал я или нет?—
припомнив вихрь железа и огня,
я промолчу, наверное, в ответ.

Но если скажешь ты, что там трава
была темна от крови и мертва,
что день и ночь без усталости вокруг
за каждый камень бились и чердак,—
я не солгу, когда отвечу так:
— Пожалуй, брал я этот город, друг.

Но если ты попросишь рассказать
про наш плацдарм на тисском берегу,
я промолчу, наверное, опять
и показать на карте не смогу.

Но если сам ты помнишь город Чоп,
изломы дамбы в пламени, в дыму,
так ты меня не спросишь ни о чем,
и, значит, карта будет ни к чему.

Я не писал на фронте дневников,
я позабыл названия городов —
их слишком много было на пути,
пока в родной мне довелось войти.

1946

МЫ ПРОСИМ ОБ ОДНОМ ТЕБЯ, ИСТОРИК

Был отступленья путь солдатский горек,
как горек хлеба поданный кусок...
Людские души обжигало горе,
плыл не в заре, а в зареве восток.

Рев траков над ячейкой одиночной
других сводил, а нас не свел с ума.
Не каждому заглядывали в очи
бессмертье и история сама.

Пошли на дно простреленные каски,
и ржавчина затворы извела...
Мы умерли в болотах под Демянском,
чтоб, не старея, Родина жила.

Мы просим об одном тебя, историк:
копаясь в уцелевших дневниках,
не умаляй ни радостей, ни горя —
ведь ложь, она как гвозди в сапогах.

1947

НА МАМАЕВОМ КУРГАНЕ

Когда тебе придется в жизни круто —
любовь изменит,
отойдут друзья
и, кажется, прихлынет та минута,
перед которой выстоять нельзя,—

приди сюда,
на этот холм отлогий,
где в голыши скипелись кровь и сталь.
Вглядись в свои обиды и тревоги,
в слова,
в дела,
в нелегкие дороги,
все соизмерь и на колени стань.

И многое предстанет мелким, вздорным,
и боль утихнет,

хоть была крепка...
Полынь и щебень. Как трава упорна!
И отливают бронзой облака,

1950

КОНСТАНТИН ВАНШЕНКИН

ВИНТОВКА

Утром, незадолго до привала,
Возле незнакомого села
Пуля парня в лоб поцеловала,
Пуля парню брови обожгла.

По снегу шагали батальоны,
Самоходки выровняли строй.
Покачнулся парень удивленно
И припал к проталине сырой.

И винтовка тоже, как живая,
Вдруг остановилась на бегу
И упала, ветви задевая,
Притворившись мертвой на снегу...

Похоронен парень у Дуная,
До него дорога далека,
Но стоит винтовка боевая
В пирамиде нашего полка.

1949

БЫВШИЙ РОТНЫЙ

В село приехав из Москвы,
Я повстречался с бывшим ротным.
Гляжу: он спит среди ботвы
В зеленом царстве огородном.

Зашел, видать, помочь жене,
Армейский навести порядок
И, растянувшись на спине,
Уснул внезапно между грядок.

Не в гимнастерке боевой,
Прошедшей длинную дорогу,
А просто в майке голубой
И в тапочках на босу ногу.

Он показался странным мне
В таком наряде небывалом.
Лежит мой ротный на спине
И наслаждается привалом.

Плывут на запад облака,
И я опять припоминаю
Прорыв гвардейского полка
И волны мутного Дуная.

В тяжелой мартовской грязи
Завязли пушки полковые.
«А ну, пехота, вывози!
А ну, ребята, не впервые!..»

Могли бы плыть весь день вполне
Воспоминанья предо мною,
Но я в полнейшей тишине
Шаги слышал за спиною.

И чей-то голос за плетнем:
— Простите, что побеспокою,
Но срочно нужен агроном... —
Я тронул ротного рукою.

...Мы пили с ним два дня спустя,
Вина достав, в его подвале,

Где ты, ротушка-матушка? Снова горнисты
На широком плацу протрубили подъем.
И шагают ребята путем каменистым,
Очень трудным, но очень почетным путем.

Наше ль дело солдатское — вялой походкой
Портить строй батальона, не в ногу идти?
Спорить нечего, трудно служить первогодкам,
Но ведь нам потрудней выпадали пути.

Я сегодня ищу подходящее слово,
Я стихами высокую службу несу.
Мне дороже всего похвала рядового,
С кем когда-то мы сосны валили в лесу.

1950

* * *

Зашел боец в избу напиться,
И цедит из ковша.
Свежа студеная водица.
Хозяйка очень хороша.

Напился, закурил устало.
Она глядит на синий дым.
Муж у нее чудесный малый,
Ей хорошо, должно быть, с ним.

Бойцу ж ни холодно, ни жарко,
Его-то дело — сторона,
Вот разве что немного жалко
Бойцу, что замужем она.

1950

ЮЛИЯ ДРУНИНА

* * *

Я ушла из детства в грязную теплушку,
В эшелон пехоты, в санитарный взвод.
Дальние разрывы слушал и не слушал
Ко всему привычный сорок первый год.

Я пришла из школы в блиндажи сырые,
От Прекрасной Дамы в «мать» и «перемать»,
Потому что имя ближе, чем «Россия»,
Не могла сыскать.

1942

* * *

Я только раз видала рукопашный.
Раз — наяву. И тысячу — во сне.
Кто говорит, что на войне не страшно,
Тот ничего не знает о войне.

1943

ЗИНКА

*Памяти однополчанки
Героя Советского Союза
Зины Самсоновой*

I

Мы легли у разбитой ели,
Ждем, когда же начнет светлеть.
Под шинелью вдвоем теплее
На продрогшей, гнилой земле.

— Знаешь, Юлька, я против грусти,
Но сегодня она не в счет.
Дома, в яблочном захолустье,
Мама, мамка моя живет.

У тебя есть друзья, любимый.
У меня — лишь она одна.
Пахнет в хате квашней и дымом,
За порогом бурлит весна.

Старой кажется: каждый кустик
Беспокойную дочку ждет...
Знаешь, Юлька, я против грусти,
Но сегодня она не в счет.

Отогрелись мы еле-еле,
Вдруг неожиданный приказ: «Вперед!»
Снова рядом в сырой шинели
Светлокосый солдат идет.

II

С каждым днем становилось горше,
Шли без митингов и знамен.
В окруженье попал под Оршей
Наш потрепанный батальон.

Зинка нас повела в атаку,
Мы пробились по черной ржи,
По воронкам и буеракам,
Через смертные рубежи.

Мы не ждали посмертной славы,
Мы хотели со славой жить.
...Почему же в бинтах кровавых
Светлокосый солдат лежит?

Ее тело своей шинелью
Укрывала я, зубы сжав,
Белорусские ветры пели
О рязанских глухих садах.

III

...Знаешь, Зинка, я против грусти,
Но сегодня она не в счет.

Где-то в яблочном захолустье
Мама, мамка твоя живет.

У меня есть друзья, любимый,
У нее ты была одна.
Пахнет в хате квашней и дымом,
За порогом бурлит весна.

И старушка в цветастом платье
У иконы свечу зажгла.
...Я не знаю, как написать ей,
Чтоб тебя она не ждала?

1944

СОЛДАТСКИЕ БУДНИ

Только что пришла с передовой
Мокрая, замерзшая и злая,
А в землянке нету никого,
И конечно, печка затухает.

Так устала — руки не поднять,
Не до дров — согреюсь под шинелью.
Прилегла, но слышу, что опять
По окопам нашим бьют шрапнелью.

Из землянки выбегаю в ночь,
А навстречу мне рванулось пламя,
Мне навстречу — те, кому помочь
Я должна спокойными руками.

И за то, что снова до утра
Смерть ползти со мною будет рядом,
Мимоходом: «Молодец, сестра!» —
Крикнут мне товарищи в награду.

Да еще сияющий комбат
Руки мне протянет после боя:
— Старшина, родная! Как я рад,
Что опять осталась ты живою!

1944

В ШКОЛЕ

Тот же двор,
Та же дверь.
Те же стены.
Так же дети бегут гуртом.
Та же самая «тетя Лена»
Суетится возле пальто.

В класс вошла.
За парту села,
Где училась я десять лет.

На доске написала мелом:
 $X + Y = Z$.

...Школьным вечером,
Хмурым летом,
Бросив книги и карандаш,
Встала девочка с парты этой
И шагнула в сырой блиндаж.

1945

МИХАИЛ ЛЬВОВ

* * *

Чтоб стать мужчиной, мало им родиться,
Как стать железом, — мало быть рудой.
Ты должен переплавиться. Разбиться.
И, как руда, пожертвовать собой.
Какие бури душу захлестнули!
Но ты солдат, и все сумеи принять:
От поцелуя женского до пули,
И научись в бою не отступать.

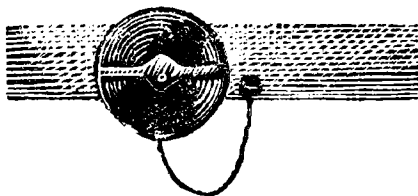
Готовность к смерти — тоже ведь оружие.
И ты его однажды примени...
Мужчины умирают, если нужно,
И потому живут в веках они.

1943

• • •

Опять отъезд на фронт, и снова
Я рву бумаги и дела.
И снова в роскоши пуховой
Метель над городом бела.
Опять в окно гляди устало
И слушай вечную гармонию.
Опять горящие вокзалы,
И снова снег летит в огонь.
Еще не выписан нам отдых,
Бессмертным именем любви
Благослови меня на подвиг,
На мужество благослови.

1944

МАРК ЛИСЯНСКИЙ

МОЯ МОСКВА

Я по свету немало хаживал,
Жил в землянках, в окопах, в тайге.
Похоронен был дважды заживо,
Знал разлуку, любил в тоске.

Но Москвою привык я гордиться
И везде повторяю слова:

Дорогая моя столица,
Золотая моя Москва!

У горячих станков и орудий,
В нескончаемой лютой борьбе
О тебе беспокоятся люди,
Пишут письма друзьям о тебе.

И врагу никогда не добиться,
Чтоб склонилась твоя голова,
Дорогая моя столица,
Золотая моя Москва!

1941

ГРИГОРИЙ КОРИН

НОВОРОССИЙСКИЙ ВОКЗАЛ, 1943 г.

Сорок пульманов с пломбами
На вокзале ночном.
Сорок пульманов с бомбами
Заметает дождем.

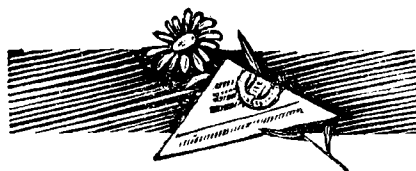
Мы лежим под вагонами —
Караул из двоих.
Под молчащими тоннами
Ждем диверсий ночных.

Сорок пульманов с пломбами,
И собачья пора...
Сорок пульманов с бомбами
В ночь взорвали вчера.

Автоматы заряжены.
Он — устал,
Я — устал.

Чуть отстанешь — и кажется,
Шевельнулся состав.

Папиросы потушены
Под вагонным дождем.
Мы по шпалам разрушенным
Друг за другом ползем.

ДАВИД САМОЙЛОВ

СЕМЕН АНДРЕИЧ

С. А. Косову

Помню! Синявинские высоты
Брали курсанты три раза подряд.
Еле уволокли пулеметы.
А три батальона — там лежат.

Помню! Мальчик простерт на талом
Снегу с простреленным животом.
Помню еще — о большом и малом,
Об очень сложном и очень простом.

И все же были такие минуты,
Когда, головой упав на мешок,
Думал, что именно так почему-то
Жить особенно хорошо.

И ясно мне все без лишних вопросов,
И правильно все и просто вокруг.
А рядом — Семен Андреевич Косов,
Алтайский пахарь, до смерти друг.

Да, он был мне друг, неподкупный
и кровный,
И мне доверяла дружба святая

— Ступай. Ты ранен. (Вот нынче
мороз-то!)
А я останусь, покуда жив.

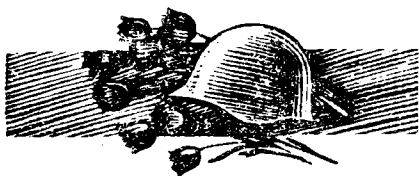
Мой друг Семен, неподкупный
и кровный!
Век не забуду наше прощанье.
Я напишу Пелагее Петровне,
Выполню клятвенное обещанье.

Девушки в золотистых косах
Споют, придя с весенней работы,
Про то, как Семен Андреич Косов
Один остался у пулемета.

И песни будут ходить, как кони,
По пышным травам, по майскому лугу.
И рощи, белые, как колокольни,
Листвою раззвонят на всю округу.

И полетят от рощи к роще,
От ветки к ветке по белому свету.
Писать те песни — простого проще,
И хитрости в этом особой нету.

1945—1946

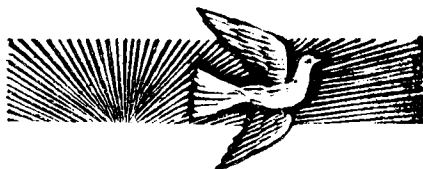

ГРИГОРИЙ ПОЖЕНЯН

эпилог

— Вернешься — ты будешь героем,
ты будешь бессмертен, иди! —
И стало тревожно, не скрою,
и что-то кольнуло в груди,

и рухнул весь мир за плечами:
полшага вперед — и в века...
Как это не просто — в молчанье
коснуться рукой козырька,
расправить шинельные складки,
прислушаться к дальней пальбе,
взять светлую сумку взрывчатки
и тут же забыть о себе...
А почестей мы не просили,
не ждали наград за дела.
Нам общая слава России
солдатской наградой была.
Да много ли надо солдату,
что знал и печаль и успех:
по трудному счастью — на брата,
да красное знамя — на всех.

БУЛАТ ОКУДЖАВА

ВДОВА

Он не писал с передовой,
она — совсем подросток —
звалась соломенной вдовой,
сперва — соломенной вдовой,
потом — вдовою просто.

Под скрип сапог, под стук колес
война ее водила,
и было как-то не до слез,
не до раздумий было.

Лежит в шкатулке медальон
убитого солдата.

Давно в гражданке батальон,
где он служил когда-то.

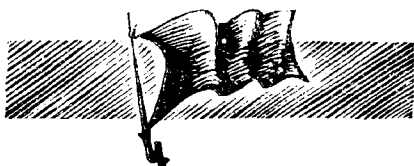
Но так устроено уже:
не сохнет лист весенний,
не верят вдовы в смерть мужей
и ждут их возвращенья.

Не то чтоб в даль дорог глядят
с надеждою на чудо,
что, мол, вернется он назад,
что вот придет домой солдат
неведомо откуда.

А просто, бед приняв сполна,
их взгляду нет границы,
и в нем такая глубина,
что голова кружится.

Как будто им глаза даны,
чтобы глазами теми
всем не вернувшимся с войны
глядеть на мир весенний.

1946

АЛЕКСАНДР МЕЖИРОВ

КОММУНИСТЫ, ВПЕРЕДИ

Есть в военном приказе
Такие слова,
На которые только в тяжелом бою
(Да и то не всегда)
Получает права
Командир, подымающий роту свою.

Я давно понимаю
Военный устав
И под выкладкой полной
Не горблюсь давно.
Но, страницы устава до дыр залистав,
Этих слов
До сих пор
Не нашел
Все равно.

Год двадцатый,
Коней одичавших галоп.
Перекоп.
Эшелоны. Тифозная мгла.
Интервентская пуля, летящая в лоб,—
И не встать под огнем у шестого кола.

Полк
Шинели
На проволоку побросал,—
Но стучит над шинельным сукном пулемет,
И тогда
 еле слышно
 сказал

— Коммунисты, вперед! Коммунисты, вперед!

Есть в военном приказе
Такие слова!
Но они не подвластны
Уставам войны.
Есть —
Превыше устава —
Такие права,
Что не всем
Получившим оружие
Даны...

Сосчитали штандарты побитых держав,
Тыщи тысяч плотин
Возвели на рекáх.
Целину подымали,
Штурвалы зажав

В заскорузлых,
Тяжелых
Рабочих
Руках.

И пробило однажды плотину одну
На Свирьстрое, на Волхове иль на Днестре.
И пошли головные бригады
Ко дну,
Под волну,
На морозной заре,
В декабре.

И когда не хватало
«...Предложенных мер...»
И шкафы с чертежами грузили на плот,
Еле слышно
сказал
молодой инженер:
— Коммунисты, вперед! Коммунисты,
вперед!

Летним утром
Граната упала в траву,
Возле Львова
Застава во рву залегла.
«Мессершмитты» плеснули бензин
в синеву,—
И не встать под огнем у шестого кола.

Жгли мосты
На дорогах от Бреста к Москве.
Шли солдаты,
От беженцев взгляд отводя.
И на башнях,
Закопанных в пашни «КВ»,

Высыхали тяжелые капли дождя.
И без кожуха
Из сталинградских квартир
Бил «максим»,
И Родимцев ошупывал лед.

И тогда
еле слышно
сказал
командир:
— Коммунисты, вперед! Коммунисты,
вперед!

Мы сорвали штандарты
Фашистских держав,
Целовали гвардейских дивизий шелка
И, древко
Узловатыми пальцами сжав,
Возле Ленина
В Мае
Прошли у древка...

Под февральскими тучами
Ветер и снег,
Но железом нестынушим пахнет земля,
Приближается день.
Продолжается век.
Индевеют штыки в караулах Кремля...

Повсеместно,
Где скрещены трассы свинца,
Где труда бескорыстного — невпроворот,
Сквозь века,
на века,
навсегда,
до конца:
— Коммунисты, вперед! Коммунисты,
вперед!

1947

МУЗЫКА

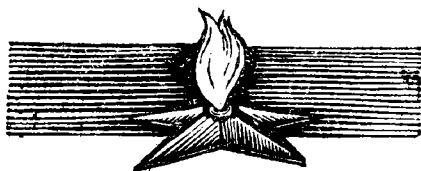
Какая музыка была!
Какая музыка играла,
Когда и души и тела
Война проклятая попала.
Какая музыка
во всем,

Осилим... Выстоим... Спасем...
Ах, не до жиру — быть бы живу...

Солдатам головы кружа,
Трехрядка
 под накатом бревен
Была нужней для блиндажа,
Чем для Германии Бетховен.

И через всю страну
 струна
Натянутая трепетала,
Когда проклятая война
И души и тела топтала.

Стенали яростно,
навзрыд,
Одной-единой страсти ради
На полустанке — инвалид
И Шостакович — в Ленинграде.

НИКОЛАЙ СТАРШИНОВ

* * *

Болота, населенные чертями,
Дороженьки, которым нет конца...
Смоленщина встречает нас дождями,
В которых больше, чем воды, свинца.

Но мы пока живем, не умираем,
И, просыпаясь поутру чуть свет,

Мы гимнастерки потные стираем
В ручьях, которым и названий нет.

Ботиночки разношенные ваксим,
Обмоточки мотаем до колен.
И снова тащим трехпудовый «максим»,
И так, наверно, до берлинских стен.

И вновь земля трясется от ударов,
И вновь взрывная катится волна...
Ты, наша юность, пламенем пожаров
И отсветом ракет озарена.

И вновь свинцовый ливень — вот он, вот он!..
Но я вернусь, я все-таки вернусь,
Клянусь своим станковым пулеметом,
Своей солдатской юностью клянусь!

1943

* * *

Зловещим заревом объятый,
Грохочет дымный небосвод.
Мои товарищи — солдаты
Идут вперед
За взводом взвод.

Идут, подтянуты и строги,
Идут, скупые на слова.
А по обочинам дороги
Шумит листва,
Шуршит трава.

И от ромашек тонконожек
Мы оторвать не в силах глаз.
Для нас,
Для нас они, быть может,
Цветут сейчас
В последний раз.

И вдруг (неведомо откуда
Попав сюда, зачем и как)

В грязи дорожной —
Просто чудо! —
Пятак.

Из желтоватого металла.
Он, как сазанья чешуя,
Горит,
И только обметало
Зеленой окисью края.

А вот — рубли в траве примятой!
А вот еще... И вот, и вот...
Мои товарищи — солдаты
Идут вперед
За взводом взвод.

Все жарче вспышки полыхают.
Все тяжелее пушки бьют...
Здесь ничего не покупают
И ничего не продают.

1945

* * *

Солдаты мы.
И это наша слава,
Погибших и вернувшихся назад,
Мы сами рассказать должны по праву
О нашем поколении солдат.

О том, что было, — откровенно, честно...
А вот один литературный туз
Твердит, что совершенно неуместно
В стихах моих проскальзывает грусть.

Он это говорит и пальцем тычет,
И, хлопая, как друга, по плечу,
Меня он обвиняет в безразличье
К делам моей страны...
А я молчу.

Нотации и чтение морали
Я сам люблю.

Мели себе, мели...
А нам судьбу России доверяли,
И кажется, что мы не подвели.

1945

* * *

И вот в свои семнадцать лет
Я стал в солдатский строй.
У всех шинелей серый цвет,
У всех — один покрой.

У всех товарищей-солдат
И в роте и в полку —
Противогаз, да автомат,
Да фляга на боку.

Я думал, что не устою,
Что не перенесу,
Что затеряюсь я в строю,
Как дерево в лесу.

Льют бесконечные дожди,
И вся земля — в грязи,
А ты, солдат, вставай, иди,
На животе ползи.

Иди в жару, иди в пургу.
Ну что — не по плечу?..
Здесь нету слова «не могу»,
А пуще — «не хочу».

Мети, метель, мороз, морозь,
Дуй, ветер, как назло, —
Солдатам холодно поврозь,
А сообща — тепло.

И я иду, и я пою,
И пулемет несу,
И чувствую себя в строю,
Как дерево в лесу.

1946

Навстречу мчались поезда,
Поселки, реки, города...
И в этот город — вот беда —
Наш поезд прибыл слишком рано.
Я шел, когда еще спала
Спокойным сном Махачкала.
И в небе синем без числа
Родились звезды Дагестана.

Здесь в госпитальной тишине
Пришлось лежать когда-то мне.
Я помню: я сгорал в огне.
И бред, и забытье ночное —
Я помню все...
И каждый раз
Ты, медсестра, за часом час
Сидела, не смыкая глаз,
Всю ночь, склонившись надо мною.

Давно забыт последний бой.
Давным-давно утихла боль.
Она прошла сама собой,
Когда совсем зажили раны.
И в постоянной смене лет
Давно я потерял твой след.
Но мной ты не забыта, нет,
Моя сестра из Дагестана.

Иду, и кажется: во тьме
Твои глаза сияют мне,
Твой голос слышу в тишине
У моря, под шатром каштана,
А это ветер озорной
Шумит листвою, как дождь весной,
Качает ветви надо мной
Беспечный ветер Дагестана.

1948

ЛЕОНИД МАРТЫНОВ

НАРОД-ПОБЕДИТЕЛЬ

Возвращались солдаты с войны.
По железным дорогам страны
День и ночь поезда их везли.
Гимнастерки их были в пыли
И от пота еще солонны
В эти дни бесконечной весны.

Возвращались солдаты с войны,
И прошли по Москве точно сны, —
Были жарки они и хмельны,
Были парки цветами полны.
В зоопарке трубили слоны, —
Возвращались солдаты с войны!

Возвращались с войны старики
И совсем молодые отцы —
Москвичи, ленинградцы, донцы...
Возвращались сибиряки!

Возвращались сибиряки —
И охотники, и рыбаки,
И водители сложных машин,
И властители мирных долин, —
Возвращался народ-исполин...

Возвращался?
Нет!
Шел он вперед,
Шел вперед
Победитель-народ!

СОДЕРЖАНИЕ

Е. Винокуров. Поэзия мужества	5
Василий Лебедев-Кумач	
Священная война	11
Александр Твардовский	
О Родине	12
Я убит подо Ржевом	14
В тот день, когда окончилась война	18
Свет — всему свету	21
9 мая	25
22 июня 1941 года	26
Их памяти	28
Демьян Бедный	
Я верю в свой народ	29
Рад Отечеству служить	30
Встреча	31
Михаил Исаковский	
Слово о России	31
Враги сожгли родную хату...	34
Летят перелетные птицы...	35
Николай Асеев	
Это — медленный рассказ...	36
Семен Кирсанов	
Долг	39
Иван Молчанов	
Дороги	40
Виссарион Саянов	
«Что мы пережили, расскажет историк...»	41
Александр Жаров	
Заветный камень	42
Грустные ивы	43
Константин Симонов	
«Майор привез мальчишку на лафете...»	44

«Жди меня, и я вернусь...»	45
«Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщи- ны...»	46
Алексей Сурков	
Песня смелых	48
«Человек склонился над водой...» . . .	48
«Бьется в тесной печурке огонь...» . .	49
«Видно, выписал писарь мне дальний би- лет...»	49
Утро Победы	50
Николай Ушаков	
Харьков	51
Николай Рыленков	
«В суровый час раздумья нас не троньте...»	52
«Бой шел всю ночь, а на рассвете...» . .	52
«Письмо и карточка в конверте...» . . .	54
Борис Пастернак	
Смерть сапера	54
Александр Прокофьев	
Товарищ, ты видел	57
Сергей Марков	
Суворов	59
Степан Щипачев	
22 июня 1941 года	60
В засаде	61
Гамзат Цадаса	
Жизнь и Родина	62
Анатолий Кудрейко	
Запасный полк	63
Николай Тихонов	
Ленинград	65
Могилы красноармейцев на площади в Бел- граде	66
Михаил Светлов	
Итальянец	67
Возвращение	68
Яков Шведов	
Смуглянка	70
Анна Ахматова	
Клятва	71
Первый дальноточный в Ленинграде . . .	71
«А вы, мои друзья последнего призыва!...»	72
Мужество	72
«Щели в саду вырыты...»	73

Георгий Суворов	
Первый снег	74
Косач	74
Николай Отрада	
Мир	75
«Еще утрами черный дым клубится...» .	76
Николай Майоров	
«Нам не дано спокойно сгнить в могиле...»	77
Владислав Занадворов	
На высоте «Н»	78
Владимир Чугунов	
Перед атакой	78
После боя	79
Борис Богатков	
Перед наступлением	80
Праздничный стол в блиндаже	81
Борис Костров	
После боя	82
Всеволод Лобода	
Начало	83
Василий Кубанев	
Ты должен помогать	84
Алексей Лебедев	
Возвращение из похода	85
На дне	86
Михаил Кульчицкий	
«Мечтатель, фантазер, лентяй-завистник!..»	87
Павел Коган	
«Нам лечь, где лечь...»	88
Борис Котов	
«В полночь холодно, в полдень жарко...»	88
Леонид Вилкомир	
«Мы победим. Мои — слова...»	89
Юрий Инге	
Тральщики	90
Али Шогенцуков	
Призыв	91
Муса Джалиль	
Воля	93
Прости, Родина!	94
Александр Артемов	
Корабли уходят в море	96
Джек Алтаузен	
Родина смотрела на меня	98

Фатых Карим	
Дикие гуси	99
Константин Бельхин	
Письма	100
Всеволод Багрицкий	
Одесса, город мой!	101
Семен Гудзенко	
«Прожили двадцать лет...»	102
Перед атакой	103
«Я был пехотой в поле чистом...»	104
«Мы не от старости умрем...»	104
Виктор Гусев	
На грозную битву вставайте!	105
Казак уходил на войну	106
Иосиф Уткин	
Ты пишешь письмо мне	107
Сестра	108
Ярослав Смеляков	
Земля	108
Судья	109
Милые красавицы России	111
Александр Яшин	
«Не позабыть мне первых схваток...»	112
«Назови меня именем светлым...»	113
Не умру	113
Алексей Недогонов	
22 июня 1941 года	115
Предсказание	115
Материнские слезы	116
Долг	117
Никул Эрнай	
Над полями шум...	118
Александр Чуркин	
Вечер на рейде	119
Сергей Поделков	
Офицер	120
Всеволод Рождественский	
Волховская зима	122
Павел Шубин	
Полмига	123
«Утешителям не поверишь...»	123
В секрете	124
Анатолий Софронов	
Шумел сурово брянский лес	125

Песня о двадцати восьми	126
От Краснопресненской заставы	127
По-за Днепром	127
Владимир Федоров	
«Я — в кольце острокрышного города...»	128
Иван Бауков	
Горит Варшава	129
Говори мне о России...	130
Педер Хузангай	
Журавли	131
Петр Нефедов	
Бессмертие	132
Михаил Дудин	
Соловьи	133
Сергей Орлов	
«Спят солдаты крепким сном...»	136
«Его зарыли в шар земной...»	137
«А мы такую книгу прочитали!»	137
Паромщик	138
Атака на рассвете	139
В кино	139
Ольга Берггольц	
«...Я говорю с тобой под свист снарядов...»	141
Февральский дневник	142
Стихи о себе	147
Дмитрий Кедрин	
«Весь край этот, милый навеки...»	148
Дмитрий Ковалев	
Камень	150
Алим Кешоков	
Незавершенный портрет	151
Александр Коваленков	
Памятник	152
«Бабка старая, причитая...»	152
«Вонзилось в память, как заноза...»	153
Алексей Фатьянов	
Соловьи	154
Где же вы теперь, друзья-однополчане?	155
Давид Кугультинов	
Высота	156
Василий Кулемин	
Родина	157
Николай Грибачев	
Иду!	158
Прага	161

Михаил Луконин	
Поле боя	162
Коле Отраде	164
Приду к тебе	166
Сталинградский театр	168
Мои друзья	169
Сергей Наровчатов	
Облака кричат	172
В те годы	172
Костер	173
Василий Федоров	
Две стали	175
Василий Субботин	
«Бои, бои... Тяжелый шаг пехоты...» . . .	176
30 апреля 1945 года	177
Бранденбургские ворота	177
Сергей Смирнов	
Шиповник	177
От первого лица	178
Борис Слуцкий	
Кёльнская яма	180
Военный рассвет	181
Александр Решетов	
«Огонь войны не сжег в душе, не выжег...»	183
Леонид Решетников	
Ночная атака	184
Николай Панов	
Дом старшины	185
Александр Николаев	
Парторг	188
Глеб Пагирев	
«Остановясь на полуслове...»	189
На пепелище	189
Василий Журавлев	
«Впереди леса еловые...»	191
Сергей Островой	
Братья	192
Пейзаж	192
Юрий Мельников	
Мы уходили призываться...	193
Николай Букин	
Прощайте, скалистые горы	194
Кайсын Кулиев	
Лирические записи	195

«Тот, кто говорит, что на войне...» . . .	195
Виктор Гончаров	
«Мне ворои черный смерти не пророчил...» . . .	196
«Я скажу, мы не напрасно жили...» . . .	196
Евгений Винокуров	
«Я эти песни написал не сразу...» . . .	197
«В полях за Вислой сонной...» . . .	198
«В семнадцать лет я не гулял по паркам...»	198
Вадим Шефнер	
Зеркало	199
Семафор	200
Владимир Туркин	
В окопе	201
Евгений Долматовский	
Украине мой	202
Регулировщица	203
Сергей Алымов	
Вася-Василек	204
Петр Комаров	
Аэроград	205
Сунгарийские болота	207
Владимир Карпеко	
После разведки	207
2 мая 1945 года в Берлине	209
Мустай Карим	
Дождь	209
Украине	211
Василий Захарченко	
Мост	212
Сергей Васильев	
Поле русской славы	213
Землякам-сибирякам	214
Лев Ошанин	
«Кем я был на войне?..»	215
Дороги	216
Владимир Жуков	
Атака	218
Мама	218
«На запад»	219
Россия	219
Якову Шведову	220
Мы просим об одном тебя, историк . . .	221
На Мамаевом кургане	221

Константин Ваншенкин	
Винтовка	222
Бывший ротный	223
Первогодкам	224
«Зашел боец в избу напиться...»	225
Юлия Друнина	
«Я ушла из детства в грязную теплушку...»	226
«Я только раз видала рукопашный...»	226
Зинка	226
Солдатские будни	228
В школе	229
Михаил Львов	
«Чтоб стать мужчиной, мало им родить-ся...»	229
«Опять отъезд на фронт, и снова...»	230
Марк Лисянский	
Моя Москва	230
Григорий Корин	
Новороссийский вокзал, 1943 г.	231
Давид Самойлов	
Семен Андреич	232
Григорий Поженян	
Эпилог	234
Будат Окуджава	
Вдова	235
Александр Межиров	
Коммунисты, вперед!	236
Музыка	239
Николай Старшинов	
«Болота, населенные чертями...»	240
«Зловещим заревом объятый...»	241
«Солдаты мы...»	242
«И вот в свои семнадцать лет...»	243
«Навстречу мчались поезда...»	244
Леонид Мартынов	
Народ-победитель	245

**Поэзия периода Великой Отечественной войны
1967 и первых послевоенных лет / Сост. В. М. Курганова,
вступ. статья Е. М. Винокурова. — М.: Сов. Рос-
сия, 1983. — 256 с., ил. — (Школьная б-ка).**

В этот сборник вошли стихотворения поэтов нескольких поколе-
ний, ибо с первых дней войны вся советская поэзия вступила на
солдатскую дорогу. От Демьяна Бедного до самых юных, от тех, ко-
торые уже обрели славу, до тех, которых она еще ждала. Все они
стали воинами, проявили себя как истинные патриоты социалисти-
ческой Отчизны, кровно связанные с народом. Именно поэтому го-
лос их музыки, как сказал наш великий русский поэт, «звучал как
колокол на башне вечевой во дни торжеств и бед народных».

Для детей старшего школьного возраста

Составитель
Валентина Михайловна Курганова

**ПОЭЗИЯ
ПЕРИОДА ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
И ПЕРВЫХ ПОСЛЕВОЕННЫХ ЛЕТ**

Редактор *А. И. Стройло*
Художественный редактор *М. В. Таирова*
Технический редактор *Т. С. Маринина*
Корректоры *Т. А. Лебедева, Т. В. Новикова*

ИБ № 3150

Сдано в набор 06.05.83. Подписано в печать 16.06.83.
А04600. Формат 84×108/32. Бумага типогр. № 1. Гарнитура
литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 13,44. Усл.
кр.-отт. 13,97. Уч.-изд. л. 11,86. Тираж 100 000 экз.
Заказ № 101. Цена 90 к. Изд. инд. ЛД-442.

Ордена «Знак Почета» издательство «Советская Россия»
Государственного комитета РСФСР по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли. 103012. Москва, проезд
Сапунов, 13/15.

Набрано и сматрицировано в типографии издательства
«Радянська Україна». 252006. Киев, ул. Анри Барбю-
са, 51/2.

Отпечатано на Книжной фабрике № 1 Росглавполиграф-
прома Государственного комитета РСФСР по делам из-
дательств, полиграфии и книжной торговли, г. Электро-
сталь Московской обл., ул. им. Тевосяна, 25.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»

Вышла в свет книга:

Огни над Амуром

Сборник прозаических и поэтических произведений, посвященных 50-летию легендарного города Комсомольска-на-Амуре, рассказывает о рождении и становлении города в тайге, о его первостроителях — комсомольцах 30-х годов. Сюда вошли известные произведения Е. Долматовского, В. Кетлинской, В. Багрицкого, Л. Татьяничевой и другие.

